

sf_fantasy

Татьяна
Серганова

Тьяна. Избранница Каарха

Мой мир жесток и не прощает ошибок. Десять лет я существовала, боясь собственной тени. Ждала, что за мной в любой момент придут. И вот этот миг настал. Меня зовут Тьяна Абремо. Я дочь предателей, проклятая собственной матерью. По приказу великого императора я должна стать женой дикаря с непокорного острова в самом сердце океана, кишящего морскими чудовищами — кракенами. Он Каарх. Потомок некогда великого и древнего рода. Единственный, кто сможет противостоять монстрам Темного. Наш союз изначально обречен на провал. Но что будет, если в игру правителей вмешается любовь?

ru

Кауа

FictionBook Editor Release 2.6.7
24 April 2019
050BD6CF-9421-414D-8544-D6B0FCBE9322
1.0

1.0 — создание файла (Кауа)

Татьяна Серганова «Тьяна. Избранница Каарха»
Альфа-книга
Москва
2019
978-5-9922-2863-2

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5 С32 Художник В. Успенская Тьяна. Избранница Каарха: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019,— 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика). Заведующий редакцией В. Н. Маршавин Ответственный редактор Т. А. Стельмах Художественный редактор Л. В. Меркулова Технический редактор А. А. Ершова Корректор Н. А. Карелина Компьютерная верстка Л. С. Федерякиной Подписано в печать 25.02.19. Формат 84x108/32. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 3000 экз. Изд. № 8482. Заказ №2289

Татьяна Серганова
ТЪЯНА. ИЗБРАННИЦА КААРХА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тьяна

«Красные волки» пришли за мной на рассвете.

Мы уже успели позавтракать и обслужить нашу немногочисленную живность в виде старой тощей козы и двух десятков кур.

Собрав яйца в корзинку, я помогала старой няне, старательно вытиравшей посуду, прополоскать наши пожитки в деревянной лохани, такой древней, что дерево уже рассохлось, деформировалось и потрескалось, из-за чего вода медленно вытекала из щели под ноги. От въедливого, дурно пахнущего мыла, которое мы сами варили, жгло руки и трескалась кожа. Еще одна причина закончить стирку как можно быстрее.

Утро было по-летнему теплым и солнечным. Мы расположились на заднем дворе, подставив бледные лица под мягкие лучи. Ничто не предвещало беды. Хотя еще вчера вечером нянюшка, раскладывая пасьянс, хмурилась и кусала губы, поднося к подслеповатым глазам затертые карты.

— Прошлое, — бормотала она, и я отчетливо видела ее изрезанное морщинами лицо в отвесах огня, горевшего в очаге. — Прошлое возвращается.

Я не обратила внимания на ее слова, хотя стоило насторожиться. Когда живешь в нервном ожидании более десяти лет, потихоньку начинаешь менять свои взгляды, привычки. И бояться тоже перестаешь. Потому что существование в постоянном страхе может лишить рассудка. А я не собиралась преподнести императору такой подарок. О нет, я собиралась долго жить и напоминать ему своим существованием о том, что произошло десять лет назад.

Их было шесть.

Половина элитного отряда безжалостных убийц и головорезов в черной форме с алыми, как кровь, мордами волков на груди, открывшими пасти в жутком оскале. «Красные волки», императорские палачи, страх и ужас для каждого.

Они зашли бесшумно, лишь холодные взгляды, от которых озноб прошел по спине, заставили меня обернуться. Посмотреть на них, почувствовать, как душа уходит в пятки, постараться не двигаться и не доставать припрятанный в потайном кармане ножик, что не раз спасал меня от подвыпивших граждан, пытавшихся затащить строптивую девицу в ближайшие кусты.

— Нам нужна Тьяна Абремо, — произнес один из вошедших, окидывая нас брезгливым взглядом.

Нянюшка охнула, уронила тарелку, та, тихо звякнув, упала в траву. Дорогого фарфора давно уже не было. Большую часть украли слуги, что поспешили сбежать из замка, как только хозяева были схвачены и увезены в Башню смерти. Остальное вместе с имуществом забрали императорские прихвостни, лишь парочку блюд удалось припрятать няне. Она продала их в лавку семь лет назад, в страшную зиму, когда мы с трудом выживали, а я слегла с горячкой, которая едва не отправила меня за грань. Так что бесценного фарфора давно не было, а оловянным тарелкам ничего не сделается.

— Это я, — спокойно произнесла, осторожно подняла упавшую тарелку и, быстро ополоснув пальцы, вытерла их о подол потертой юбки.

— Что — ты?

— Я — Тьяна Абремо.

Как же мне хотелось добавить титул. Но герцогство было ликвидировано, все замки, поместья, деньги и драгоценности конфискованы в пользу Империи. Оставались лишь жалкое пособие, те вещи, что няня успела спрятать, и крохотный домик вдалеке от столицы, в котором нам позволили существовать.

— Ты?

Они внимательно меня осмотрели. В глазах явно читалось недоверие. Дело не только в залатанной старенькой одежде. Дочь Микеллы и Арнольда Абремо должна была быть другой.

— Проклята, — сорвалось с губ одного, самого молодого.

Его тут же толкнули в бок, заставив замолчать. А я лишь усмехнулась, почувствовав, как страх отступает. Есть кое-что пострашнее «красных волков» — гнев богов, который одинаково беспощаден к бедным и богатым. Говорят, что дети не несут ответственности за грехи своих родителей. Ложь. Я являлась ярким тому примером.

Волки смотрели и понимали, что я не лгу. Такое не прощалось.

— Приказом императора вам велено прибыть в столицу.

Медленно опустилась на пенек и жалобно всхлинула няня, прижав дрожащую руку к лицу.

— Все будет хорошо, — шепнула я, ободряюще погладив ее по спине. — Я могу собрать вещи и переодеться?

— Да, — отрывисто произнес первый мужчина, судя по нашивке, командир подразделения, и отвел взгляд в сторону. — У вас десять минут.

— А моя няня?

— Приказано доставить лишь вас.

Старые половицы жалобно заскрипели, когда я вбежала в домик и сразу бросилась за печку, где находилась моя комната, хотя назвать ее так мог лишь сумасшедший. Но какая разница? Здесь помещались лежанка и сундучок для одежды, а еще зимой тут было тепло, и простуда мне не грозила. Большого в данной ситуации не требовалось.

Вошла, задернула занавеску, быстро стянула блузку и юбку, осталась в сорочке из грубого сукна, от которого к вечеру страшно чесалась кожа. Потянулась к сундучку, достала с самого дна мое единственное парадное платье, которое мы выкупили у старьевщика, как смогли, покрасили в ярко-синий цвет и заштопали. Цвет был не совсем синий, краска взялась плохо, платье вышло с разводами, но они получились такими необычными, что создавалось впечатление, будто так и было задумано. Натянув его, подпоясала тканевым пояском, сдернула с головы платок, причесалась и украсила волосы гребешком с искусственными цветами, пожелтевшими от времени.

Рука дрогнула, когда я водрузила гребешок на голову и стала изучать собственное отражение в осколке зеркала, прикрепленном к стене. Промелькнула мысль: зачем я так стараюсь? Для кого? Все равно никто не оценит, лишь высмеют.

Выдернула гребешок, вздрогнула от боли, когда он потянул за собой волосы, некоторое время сжимала его в руке, а затем бросила на лежанку.

Вещей у меня было немного, да и не стоило брать юбки и блузки с собой. Поэтому в небольшой мешок аккуратно легли сменное белье и еще одна сорочка.

Замерла и некоторое время прислушивалась к звукам, доносившимся с улицы, затем достала из тайника припрятанную деревянную шкатулку с дорогими сердцу безделушками — камушками, ракушками и стеклянными бусами. Денег они не стоили, но и расставаться с ними я не желала. Последним из шкатулки был извлечен небольшой кулон. Самая дорогая и самая бесполезная вещь в жизни. Великое Древо, выполненное из золота, с листочками из изумрудов и моим именем внизу. Кулон, который нельзя продать или украсть, ведь его боги дарят каждой дриаде после первого круга испытаний.

Я хорошо помнила, как через полгода после казни родителей швырнула его в воду, не желая видеть частицу прошлого, которое у меня отняли. Он все равно вернулся ко мне через пару месяцев в желудке рыбы.

— Береги его, — сказала няня, возвращая кулон Древа. — Береги и помни, кто ты такая и кем были твои родители. Помни, как их предали, и будь сильной. Не дай себя сломать.

Как только украшение коснулось груди, я прижала его ладонью, на мгновение закрыла глаза. Нет, не к богам я взывала в этот момент, а к родителям. И пусть это неправильно, души ушедших тревожить грешно — сам Мертвый бог может откликнуться и утащить в свой острог, где царит вечная ночь, — но я уже давно перестала бояться.

— Я готова, — сообщила волкам, выходя наружу.

— Тьяна, — беспомощно прошептала нянюшка, протянув ко мне руки.

Я подбежала к ней и упала на колени, благодаря за те годы, которые она была рядом, растила меня, не давала сгинуть, светлой тенью освещала мой путь.

— Спасибо, — прошептала, целуя морщинистые руки.

— Пусть хранит тебя Сайрон, — произнесла она, касаясь моего лба большим пальцем, словно хотела оставить отпечаток, провела по бровям, рисуя дуги, тихо дунула в нос. — Пусть его благодатный огонь коснется твоего сердца и согреет в самый трудный момент.

Я вытерпела все это молча и даже не поморщилась.

— Спасибо. Я вернусь за тобой. Обязательно вернусь.

— Будь осторожна, помни, чему я тебя учила. И не гневи богов, им лучше знать, куда тебя вести и какие препятствия создавать.

— Я понимаю.

Я понимала, но не одобряла и не прощала.

Боги уже десять лет были для меня мертвыми идолами в храме. Я давно утратила веру и вернуть ее не могла.

Путь до столицы Империи занял около шести часов, и то благодаря грифонам.

Увидев эти огромные, гордые создания на небольшой деревенской площади в окружении любопытной толпы, которая дергалась и вздыхала от каждого движения летучих существ, я на мгновение застыла, почувствовав давно забытое волнение.

Столько лет прошло с тех пор, когда в последний раз каталась на грифоне! Но я не забыла. Белоснежные мягкие перья под ладонями; крепкие сильные руки отца, который держал меня в седле, не давая упасть; тревожная улыбка мамы — она так боялась за меня и просила отца повременить с полетами; ветер в волосах, ощущение полета, напряженные мышцы грифона подо мной и счастливый смех, срывающийся с губ.

— Чего встала? — последовал грубый толчок в спину, от которого я едва не упала и еще сильнее прижала узелок с вещами к груди.

— Видать, оторопела от счастья, — хохотнули другие волки.

— Или со страху.

— Молчать! — выкрикнул командир, заставив их прекратить разговор, а меня вздрогнуть. — А ты иди сюда. — Мужчина подошел к одному из грифонов со светло-бежевым оперением и коричневыми крыльями, похлопал по сиденью рядом с собой.

Выбора не было. Я чувствовала взгляды жителей деревни, слышала их смешки и гул голосов. Как же им не терпелось обсудить эту новость! «Проклятая!» — крикнул кто-то из толпы.

— Пособница Темного бога! — тут же подхватил кто-то другой, но я даже не обернулась.

Надо же, как расхрабрились, раньше за ними такой прыти не наблюдалось. Они даже в глаза мне боялись смотреть, считали, что могу проклясть и украсть душу.

— Проклятая! Проклятая!

Мужчина недовольно оглядел толпу и бросил коротко:

— Разогнать.

— Да, капитан Урли.

Когда через десять минут мы взлетали с площади, на ней никого не было.

Путь оказался сложным и тяжелым. Солнце припекало голову, а злобный ветер на высоте грозился сорвать с седла; приходилось крепко держаться и молчать, даже когда было страшно. К концу полета я не чувствовала своего тела, руки онемели, меня трясло. Но я молчала, даже в туалет не просилась, дождалась привала в середине пути.

Столица нисколько не изменилась за прошедшие годы. Все так же много блеска, шума и контрастов. Богатые дома и особняки с красными крышами соседствовали со зловонными трущобами. Блеск и нищета, отчаянье и фальшивое счастье. В центре древнего города располагался огражденный магической завесой белоснежный дворец императора с золотым шпилем на самой высокой башне, ярко блестящим на солнце.

Мы приземлились у одного из трех охраняемых входов во дворец, который со всех сторон окружали казармы.

— Тьяна Абремо, — доложил Урли, передавая меня из рук на руки.

В прямом смысле этого слова. Ноги так отекли и болезненно ныли, что я едва не упала на землю. Но меня вовремя успели подхватить стражники.

— Куда нести? — растерянно спросил один из них.

— Внутри, — ответил волк, направляясь к казарме. — Ее ожидает мадам Силс.

И меня понесли. Я даже не пыталась смотреть по сторонам — и так знала, что увижу: бесконечные зеленые сады, полные диковинных цветов и растений, ухоженные газоны, мощеные дорожки, беседки, статуи из белоснежного мрамора и фонтаны с неглубокими чашами. Поэтому предпочла закрыть глаза и сосредоточиться на собственных ощущениях.

— Это что? — раздался рядом противный женский голос.

— Тьяна Абремо, — сообщили неизвестной, и меня все-таки поставили на землю. — Сказали вам доставить.

В этот раз мне удалось устоять на ногах. Откинув с лица влажные от пота волосы, я взглянула на женщину. Дородная, невысокая, с двойным подбородком и лицом, густо намазанным белилами, с алыми губами, черной мушкой на щеке и густо накрашенными ресницами, которые делали ее глаза-пуговицы совсем маленькими.

— Какое убожество.

Я равнодушно пожала плечами. Кто бы говорил.

— В купальню ее, быстро.

Тут же со всех сторон меня окружили десять прекрасных девушек-банщиц. Они отобрали узелок с вещами и слаженно двинулись вместе со мной в сторону больших одноэтажных павильонов, которые располагались с левой стороны.

— Быстрее, быстрее, — пыхтя, командовала мадам Силс, следуя за нами.

Стоило войти внутрь и ступить на пол, покрытый гладкой плиткой, как с меня без лишних разговоров стали стягивать одежду, она рвалась, превращалась в жалкие лохмотья и падала на пол. Когда на мне не осталось ни единого клочка, а волосы были распущены и упали на плечи и грудь, меня подтолкнули к небольшому бассейну, совсем крохотному и неглубокому.

— Залезай.

Кулон никто не трогал. Я видела, как дружно переглянулись банщицы, изучая золотое Древо, как вглядывались в лицо, пытаясь понять, каким образом такой, как я, он достался, но молчали. Меня скребли и терли мочалками так сильно, словно хотели содрать кожу. Выливали на волосы шампуни, снова и снова заставляли окунаться в бассейн с головой. И опять терли, мыли и пенили. От слишком резкого запаха стало трудно дышать, от голода сводило желудок.

— Ныряй, — скомандовали служанки, и я послушно погрузилась в воду, чувствуя, как теплая вода болезненно пощипывает израненную кожу.

Когда я вынырнула на поверхность, стерла влагу с глаз и отдышалась, не сразу поняла, что обстановка изменилась. Служанки, которые до этого вполголоса переговаривались между собой, замолчали, стало как-то тревожно.

— Ваше высочество, вам не стоит... — любезно щебетала мадам Силс, пытаясь угодить гостю или гостье.

Я дернула головой, обхватила плечи руками и попыталась хоть как-то укрыться от любопытных глаз. Хорошо в бассейне было много пены, я погрузилась в воду почти по подбородок и только потом решила посмотреть на вошедших.

— Так вот ты какая, — медленно произнесла одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо видела.

Светлокожая от природы, с легким естественным румянцем, которого не добиться искусственно, с ямочками на щеках и золотистыми локонами, украшенными драгоценными камнями. Ярко-синие глаза презрительно меня рассматривали, стараясь не упустить ни одной детали.

— Дочь той самой Микеллы Абремо, — продолжила она.

Голос у нее был под стать внешности: тихий, мелодичный и очень красивый.

Но я продолжала упрямо молчать. Принцесса Этель несколько не изменилась за эти годы. Все такая же раздраженная злобная кукла. Я помнила, как она расцарапала мне до крови лицо, когда я отказалась отдать ей свою игрушку.

— Ну, здравствуй. — Алые губы злобно искривились. — Сестричка.

Вот только этого мне не хватало.

— И сколько невинных душ ты успела сожрать на радость Темному богу, пока волки не привезли тебя сюда? — не дождавшись моего ответа, задала вопрос принцесса.

О, как она ликовала и гордилась своим превосходством, наслаждаясь мгновением, когда могла унижить меня и втоптать в грязь!

Я ведь отомстила ей тогда за царапины на лице, из-за которых болезненно ныла кожа и было сложно есть. Любое неловкое движение — и раны открывались и начинали кровоточить. Но и я не осталась в долгу. Прокралась в спальню, где отдыхала после обеда царственная особа, и отрезала ее золотистые кудряшки, которым когда-то очень завидовала. Не все, конечно, а только те, до которых смогла дотянуться. Но зато под самый корень, едва не захлебываясь от рвущегося наружу смеха.

От родителей мне тогда сильно досталось. Папа никогда не поднимал на меня руку, но в тот момент его глаза так горели, что я думала — еще немного, и он не выдержит. Остановила его мама. Бесшумно подошла сзади, обняла и что-то тихо прошептала на ухо. Всего пару слов, но это помогло, и я отделалась тем, что меня на месяц лишили сладкого. Это меня нисколько не огорчило. Месть была намного слаще.

Он этих воспоминаний ко мне вернулась уверенность.

Хмыкнув, я начала медленно подниматься и встала в полный рост. Вода была мне по пояс, холмики груди, которые не смогли скрыть волосы, обнажились. Тонкие ручейки стекали по лицу, шее и груди, терялись в мутной мыльной воде. Я слегка наклонила голову, исподлобья изучая солнечную принцессу, оскалила зубы в жесткой усмешке и тихим, глухим голосом поинтересовалась:

— Ты хочешь предложить свою душонку?

Нельзя так шутить, опасно и неблагоразумно, но удержаться я не смогла и с удовольствием наблюдала, как вытянулось лицо Этель, как она дрогнула, отступила на шаг назад.

Я знала, что принцесса в курсе того обмана, который сломал мою жизнь, но все равно девушка отшатнулась, отступилась, снедаемая страхом, который усилили тихие вскрики служанок, метнувшихся от меня, как от прокаженной. Отчасти именно такой я и была. И давно научилась пользоваться этим себе во благо.

— Тебе не запугать меня, отродье. Огонь Сайрона на моей стороне!

— Отродье? — насмешливо переспросила я, вода подушечками пальцев по воде и разгоняя пену на сотни мелких пузырьков. — Разве не ты только что назвала меня сестрой?

— Дочь клятвopеступников не может быть мне родственницей, — фыркнула принцесса и окончательно взяла себя в руки.

Видимо, до этого момента служанки понятия не имели, кого им велели мыть, и сейчас тихий гул пронесся по купальне.

— Клятвopеступники...

— Дочь Абремо...

— Колдеры...

— Проклятая...

— Создание Темного бога...

— Проклятая... проклятая...

На их шепот я не обратила внимания, столько слышала таких разговоров за свою жизнь, что не пересчитать. В данный момент сосредоточилась на принцессе.

— Волки ведь не сказали, зачем император решил призвать такую, как ты? Конечно, не сказали. Никто не знает, лишь самые близкие к отцу люди. Пришло время платить по счетам, отродье.

Теперь и ты послужишь благу Империи.

— И что это значит?

— Узнаешь. У меня нет права оглашать волю императора. Я просто хотела убедиться, что слухи не врут. Ты лишь жалкая тень своей матери...

Я вновь опустилась в воду и лениво улыбнулась, наслаждаясь ее смятием. Ведь Этель, направляясь сюда, ждала другого. Думала, что время и невзгоды сломали соперницу, превратили в затравленную деревенщину. Но я сильнее, чем они думали. И еще докажу это, когда придет время.

— Расскажи же, что мне неизвестно!

— Дикарка. Безбожница.

— Это я тоже знаю.

— Посмотрим, как ты потом запоешь, — ледяным тоном ответила Этель, развернулась, подхватила парчовые юбки, украшенные золотой вышивкой, и удалилась прочь.

За ней стремительно ретировались остальные слуги, последней выползла мадам Силс. Она посекундно оглядывалась, испуганно вздыхала и сжимала в потной ладошке охранный кулон. Никто не хотел касаться проклятой. Страх потерять душу был слишком велик. Последние годы, что я провела в городке, к начальнику полиции чуть ли не каждую неделю приходили жалобы с требованием отправить в тюрьму приспешницу Темного. И каждый раз он давал обещание, что обязательно разберется, приходил к нам и просил меня вести себя прилично.

— Арестовать я вас не могу, сами понимаете. Это приказ сверху. Но народ у нас простой, могут и самосуд учинить. Так что не провоцируйте их, Тьяна.

— Я не провоцирую, они просто меня боятся.

— И вы этим упиваетесь.

Прав оказался старый начальник. Не прошло и недели, как меня попытались затащить в кусты. Чтобы насильничать, а потом придушить и выставить бездыханное тело на всеобщее обозрение на городской площади.

Мне чудом удалось выбраться, и то благодаря тренировкам и умению управляться с ножом.

Я, пытаясь смыть пену, вновь с головой окунулась в мыльную воду. Но она была слишком грязной и жирной.

Передо мной встала проблема — что делать дальше. Ни полотенце, ни тем более халата мне не оставили. Мое единственное платье превратилось в жалкие лохмотья. Был еще комплект белья, но не могла же я в нем ходить! Оставалось ждать. Но сидеть в неглубоком бассейне в мыльной воде — то еще удовольствие. Ни поплавать, ни вымыться, ни отдохнуть.

Оглядевшись, я увидела в соседнем зале еще одну купальню, только бассейн был побольше и вода чистая. А еще там вроде бы никого не наблюдалось.

Думала я недолго. Выбравшись из своей купальни, стрелой переместилась в другую и с наслаждением нырнула, разбрызгивая воду.

Оказавшись на поверхности, с удивлением вытерла лицо.

Соленая? Откуда здесь морская вода? И, самое главное, зачем? Неужели очередное новомодное веянье среди аристократов? Чего только не придумают со скуки.

Если честно, мне было все равно, какая вода в бассейне. Самое главное — большие размеры купальни и глубина.

Я так увлеклась водными процедурами, что не сразу почувствовала чужое присутствие. Это было очень странно. Жизнь научила меня реагировать на каждый шорох, косой взгляд и просто вздох. Но не в этот раз.

Сначала я ощутила прикосновение к ногам. словно огромный морской зверь проплыл подо мной, задев своими плавниками.

Дернувшись в сторону, осмотрела прозрачное дно, пытаясь понять, что же меня потревожило. С Этель станется подбросить какого-нибудь гада. Нет, ничего. Кроме меня, в бассейне никого не было.

— Странно, — пробормотала, продолжая удерживаться на плаву.

В следующую секунду почувствовала прикосновение к плечу и спине, а затем к бедру.

Сопровождалось все это ласковым шепотом неизвестно откуда взявшихся волн.

— Кто здесь?!

Краем глаза заметила движение у темной ниши и повернулась всем телом. Там точно кто-то был. Несмотря на солнечный день, я смогла разглядеть лишь контуры сильного мужского тела и тяжело сглотнула, понимая, какое у меня сейчас невыгодное положение.

— Кто вы такой?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тьяна

Снова шорох, на этот раз сзади, возле входа. Кто-то явно пытался обойти меня с тыла. А если он не один? Если их много? А я без одежды, оружия и хоть какой-то защиты посреди глубокого бассейна... но моя интуиция спала. Словно это был и не человек вовсе.

Неужели сам Темный? Надоело ему, что я прикрываю его именем свою израненную душу, и пришел покарать глупую девчонку. Легенды говорят, что в темном остроге дева может жить веками, ублажая своего властелина. А если натворит что-то, кара будет так велика, что смерть покажется избавлением. Воображение рисовало образ жуткого чудовища, нагоняющего страх на каждого, бездушной твари, желающей только одного: убивать и крушить все подряд. На груди полыхнул жаром кулон, и я, не думая, накрыла его ладонью. Надо же, в первый раз за десять лет отозвался. Я думала, остыл давно, ведь обряд третьей ступени жизни мне так и не дали пройти.

И вроде бы надо радоваться, но не получилось. Что же могло разбудить кулон, что такое страшное он почувствовал? Кто тот человек, стоящий в нише и пристально меня изучающий? Я отчетливо чувствовала его взгляд, пробирающий до самых костей.

Страх ледяной волной прошел по позвоночнику, и я едва не выпрыгнула, услышав:

— Вот ты где!

Ко мне, обливаясь липким потом, который стекал некрасивыми ручейками, смывая весь броский макияж, спешила мадам Силс.

— Ты посмотри, куда забралась! Расхозяйничалась тут, как у себя дома. Быстро вылезай!

— Вы сами меня бросили, — ответила ей и снова посмотрела на нишу, которая на этот раз оказалась пуста.

Исчез? Но когда? Почему я этого не почувствовала?

— Ты еще поскандаль мне! Кому сказано, вылезай. Не для тебя тут все приготовлено. А если узнает кто? Мало ли что этим дикарям в голову придет? А может, и надо тебя им оставить, наигрались бы с тобой, покорнее стала бы.

— Каким дикарям? — переспросила, выбираясь из бассейна и кутаясь в широкое полотенце, принесенное брезгливо осматривающей меня женщиной.

— Делегация во дворце гостит с острова Каросса.

— Каросс? — удивилась я.

К сожалению, после смерти родителей я лишилась не только дома, но и учителей, и старинной библиотеки отца. Одной из самых больших в Империи. Моим воспитанием занималась няня, которая старалась, как могла, в меру своих способностей. Именно она рассказывала легенды и сказки нашего мира. Став старше, я начала пропадать в небольшой библиотеке на несколько сотен томов, которая располагалась в ратуше. Но даже этого хватило, чтобы я вспомнила название.

Каросс — большой остров на юге Империи, крохотная точка в водах Великого океана. Беспокойная и независимая провинция, которая наотрез отказывалась беспрекословно подчиняться кому бы то ни было. Остров, живущий по своим законам и правилам, игнорируя всех вокруг. Я видела картинки в большом географическом словаре, читала язвительные комментарии автора книги о быте, одежде и нраве островитян, которые оказались непохожими на имперские. Но в этом и была их прелесть.

А теперь островитяне в Империи. Целой делегацией. Почему мне показалось, что именно это — причина моего приезда во дворец?

Отдадут в жертву? Сомневаюсь. Не для этого император оставил меня в живых десять лет назад.

— Быстрее, шевелись давай. Повелитель ждать не будет.

— Император? — Я пошла следом за женщиной в первый зал и подхватила с пола свой узелок. — Разве аудиенция назначена на сегодня?

— Она состоится сейчас, — рявкнула придворная, обмахивая себя платком. В купальне было жарко, и мадам едва дышала. — Как только мы тебя оденем и приведем в порядок. Хотя это очень сложно.

Это было странно. Я думала, что меня продержат здесь пару дней, заставят сходить с ума от страха и гадать, какая участь мне уготована.

Меня провели в какую-то комнату, находящуюся совсем недалеко от купален. Отдельный вход, небольшая терраса и милая спальня в лимонно-зеленых тонах.

Там уже ждали три девушки-служанки. Не те, что помогали купаться, а другие, они еще не знали, кто я.

Девушки помогли надеть белье, нижнюю юбку, которая оказалась такой широкой, что едва можно было ходить. Зашнуровали корсет, и я с трудом смогла дышать. Надели дорогое платье с золотой вуалью — оно так сдавило грудь, что та стала почти плоской.

Как только с одеждой было покончено, слуги взялись за прическу и макияж.

Лицо обсыпали белой пудрой, пытаюсь как-то скрыть мою обветренную загорелую кожу, которая никогда не знала масок, кремов и прочей ерунды. Нарисовали губы и глаза, нацепили мушку. Закрутили волосы щипцами, едва не подпалив кожу. В конце этого обряда, больше похожего на пытку, обсыпали золотистой пудрой грудь, лицо и волосы.

Смотреть в зеркало я отказалась. И раньше не была красавицей, а сейчас, наверное, просто кошмар. Но в стиле императорской аристократии — блеск и фальшь во всем своем великолепии.

— Сделали все, что могли, — сообщила мадам Силс, скривившись.

Ее мой внешний вид тоже не впечатлил.

— А теперь быстрее, император не любит ждать.

В глубину дворца меня повел один из лакеев в белоснежной форме с алыми эполетами и нашивками, напоминающими кровь. Бесконечные коридоры, проходные залы, мраморные лестницы, множество гобеленов, ковров, золото и блеск, от которых слепило глаза. А еще очень много слуг, снующих туда-сюда.

Туфли, что мне вручила мадам Силс, страшно давили, каблуки были слишком высокими, и к концу пути я едва попевала за слугой. Еще немного, и попросила бы сбавить темп и дать мне передохнуть. Корсет впивался в ребра, с каждым шагом становилось труднее дышать, от пудры чесалось лицо.

— Ожидайте здесь, — произнес мужчина, открывая передо мной дверь.

Я вошла внутрь, сделала пару шагов и застыла статуей, задыхаясь от боли и отчаяния, которые обрушились на меня лавиной.

Прямо напротив двери на стене висел огромный портрет одной из самых красивых женщин нашего мира. Прекрасная дриада с волосами цвета лунного серебра, манящими коралловыми губами, белозубой улыбкой и бездонными глазами, которые могли поспорить яркостью с зеленью Великого леса.

На ней было легкое белоснежное платье, не скрывающее обнаженных лодыжек. Ноги погружены в ручей. Я видела крохотные капельки влаги на ее коже. Казалось, что время остановилось, еще немного, и девушка сойдет с картины, чтобы поприветствовать меня. Именно такой я ее запомнила, именно этот образ хранила в сердце. Самая красивая дриада, один взгляд на которую мог свести с ума.

Герцогиня Колдер.

Моя мать.

Надо же, как один портрет может лишиться покоя, сбить с толку, внушить неуверенность и взвинтить до предела!

Император ничего не делал просто так. Никогда. И то, что меня привели именно сюда, в эту комнату, тоже было неспроста.

Что он хотел сказать этим портретом? Что та безумная страсть никуда не делась? Или — что знает все о нашей жалкой попытке спастись?

Я продолжала смотреть в лицо матери, еще счастливой, не знающей, что ее ждет.

Весь мир словно исчез, я забыла о боли, туге корсета, неудобных туфлях. Просто смотрела, заново знакомясь с дорогими чертами, вспоминая ее тихий смех, улыбку и нежные объятия. То, чего меня лишили.

Мне было известно, когда и по какому случаю создали этот портрет. Подарок верховной жрицы младшей сестре — женщине, которая оказалась слишком своевольной, чтобы следовать чужой указке, и пошла за любовью, не ответив на страсть человека, против которого не могли выстоять даже сильнейшие этого мира.

Пойти против всех, чтобы умереть в один день с любимым. Вместе.

Жалела ли она о своем выборе? Нет. Никогда. Даже тогда, в самый последний момент, крепко обнимая, она шептала, что любит меня, и просила жить. За себя, за нее и за отца.

А жила ли я? Существовала, боясь лишний раз вздохнуть, ожидая прихода «красных волков» и объявления воли императора, который вроде бы забыл обо мне на десять лет. Постоянная тревога и смирение. Даже сейчас я ничего не могла ему противопоставить.

Убить его — не получится, Око Сайрона бережет своего сына. Убить себя? Наверное, только это и останется. Быстро, резко, уходя от жутких пыток и надругательств.

Я вздрогнула, прогоняя страшные мысли.

Еще ничего не известно, а я уже хороню себя.

Едва слышно скрипнула дверь, нервы натянулись до предела. Как только император сделал первый шаг, я упала на колени, смиренно склонила голову и задержала дыхание, вслушиваясь в каждый шорох.

Каждый шаг, словно удар сердца, которое так громко билось в груди, что оглушало. Столько лет я ждала и боялась этой встречи. Надеялась и оттягивала. А теперь смиренно ожидала приговора.

Потерять меньшее, чтобы получить большее.

Я верила в это. Вера — это все, что мне осталось.

Он подошел совсем близко — я видела кончики его дорогих туфель из дубленой белоснежной кожи, украшенные драгоценными камнями, — и замер, изучая мою макушку.

Это длилось всего пару секунд, показавшихся вечностью. Император резко схватил меня за подбородок, заставил поднять голову и показать ему свое лицо.

Подчинилась, но в глаза не смотрела, сосредоточилась на вазе за его спиной. Замерла, давая возможность внимательно осмотреть меня. Пристально, жадно.

Едва слышное проклятье сквозь сжатые губы, и император принялся стирать белоснежным рукавом пудру и краски с моего лица. Быстро, ранив кожу, пытаюсь разглядеть за этой маской меня настоящую.

А я терпела и ждала.

Стер, добился своего и теперь изучал результат.

Вечность в паре ударов сердца. Наконец мужчина с шипением оттолкнул меня и отшатнулся.

Это произошло так неожиданно, что я едва не упала, но успела вовремя опереться на руки и впервые взглянула на него.

Гордый императорский профиль был выбит на всех монетах, его статуи стояли в каждом городе, а портреты украшали площади во время великих праздников. Но в реальности он производил совсем иное впечатление. Высокий, уже оплывший, утративший былую жилистую фигуру. С небольшим брюшком, которое не смог скрыть даже широкий халат, расшитый золотыми нитями, сплетающимися на белой ткани в изображения огненных птиц.

Время не пощадило его, когда-то густые черные волосы поредели и засеребрились на висках.

Пухлые влажные губы, короткая окладистая борода, крючковатый нос и темные, почти черные глаза. Они сейчас так пристально смотрели на меня, что страх вновь поселился в сердце.

Неужели догадался, и все было зря, а мамина жертва оказалась напрасной?

Мне хотелось сбежать, но я усилием воли заставила себя застыть на полу. Бегство — это не выход, далеко уйти все равно не дадут.

— Так похожа... и такая другая, — наконец произнес мужчина.

Молчать, держаться, ни словом, ни взглядом не выдавать истинных чувств.

Он прав.

Похожа на мать и не похожа одновременно.

Будто взяли ее совершенное лицо и провели по нему губкой, стирая краски, смазывая черты, лишая их притягательности и красоты.

Светло-карие, почти желтые глаза, прямой нос, обычные губы (не пухлые и не тонкие), прямые, совсем не пышные русые волосы. Безликая девушка, каких много в этом мире. Не уродина, но и не дочь одной из самых красивых супружеских пар Империи.

Проклятье за грехи родителей. Только мы оба знали правду.

Мужчина отвернулся и, чуть пошатываясь, подошел к столу, налил вино в бокал, который тут же осушил парой глотков, стоя ко мне вполборота.

Я видела, как алые капли стекали по бороде, оставляя разводы на белой рубашке. Онпил и смотрел на портрет — зло, отчаянно.

— Вставай! — не оборачиваясь, процедил император.

Подчинилась, поднялась и вновь склонила голову.

— Я пощадил тебя десять лет назад, хотя мог бы отправить на казнь вслед за родителями. Пора отдавать долги. Ты слышала о гибели моей сестры и ее дочери полгода назад?

Кивнула, не решаясь произнести ни слова. Эти смерти наделали много шума. Нападение диких ящеров во время дипломатической миссии, последовавшие за ним стычки на границе и нависшая над миром угроза новой войны, раздуваемой жаждущими кровавых жертв правителями.

— Ты займешь место Маргузы, — произнес мужчина, называя имя погибшей племянницы. — Ведь, несмотря на предательство Арнольда, в тебе все еще течет императорская кровь. Он снова начал пить. Глотал вино, как воду, и смотрел на мамин портрет. Словно ожидал, что тот сейчас оживет и остановит его. Но мама молчала и с улыбкой глядела на нас. Вот только улыбка больше напоминала оскал.

— Во дворце находится делегация с острова Каросс, у нас давнее соглашение, которое сейчас особенно важно. Империи нужны союзники в грядущей войне. Ты станешь залогом будущего и даром прошлого.

Я продолжала молчать, зная, что следующая фраза мне не понравится.

Император повернулся, на его когда-то красивом лице играла безумная улыбка.

— Выйдешь замуж за главу их дипломатической миссии.

— Замуж, — хрипло повторила я, забыв обо всем на свете, и об осторожности в том числе.

Конечно, как бы мне ни было трудно, я, как и любая девушка, думала о том, какой будет моя жизнь. Даже пару раз позволяла себе помечтать, как некая неведомая хворь свалит императора и его детей, а на трон взойдет кто-нибудь другой (очередь была большой и весьма разношерстной, когда-то в ней имелось место и для меня). Родителей оправдают посмертно, меня оставят в покое, и жить станет легче. Но даже в самых смелых фантазиях я никогда не видела себя замужней. Семья, брак и тем более дети — не для таких, как я. Никто не захочет связывать себя с проклятой, несостоявшейся дриадой, связь с ней может обойтись слишком дорого.

И теперь эта новость — как гром среди ясного неба. Брак, да еще с островитянином, дикарем, которого ни разу в жизни не видела. Его мир и образ жизни были для меня загадкой, полной мрачных и интересных тайн.

— Надо же, оказывается, ты и говорить умеешь, — язвительно произнес император. — Еще немного, и я бы поверил, что ты немая. Да, замуж. У Империи с Кароссом древний договор, который выполнишь ты. Поверь мне, Тяна, на тебя были другие планы, совсем другие. Но Сайрон решил по-своему. Маргуза мертва, Этель слишком важна, из ближайших родственниц остаешься лишь ты. Да, есть еще Ферроу, младшая сестра Маргузы, но ей всего десять, а долг надо отдать уже сейчас.

Долг? О каком долге он говорит? И как с этим связано мое происхождение?

Император молчал, ожидая ответа, который все равно ничего не изменил бы.

И что я должна была сказать? Упасть на колени с воплями: «Спасите, помогите, не хочу?!»

Ведь если отбросить в сторону удивление, то уехать из Империи, из-под грозного oka правителя, даже хорошо. Больше шансов спастись. А муж... С ним можно будет договориться. Я очень на это надеялась, в конце концов, если он захочет заполучить наследника, ему придется пойти на уступки. Пусть я не была дриадой, но два круга пройдено и условия соблюдены.

— На все ваша воля, мой повелитель, — ответила приглушенно.

— Смиришься и даже не станешь возражать?

— Моя жизнь в ваших руках.

К моему большому сожалению.

Стакан с грохотом опустился на стол, что заставило вздрогнуть и еще сильнее напрячься.

Сейчас можно было не прятать эмоции и чувства.

— Я помню, какой ты была десять лет назад. Независимая, своенравная и непокорная. Помню, как разбила нос Ремалю и отрезала волосы Этель. Не боялась моего гнева и гнева родителей.

— Годы меняют каждого.

Как и испытания, выпавшие на долю восьмилетней девочки. Жизнь впроголодь, в холоде, в жутких условиях. То, что должно было сломать, уничтожить. Или закалить, как сталь.

Страшно подумать, что бы со мной стало, если бы не няня, которая на свой страх и риск решила остаться с опальной племянницей императора.

— Но кровь Сайрона сильнее. Кровь, текущая в твоих жилах.

Кровь? Что она дает, кроме неприятностей?

— Ее слишком мало, — ответила я. — У меня нет титула, родных и положения. Нет ничего. Я обычная жительница Империи, которая готова служить своему повелителю.

Мужчина приблизился, вновь схватил меня за подбородок, впился ногтями в кожу.

— Почему я не верю тебе?

— Не могу знать. А вы уверены, что посол захочет взять в жены дочь предателей?

— Ему важна лишь твоя кровь.

Снова кровь. Никогда не слышала, чтобы она что-то значила, и родители никогда не упоминали о ее особенностях, больше говорили о роли дриад в моей жизни.

Интересно, почему в голове сразу возникли картинки кровавого обряда? Мое обнаженное тело на жертвенном камне и алые брызги вокруг. Хотя книги утверждали, что учение Каарха не признает кровавых жертв, но мало ли что островитяне творят за закрытыми стенами своих замков...

— А как же проклятие? — попыталась отказаться от почетной должности жертвенного агнца.

— Я буду рад, если Санд

е

р падет от его силы и умрет в страшных муках, — равнодушно ответил мужчина, отпуская мой подбородок и снова подходя к столу. — Но ведь смысл проклятия не в этом.

Санд

е

р. Значит, так зовут моего будущего супруга.

— Свадьба состоится сегодня на закате. Тебя подготовят к обряду.

Надо же, какая поспешность. Чтобы я не сбежала или он?

— И я должна буду уехать с мужем на Каросс? — осторожно поинтересовалась, смирившись с неожиданным будущим. По крайней мере, на время.

— Да, и провести там остаток своих дней.

— Я могу взять с собой няню?

Вопрос сорвался с губ прежде, чем я поняла, что делаю.

— Няню? — удивленно переспросил император, разворачиваясь ко мне.

— Да. Хельга Тойс, та женщина, которая растила меня.

— Ах, эта. Зачем она тебе?

Темные глаза зловеще вспыхнули на смуглом лице. Как же хотелось замолчать, но было уже поздно. Я сама виновата в том, что проболталась. Новость о браке так удивила, что я забыла об осторожности, и вот результат.

— Она моя семья.

— Семья, говоришь? — улыбнулся император, и я едва не застонала от ужаса, окончательно поняв, как сильно ошиблась.

Дура! Нельзя было открывать ему свои карты. Нельзя было показывать слабое место, по которому можно ударить. Я сама дала ему в руки нити, за которые меня можно дергать как марионетку.

— Она останется здесь. А если ты хочешь, чтобы твоя нянька была живой, здоровой и жила в богатом доме с кучей слуг, сделаешь то, что я скажу.

Ради нее я была готова на многое, если не на все.

— И что я должна сделать?

— Убить Сандера ты все равно не сможешь, твоя участь предрешена. Но вот рассказывать мне, что творится на острове, сможешь.

Из его фразы я узнала сразу две важные вещи. Первая — у меня уже есть какая-то предрешенная участь, видимо, не очень радостная, а вторая новость состояла в том, что в живых меня в любом случае оставят. Мертвые — плохие доносчики.

— Вы думаете, мне позволят отправлять вам сообщения и никто не заметит? Сомневаюсь, что будущий муж не предвидит такой возможности.

— Он не так всемогущ, как считается. Так ты согласна?

Этот вопрос столь часто задавался сегодня, что я потеряла счет этим «согласна».

— Мне нужны гарантии, что с няней ничего не случится.

— Даю слово.

И он думает, я ему поверю, особенно после того, что произошло? Слово? Он уже не раз нарушал его и будет нарушать дальше.

— Слово императора, которое можно легко дать и легко забрать назад, — произнесла я и покачала головой. — Нет.

— Надо же, как ты заговорила, сбросила маску деревенской дурочки. Я читал отчеты о тебе. Так что играла ты зря. Я знаю, какая ты.

Подозревала ведь, что за мной следят, но не думала, что императору так интересна моя жизнь. Ведь ничего примечательного в ней не было. Сплошное выживание.

— Я ведь могу заставить тебя действовать по своему желанию, — перешел повелитель к угрозам.

— Можете, но сегодня к закату послу нужна жена с императорской кровью. Живая и здоровая. Да, я буду сообщать вам о ситуации на острове, но при этом должна быть уверена, что с няней все хорошо. Что она жива, здорова и ни в чем не нуждается.

— Торгуешься?

— Пытаюсь выжить, как выживала все эти годы.

— Что Микелла сделала с тобой? — вдруг резко спросил император, снова сменив тему разговора и прищурившись. — Это ведь твоя мать прокляла тебя.

— Предательство и почитание Темного бога.

— Мы с тобой оба знаем, что Арнольд не участвовал в заговоре, — оборвал он, прекратив игру. И фактически признался в том, что осознанно замучил ни за что в Башне смерти, а потом казнил своего брата и его жену на глазах маленькой дочери. Сбросил маску и предложил мне сделать то же самое.

— Столько лет прошло, — пошла на попятную, не желая обсуждать эту историю.

Еще неизвестно, куда заведут такие откровения. За сомнения в справедливости императора и закона казнить могут. И пусть разговор начал император. Главное, как на него реагировать.

«Следи за словами, Тьяна... следи».

— Я была совсем ребенком, — быстро продолжила, не дожидаясь его ответа и новых откровений. — Всего восемь лет.

Восемь лет и один день.

«Красные волки» пришли, когда праздник по случаю моего дня рождения еще не успел отгреметь. Этот жуткий контраст не давал мне покоя и сейчас.

В тот день на мой праздник были приглашены не только отпрыски знати, поместья которых находились недалеко от нашего замка, но и дети слуг и арендаторов, с которыми я прекрасно ладила и играла целыми днями. Конечно, многим это не нравилось, но спорить с герцогиней мало кто решался.

— Помни о том, что все мы создания богов, — говорила мама, присаживаясь передо мной на колени. — У всех есть чувства, желания и мечты вне зависимости от положения и статуса. То, что здесь, — она осторожно положила ладонь туда, где билось мое сердечко, — намного важнее блеска золота и драгоценных камней.

Я до сих пор помнила вкус того торта с воздушным кремом из взбитых сливок, нежным бисквитом и вишневой прослойкой с легкой кислинкой. Помнила, как сладкая шипучка горела на губах и во рту, щекотала нос и пузырилась в бокалах, а мы смеялись — громко, заразительно. Помнила гору подарков в блестящих коробках с огромными бантами, которые мне так и не удалось открыть. Папа нежно обнимал маму, и они с улыбками наблюдали за шумной бегающей детворой.

— Но ты не забыла.

— Факт участия в Заговоре пятнадцати был доказан. Суд вынес приговор, который привели в исполнение.

Император коротко рассмеялся, не желая оставлять опасную тему.

— Суд? Ох, Тьяна, хватит играть, я все знаю. Ты ведь ненавидишь меня и много лет вынашиваешь план мести. Хочешь убить.

— Это невозможно, — спокойно отозвалась, не пряча взгляда.

— Да. — Мужчина коснулся груди там, где было надежно скрыто под одеждами Око бога. — Эта вещь все усложняет, не так ли? Ты ведь не ответила на мой вопрос, Тьяна. Что Микелла с тобой сделала?

— Не знаю, — пожала плечами. — Почти не помню те дни. После их ареста я две недели пролежала в горячке. Все считали, что я не выживу. Лишь молитвы и помощь няни вернули меня из-за грани. А когда пришла в себя, оказалось, что болезнь забрала мою внешность, украла краски жизни, сделала такой.

Серой, безликой, пустой. Один взгляд на меня побуждал мужчин против воли морщиться и отворачиваться. Не потому, что так уродлива, из-за проклятия.

«Прости меня, милая. Ты поймешь, я верю, что поймешь. Так надо... он не остановится.

Страшный, жуткий человек... Я должна тебя уберечь. Пусть так, но должна... Помни, что всему есть причины. Все можно вернуть...»

— Лжешь, — вырвал меня из воспоминаний голос императора. — Но это уже не важно.

Возвращайся к себе в комнату. Тебя проводят. Документы скоро будут готовы. Их принесут перед обрядом и дадут внимательно ознакомиться.

— Да, мой повелитель. — Я попятилась назад, путаясь в длинной юбке и шатаясь на неудобных каблучках.

Развернулась и поспешила к двери, желая оказаться как можно дальше от этого человека.

— Тьяна, — его голос нагнал, когда я почти вышла, — помни, что даже на Кароссе я смогу найти тебя. У меня хватит людей и возможностей для того, чтобы тебя уничтожить, прежде чем искупать в собственной крови старую няньку. Так что не думай, что сможешь обмануть меня, скрыться и зажить счастливой жизнью. Я тебе не позволю.

Я знала.

За дверью ждал все тот же лакей. Он молча проводил меня в комнату с большой террасой и окнами на императорский сад и так же беззвучно удалился.

В комнате никого не было. Надо же, они совсем не боятся, что я сбегу или что-нибудь с собой сделаю.

На столике стоял большой поднос, заставленный тарелками с едой. Призывно заурчал желудок, напоминая, что мне сегодня не удалось толком поесть. Ту жидкую кашу на воде, сваренную для себя и няни, трудно было назвать едой.

Прежде чем накинуться на обед, я сбросила туфли (платье из-за корсета и шнуровки на спине самостоятельно снять было невозможно), проверила блюда на яд и наркотики.

До заката оставалось часа четыре.

Утолив голод, но постаравшись не переесть — так и желудок заболеть может — вытерла руки о белоснежную салфетку и забралась в постель. Кожа на лице еще чесалась, хотя не так сильно, и я безжалостно сняла остатки пудры рукавом платья.

Перина оказалась очень мягкой и так отличалась от твердой лавки, на которой пришлось спать последние годы, что я с тихим стоном вытянулась, наслаждаясь блаженством.

Сложив руки на животе, усталилась в потолок, пытаюсь понять, как жить дальше. Только выбора не было. Свадьба состоится, хочу я этого или нет. Сбежать не получится, да и некуда мне бежать. Стоит только шагнуть за пределы дворца, как тут же объявят в розыск, пообещав круглую сумму за мою голову. Няню из лап императора мне сейчас не вытащить, поэтому придется следить за мужем в интересах повелителя. Как бы гадко это ни звучало.

Надо же, как быстро он все понял и обязал меня доносить в обмен на жизнь дорогого человека!

Я была не настолько наивна, чтобы подумать о том, что это случайность. Нет, император знал, ведь он сам рассказал о докладах, которые изучал. Знал и ждал, когда я вспомню о няне. А потом поймал меня.

А я еще считала себя умной. Как, оказывается, легко меня вывести из равновесия и сыграть на чувствах!

Да, до императора мне расти и расти.

Примерно через час в дверь постучали, и в комнату вошел уже знакомый мне капитан волков Урли.

— Пакет от императора. Велено прочитать, выучить наизусть и уничтожить, — протягивая мне конверт, сообщил мужчина.

А вот и инструкция.

— Благодарю, — ответила, принимая послание.

Капитан кивнул и уже собрался уйти и закрыть за собой дверь, но неожиданно остановился:

— Завтра утром император сделает вам подарок. Свадебный. Разрешит выбрать одного из королевских грифонов. Не спешите... Дойдите до самого конца кормушек.

— Зачем? — спросила, не понимая, к чему и для чего эта информация.

Но Урли ушел, не проронив больше ни слова.

Закрыв дверь, я вернулась на кровать и открыла конверт.

Первой из него выпала небольшая золотистая бумажка с алым отпечатком. Королевское слово.

То самое, которое нелегко забрать назад и сделать все по-своему. Даже уничтожив эту бумажку, клятву с императора я не сниму. Она останется до ее исполнения.

С меня такую клятву брать не обязательно. У него моя няня, а это дороже любого слова.

Еще там был шифр и адрес доверенного человека, которому я смогу передавать донесения. И — очень подробная инструкция на все случаи жизни.

Оставшееся время я провела, запоминая шифр, который оказался совсем несложным.

К моменту, когда служанки пришли готовить меня к обряду, я уже успела уничтожить все в камине, который пришлось разжигать самой.

— Пора, — произнесла мадам Силс, возникнув в дверях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тьяна

Брачное платье было традиционного красного цвета и представляло собой обычный отрез ткани с дыркой для головы. Держалось оно на тонких плечиках и большом металлическом поясе на талии. Бока и ноги были обнажены. Здесь даже белье не предусматривалось, платье надевалось на голое тело. Порыв ветра, и я могла остаться обнаженной.

Волосы заплели в тугую косу и сверху накрыли золотой вуалью, призванной скрывать лицо новобрачной. Вуаль держалась благодаря тяжелому венцу с огромным, прозрачным, как слеза, алмазом.

Ноги оставили босыми, но на них надели золотые браслеты, которые при каждом шаге тихо звенели, оповещая о приближении счастливой невесты.

По правилам меня должна была наряжать на свадьбу мама. Именно она должна была наложить на глаза зеленые тени, подвести их черным карандашом, сделав еще больше. Она должна была причесать меня и надеть на голову венец, едва слышно напевая ритуальные песни, желая мне счастья, любви, процветания и здоровых деток.

Все могло бы быть по-другому. Рядом не было бы недовольной мадам Силс, которая смотрела на меня, как на кусок грязи, не было бы этой звонкой напряженной тишины, нарушаемой лишь шорохом одежды.

А пройди я третий круг жизни у Великого Древа, проводился бы другой ритуал. Огненный бог отступил бы, отдав меня на милость Зеленому божеству Вечного леса.

К свадьбе меня готовили бы дриады — прекрасные лесные нимфы. Те, что могли жить вечно и оставаться красивыми долгие столетия, пока не встретят того, ради которого захотят отринуть прошлую жизнь и стать смертными, любимыми и счастливыми. Брак для дриады — великое событие, лишь истинная любовь могла заставить нимфу решиться на такой поступок.

Мои волосы украсили бы венком из ароматных хмельных цветов, тело облачили бы в тонкий белоснежный шелк, который почти не скрывал бы обнаженной кожи, коралловых вершинок груди и темного треугольника внизу живота.

Солнце уже зашло бы, и наш путь освещали бы лишь факелы и стайки крохотных светлячков. С избранником мы произнесли бы клятву у Великого Древа, густая крона которого уходит под самое небо. Жрица скрепила бы наш союз кровью и позволила провести первую ночь у корней Древа.

Там, в высокой траве, под звездным небом, скрытые от любопытных глаз, под песни сестер я стала бы женой того, кого любила больше всего на свете, даже больше жизни. Именно там мы дали бы начало новой жизни, зачав следующую дриаду, благословленную лесными духами и богом.

Проклятие и дар всех нимф — способность рожать лишь дочерей, послушниц Зеленого божества.

Но я не дриада, третий круг мне пройти так и не дали, чем обрекли на одиночество и боль. «Не прощу ее! Никогда не прощу!»

— Пора, — громко произнесла женщина, вырывая из тяжелых воспоминаний.

Меня весьма грубо подтолкнули к выходу и повели в часовню, которая располагалась совсем недалеко.

Кого я точно не ожидала увидеть, так это стоящего у входа в храм наследного принца Ремалья. Встретившись с ним взглядом, я невольно замерла, почувствовав себя обнаженной и беззащитной, и придержала ткань на бедрах, не дав ей распахнуться.

— А вот и невеста, — фальшиво улыбнулся принц. — Здравствуй, дорогая кузина.

Говорят, его матерью была принцесса-ящер, которую двадцать лет назад император захватил во время похода и изнасиловал. Конечно, родство никем не подтверждалось, и любая мысль о подобном жестоко каралась. Официально Ремаль был сыном первой жены императора, которая умерла вскоре после родов, или ей помогли умереть, чтобы она не сболтнула лишнего. Ящеры являлись врагами, и наследник императора просто не мог оказаться одним из них.

Но, глядя в его темные глаза, я видела в их глубине красные всполохи. И это был не божественный огонь Сайрона, призванный дарить тепло и оберегать. Нет, это был безумный блеск навеки запечатанного внутри хищника.

Полукровки не могли оборачиваться. Именно поэтому ящеры отказались от принца, отдав его на милость завоевателю.

Но это тоже слухи. Доказать их правдивость никто не мог.

— Так это тебе выпала честь сопроводить меня к алтарю? — спросила, подходя ближе.

Он вырос и изменился. Из прыщавого сутулого подростка, который обожал дергать меня за волосы, щипать и подставлять подножки, Ремаль вырос в красивого худощавого мужчину с острым лицом, прямым носом и чувственными губами. Его чуть волнистые черные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб.

Красив и порочен.

А еще очень опасен и коварен.

— Ты же наша родственница. По крайней мере, на ближайшие пару часов — для посла и его свиты. Раз отец будет проводить церемонию, на меня возлагается обязанность сопровождать тебя.

Я огляделась и внезапно поняла, что на площадке перед храмом мы остались совсем одни.

— Этель сказала, что ты утратила красоту и очарование дриад, стала блеклой тенью Микеллы, — всматриваясь в мое лицо и пытаясь пробраться взглядом под золотистую вуаль, произнес он и протянул руку, словно хотел сорвать с меня кисею.

От него удушливо пахло кровью — или это всего лишь игра моего воображения?

— Об этом все говорят.

— Проклята родной матерью. Сильнейший заговор из существующих, обратить его действие вспять не под силу никому. Интересно, зачем она это сделала?

— Не знаю.

«Хотела спасти от вас, от той участи, что ждала меня, когда я стану старше... От того, чего так и не смогли получить от нее».

— Император ведь показал тебе портрет Микеллы?

Я еще крепче стиснула ткань накидки, но не ответила. Ремаль усмехнулся:

— Запретная страсть. Дриада, что предпочла ему, вершителю судеб, незаконнорожденного брата. Отец ведь до сих пор ее любит.

— Мне об этом ничего не известно.

— Все его последние любовницы — зеленоглазые беловолосые девушки. Жрица до сих пор не потеряла надежды на союз, каждый год присылает новую дриаду. Они поговорчивее твоей матери.

Наверное. Родить дочь от императора, получить славу, деньги и почет. О чем еще можно мечтать? Разве что о любви.

— А какие надежды он возлагал на тебя, — вкрадчиво произнес принц, подходя ближе и поднимая вуаль.

Я замерла, позволив Ремалю увидеть мое лицо. С мучительным удовольствием наблюдала, как, ведомый проклятием, он отшатнулся и закрыл глаза.

— Значит, правда. Жаль. Давай руку, скоро закат, нас уже давно ждут.

Уже не боясь, я протянула ему ладонь и пошла следом.

Часовня была небольшая, но очень красивая. Стены, пол и конусообразный потолок из сверкающего белоснежного мрамора. Четыре статуи богов соответствовали четырем частям света и были созданы из мрамора соответствующих цветов — Красный бог огня Сайрон, Зеленый бог жизни Древ, Синий бог воды Каарх и Желтый бог неба Воргун. Не было здесь лишь пятого бога. Того, кого не стоило даже упоминать. Идолы Темного ставились лишь в храмах ящеров, которые почитали его как главного. Ведь именно он дал им возможность оборота, превратив в злобных чудовищ.

Но не статуи привлекли мое внимание.

У сверкающего алтаря стояли император и мой жених. Чуть в сторонке — Этель, которая не сводила с мужчины задумчивого взгляда, и группа островитян.

Я мельком посмотрела на них и сосредоточилась на том, кому было суждено стать моим мужем и увезти прочь отсюда.

Раздался перезвон ножных браслетов, и он обернулся.

Высокий, гораздо выше остальных, широкоплечий, с длинными черными волосами, собранными на затылке. Смуглый, с легкой щетиной на подбородке и пронзительными глазами цвета морской воды. Никогда таких не видела, будто сам океан ожил в его сердце и отразился в радужке. Одет он был тоже не по правилам: черные штаны, жилет, обнажающий сильные накачанные руки.

— Ну наконец-то, — сухо произнес император, наблюдая за нами, в то время как Сандер не произнес ни слова. — Закат уже совсем скоро. Пора начинать.

— Одну минуту, — вмешался один из свиты, седовласый мужчина невысокого роста с жутким шрамом на лице. — Мы должны убедиться.

— Моего слова вам мало? — зловеще спросил повелитель.

— Существует порядок, — покачал тот головой. — И правила. Девушка, дайте вашу руку.

Ремаль отступил на шаг, а я, наоборот, шагнула вперед, протягивая ладонь старику, но ее внезапно перехватил жених. Притянул к себе, заставил подойти еще ближе, достал другой рукой нож и одним легким движением проколол мой палец.

— Ох! — только и успела выдохнуть, наблюдая за выступившей красной капелькой.

Дальнейшее произвело на меня неизгладимое впечатление. Мужчина вдруг наклонился, быстро слизнул кровь (клянусь, на долю секунды я увидела, как красный огонек вспыхнул в его глазах) и тихо произнес чуть хрипловатым голосом:

— Императорская кровь. Невинна. Брак будет заключен.

Вот, оказывается, как. И врач с униженным и болезненным осмотром не нужен. Попробовал каплю крови — и сразу все известно. Кто, где и с кем. Точнее, ни с кем и никогда.

Нормальная девушка должна была испугаться, отшатнуться, охнуть или красиво упасть в обморок. Хотя как-то показать свое чрезмерное удивление вперемешку со стыдом. О таких вещах не говорят вслух в присутствии стольких людей. Это, по крайней мере, неприлично.

Но кого волнуют приличия, когда заключается брак дочери предателей и дикаря с независимого Каросса?

Я же просто стояла, смотрела на моего будущего мужа и молчала. Через вуаль Сандер разглядеть меня не мог, а вот я получила отличную возможность изучить этого странного мужчину. Ведь другой возможности просто может не быть.

Красив? Сложно сказать. Не смазлив и совершенен, как Ремаль. Нос слегка искривлен, скорее всего, был сломан, и не раз. Густые брови, четко очерченные губы, упрямый подбородок. Некрасив, но притягателен, интересен. И еще эти глаза. Невероятные, невозможные. Нечеловеческие.

— Раз все решено, то медлить больше нет смысла, — раздраженно произнес император, привлекая к себе внимание.

Мы подошли поближе к алтарю, жених все еще сжимал мою руку, словно боялся, что я сбегу или просто исчезну, растворюсь в воздухе.

Темные глаза императора пристально наблюдали за нами. Что-то странное промелькнуло в них, будто он хотел отменить брак. Но еще мгновение, и все вернулось на круги своя.

Обряд начался, и все смешалось, завертелось перед глазами. Слишком быстро, чтобы я запомнила. Или, может, сознание специально уберегало меня, не давая сосредоточиться.

Священный огонь, безболезненно опаливший наши соединенные руки. По крайней мере, мне точно было не больно, а мужчина нахмурился и сжал зубы. Островитяне издревле поклонялись Синему богу, тот давал им пищу и спокойную жизнь.

Искры огня, играющие на наших руках, рисующие алым пламенем магические узоры и гаснущие, ярко сверкнули напоследок.

Клятва верности, во время которой как-то странно и ехидно хмыкнула Этель. Я не ждала от мужа верности, понимала, что это бессмысленно. Но зачем же хмыкать так откровенно?

Терпкое вино, которое горчило на губах, и вспыхнувшая следом жажда совсем иного порядка. Огненным пламенем беснующаяся в крови, узлом закручивающаяся внизу живота, сбивающая дыхание и нарушающая биение сердца. Желание.

— Перед лицом всех богов ваш брак считается заключенным, — разведя руки в стороны, провозгласил император.

Поцелуя, который должен был скрепить наш союз, не последовало. Муж даже не захотел убрать вуаль, чтобы заглянуть в лицо новобрачной. Сдается мне, ему просто все равно.

Может, это и к лучшему. Не хотелось бы сейчас при всех увидеть, как его лицо кривится от гнева и разочарования. Нет, так хорошо.

— Клятва исполнена, — провозгласил седой мужчина.

— Как и было обещано, — сухо ответил повелитель, опуская руки.

— Возвращайтесь в свою комнату, — неожиданно грубо велел муж, даже не удосужившись посмотреть в мою сторону.

Романтично-то как.

Каким будет следующий приказ? Ложись, раздвинь ноги и расслабься? Я не настолько наивна, чтобы не знать, что происходит между мужем и женой за закрытыми дверями спальни.

Но жена должна быть послушной и кроткой. Хотя бы первые дни. А тут счет вообще шел на минуты. Так что характер показывать не стоило, тем более при императоре, который пристально смотрел на нас.

— Да, господин, — добавив в голос максимум послушания, произнесла я и склонила голову.

После чего развернулась и медленно двинулась в сторону двери, каждую секунду ожидая, что меня кто-нибудь остановит. Но этого не произошло.

Сумерки уже спускались на столицу, стало прохладнее, звуки стихли. Но плитки так сильно нагрелись за день, что оставались под босыми ногами теплыми.

Я направилась к комнате, морщась от бряканья браслетов. С таким же успехом можно было повесить колокольчик себе на шею.

Хорошо идти было недалеко.

Почти вбежав в комнату, захлопнула дверь и замерла, не зная, что делать дальше. Не было мамы, встречающей меня у входа, расплетающей косу и дающей благословение и напутствие. Одна. Лишь тусклый свет от свечей на столе.

Раздеваться и тем более переодеваться нельзя. Платье ритуальное, создано для того, чтобы мужчинам было удобно. Задрал подол, сделал свое дело — и свободен.

Ноги едва не подкосились от ужаса, когда смысл произошедшего стал до меня доходить.

Дрожащими руками я стащила вуаль и венец, бросила на пол, медленно опустилась на ковер, обхватила плечи руками.

Храбриться, мысленно проклинать врагов и шутить над своим новым положением я могла сколько угодно. Какой бы сильной я ни была, эта ночь все равно внушала страх и трепет.

Первая. Брачная.

А неизвестность пугает и тревожит.

Но сидела я так недолго. Как только первый страх прошел и волнение улеглось, подняла с пола венец, встала, поправила платье и застыла, ожидая прихода мужа.

Лучше встретить его так. Лицом к лицу.

Меняхватило лишь на полчаса. Потом ноги затекли и заныли. Пришлось перебираться на кровать. Села, примерно сложила руки на коленях, гипнотизируя взглядом дверь.

Прошло еще полчаса.

Надо же! Как загулял мой дорогой супруг.

Когда часы на главной башне пробили полночь, сил ждать и нервничать уже не было. Я даже немного разозлилась и уже сама захотела, чтобы все произошло как можно быстрее. Ожидание убивало, нервировало и давило.

За это время я о многом успела подумать.

О том, что именно Маргузу холили, лелеяли и берегли для этой свадьбы. И когда она погибла полгода назад, осталась лишь я. Этель точно не могла стать женой Сандера и исполнить какой-то там не известный мне договор. О любовниках принцессы слухи доходили даже до нашего захолустья.

Следующим пунктом была кровь.

Интересно, супруг каждый раз будет ее пробовать? Я слышала о страшных монстрах из древних легенд. Тех, кто заживо высасывал всю кровь из своих жертв, оставляя лишь пустую оболочку. Бледные существа с красными глазами. А у него глаза другие.

Нервное напряжение дало о себе знать. Я сама не заметила, как легла на кровать, свернулась комочком и уснула.

Сны были под стать моим жутким мыслям.

Много крови, целый океан. А я посреди него, совсем одна. Кровь бурлила вокруг, заставляя сердце испуганно сжиматься, а меня — вертеться на одном месте, пытаюсь понять, что же такое там на дне. Кровь пузырилась все сильнее и сильнее, пока из глубины медленно не поднялся темный мужчина с глазами цвета моря, тянущий ко мне свои руки.

Крик застыл на губах.

Вздвогнув, открыла глаза и села, прижав руку к груди. Капельки пота застыли на лице, я хотела вытереть их, но внезапно поняла, что в спальне не одна.

Развернулась и тут же замерла, встретившись с пылающим взором своего мужа, который со странным интересом рассматривал мое тело, задержавшись на обнаженных бедрах. Одежда во время сна сбилась, открыв их чуть ли не полностью.

— Доброе... — прохрипела я, лихорадочно кутаясь в простыни, глянула в окно и закончила: — Утро.

— Собирайся. Мы уезжаем.

— Прямо сейчас? — переспросила, облизав вмиг пересохшие губы.

— Прямо сейчас.

— А как же...

Наша ночь, которая уже перешла в раннее утро. Наша свадьба. И так далее. Все происходило слишком быстро и по совершенно непонятному мне сценарию.

— Времени нет. Мы должны отправиться в путь до того как станет слишком жарко, — продолжил муж, изучая мое лицо.

Слишком невозмутимо для того, кто попал под действие проклятия. Ни брезгливости, ни отвращения, ни недовольства. Равнодушное и совершенно спокойное лицо, отрешенный взгляд и ничего, что могло бы показать его истинное отношение ко мне.

— Хорошо, господин.

Я села на кровати, продолжая прижимать простыню к груди, громко звякнули в тишине ножные браслеты, которые так и не сняла ночью, беспомощно огляделась, внезапно осознала свое положение.

— Прошу прощения, но с этим могут возникнуть проблемы.

— Проблемы?

Мужчина впервые обнаружил хоть какие-то эмоции. Сейчас это было что-то, похожее на удивление. Оказывается, робкая жена может разговаривать, здраво изъясняться и даже возражать.

— У меня нет одежды. Кроме ритуального платья, — поспешно добавила я и встала во весь рост, неловко поправляя измявшуюся ткань и убирая с лица волосы, выбившиеся из косы. Проблема заключалась в том, что я понятия не имела, как разговаривать с супругом и как себя вести. Замужем никогда не была и этого загадочного человека с глазами цвета океана видела всего второй раз в жизни. Честно говоря, он сам вел себя крайне странно.

Про два комплекта белья и сорочку, которые лежали в узелке (он до сих пор валялся у ножек кровати), упоминать не стала. Это же не одежда, в этом на люди не выйти. А я теперь жена видного посла с острова Каросса. Еще бы знать, какие обязанности у меня в связи с этим появились.

— Можно, конечно, и так... — неуверенно оглядела себя.

Без белья, огромные разрезы до самой талии, тонкий алый шелк. Видимо, эта мысль супругу не очень понравилась, потому что он нахмурился и коротко бросил:

— Жди здесь.

После чего развернулся и ушел, плотно прикрыв за собой дверь. Не хлопнув, а именно прикрыв. Щелчок, и я опять села на кровать, с трудом переводя дыхание.

Он застал меня врасплах. Именно этим я могла объяснить свое нервное и взвинченное состояние. А вот его безразличие задевало.

Ощущение того, что я чего-то не знала, не проходило. Мало того, я помнила про какую-то свою участь и древний договор, обязательный к исполнению даже для императора.

Прошла всего пара минут, дверь вновь скрипнула (я тут же вскочила), и на пороге появился Сандер.

— Держи. — Островитянин протянул мне небольшой сверток с одеждой и тут же отступил назад. — Другого у нас нет, поэтому придется потерпеть хотя бы первое время.

— Спасибо. Я быстро.

— Жду на улице.

Первыми я достала штаны, которые пришлось подпоясать шнурком, сорванным со шторы. Затем белоснежную рубашку, рукава которой оказались такими длинными, что пришлось их закатать, впрочем, как и штанины. Рубашка была очень свободной и хорошо скрывала фигуру, именно это мне и требовалось.

Чистая, удобная, пропахшая океаном одежда. Я поднесла рукав к лицу и вдохнула аромат.

Никогда не была у океана, но уверена: именно так он пахнет. Причем эмоции стали такими сильными, что мне показалось, еще немного, и я услышу шум волн и крики чаек, рассекающих безоблачное небо.

Оставалась еще одна проблема. Обувь. Мои стоптанные башмаки выкинули еще вчера, а других не дали. Придется идти босиком.

Времени не было, поэтому косу переплетать не стала, заправила волосы за уши.

Спрятав кулон за воротник рубашки, схватила свой узелок и, как была, выбежала на улицу. Не стоило волновать и раздражать своего мужа. По крайней мере, пока.

— Я готова.

Кивнул и вновь осмотрел, задержал взгляд на босых ступнях.

— Обуви тоже нет?

— Так получилось.

— Племянница императора, у которой нет ни одежды, ни обуви.

Согласна, звучало более чем нелепо.

— Быстро собиралась.

— Ясно, — произнес он, но я не могла отделаться от ощущения, что мужчина мне не поверил, только возражать не стал. — Идем, нас ждут у кормушек.

— Каких кормушек? — едва поспевая за ним, спросила я.

Это еще хорошо, что шли мы по чистой и ровной дорожке. За эти десять лет мои ступни так и не стали грубыми и нечувствительными. Любой камешек или колочка, впившиеся в ногу, ощущались жутко болезненно.

— Император был поистине щедр. И решил сделать племяннице королевский подарок — позволил выбрать любого из его грифонов.

— Какая любезность, — пробормотала я, внимательно смотря под ноги.

— Тебе надо выбрать.

Тротуарная плитка сменилась деревянным настилом, щедро усыпанным свежей травой. Зеленые стебельки, розовые головки клевера, белые ромашки, синие васильки и колокольчики. Дурманящий аромат свежескошенного луга. Для королевских грифонов все самое лучшее: чистейшая вода, свежая зелень и отборное зерно.

Шорох крыльев, скрежет когтей по настилу и тихий клекот.

Мы вошли в самое сердце императорских кормушек.

Я подняла голову и осмотрелась.

Первая мысль: «Соврал ведь венценосный!»

Это были не самые лучшие грифоны. Бесспорно, королевские, элитные, но не лучшие. Самыми дорогими и породистыми считались грифоны с белым опереньем. Чем больше белого, тем ценнее они на рынке.

У тех, что стояли передо мной, каждый в своем отдельном стойле, белыми были лишь головы и массивные шеи. Цвет крыльев, тела и лап варьировался от бежевого до коричневого.

— Самые лучшие образчики для вас, госпожа, — раскланялся передо мной толстый управляющий, на которого босые ноги не произвели никакого впечатления, но мужчина скривился, когда глянул мне в лицо.

— Благодарю. — Я оглядела грифонов, ни на ком особо не заостря внимания.

Грифоны как грифоны. Тренированные, сильные и все как один безликие.

Уже собиралась ткнуть в первого попавшегося, когда внезапно вспомнила слова капитана Урли.

Надо дойти до конца кормушек.

— Я могу выбрать любого? — уточнила, стараясь не смотреть на супруга, который темной тенью застыл в дверях.

Очень знакомой тенью. Уверена, что где-то видела этот разворот плеч и темную мощь, которая шла от него волнами. В голове сразу вспыхнула картинка — таинственная тень в бассейне.

Он? Не может быть. Или может?

— Да, госпожа, — вновь привлек к себе внимание управляющий. — Любого, который приглянется.

— Хорошо.

Я отвернулась от мужа и медленно двинулась вдоль кормушек. Шла дальше и дальше. И чем глубже заходила, тем хуже становились образчики.

— Госпожа, там нет ничего хорошего, — засуетился управляющий. — Не стоит туда ходить. Но я все шла и шла, не понимая, что именно хочу найти. Сердце стучало все сильнее, ладони вспотели, дыхание сбилось, давая понять, что все не зря. Меня словно тянуло туда. А я привыкла доверять своим чувствам.

Запахи тоже становились хуже. Я сморщила нос, но не отступила, даже не оглянулась, чтобы проверить, идут ли за мной. Тяжелое дыхание управляющего, семенившего следом, я слышала, а вот супруг ступал бесшумно.

...Его я увидела сразу. Белое пятно на фоне общей темноты. Безумный взгляд мертвых голубых глаз и острый клюв.

— Нельзя! Нельзя! — тут же закричал мужчина, увидев, как я шагнула вперед. — Дикий грифон! Нельзя!

Но я его не слышала, сосредоточившись на измученной и израненной птице с изуродованными крыльями:

— Аргус...

Грифон моего отца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Тьяна

Десять лет и для него не прошли даром. От великолепного грифона, который когда-то вызывал восхищение у каждого, кто на него смотрел, не осталось практически ничего. Разве что остатки былой гордости.

Аргус был необычным грифоном. Дело не только в породистости. Управляющий сказал правду: он был диким.

О том, как юный Арнольд, будучи совсем молодым, отправился на Запретный утес — историческое место обитания диких грифонов — и сумел поймать самого красивого и мощного среди них, ходили легенды. Что в них было правдой, а что вымыслом, не мог сказать никто.

Я хорошо помнила, как часто просила отца рассказать эту историю, а он всегда отшучивался и обещал поведать обо всем, когда стану чуть старше. Но кое-что все-таки отложилось в памяти.

— Он друг, — глядя грифона по мощной шее, произнес отец и рассеянно улыбнулся. — Когда тебе станут рассказывать о том, что самое главное в отношениях с грифоном — это власть и подчинение, не верь. Это не так. Нельзя ломать животных, рушить их сознание, особенно если они дикие, первородные, дети ветра и свободы. Ничего хорошего из этого не получится, Тьяна. — Но как же? А если он решит сбросить наездника? — не поверила я.

— Он никогда не предаст тебя первым. Грифоны в этом плане порядочней людей.

И вот теперь израненный, но не сломленный Аргус, опустив голову, громко и злобно шипел на меня, не узнавая.

— Не подходите, госпожа. Это дикий грифон. Очень опасный. Давно надо было его убить, но такая порода... Мы используем его для разведения потомства.

Гордый грифон, гроза и гордость Империи, теперь служил производителем и содержался в кошмарных условиях. Еще немного такой жизни, и он просто погибнет.

— Почему он не умер? — тихо спросила, не отводя взгляда от покрасневших от ненависти глаз, которые, не мигая, смотрели на меня.

Аргус боялся, но не отступал, только корябал сломанными когтями грязный настил.

— Так госпожа знает?

— Знает о чем? — спросил муж, подходя ближе.

— Дикие грифоны опасны, но если их удастся приручить, то они навсегда остаются верны своему владельцу и погибают вместе с ним. Нерушимая связь, древняя. Его хозяина казнили много лет назад, но перед смертью ему удалось освободить грифона. Жаль, не помогло. Он просто лишился рассудка.

«Папа... папочка... в этом весь ты. Спасти всех. Даже ценой собственной жизни».

Разрывать связь грифона и хозяина безумно сложно и очень больно. А для томящегося и измученного пытками в Башне смерти пленника просто невероятно опасно.

— Он волнуется. Надо уходить, — вновь засуетился управляющий.

Аргус захлопал крыльями, пытаясь оторваться от земли, но не смог. Дело было не только в изувеченных конечностях — тяжелые цепи крепко удерживали его у земли, мешая двигаться.

— Госпожа?

— Аргус, — прошептала я, до боли сжимая кулаки. — Аргус, прошу, узнай меня.

А в ответ — хриплое шипение, хлопанье крыльев и злой взгляд.

Не получалось. Грифон меня не узнавал. Ничего не осталось от той яркой счастливой девочки, которую он когда-то знал.

— Ты сделала выбор? — неожиданно спросил супруг, привлекая мое внимание.

Я обернулась, встретилась с ним взглядом.

— Да, — прошептала едва слышно и потом добавила уже громче: — Да. Я хочу его.

— Это невозможно, — тут же замотал головой управляющий.

Его лицо покраснело.

— Это еще почему? Вы же сказали, что по воле императора моя жена может выбрать любого грифона. Она выбрала, а вы тут же пошли на попятную.

— Он дикий, сошедший с ума грифон. Это безумие.

Я сделала еще один шаг, потянулась к рубашке, расстегнула верхние пуговички и достала кулон Древа. Его-то Аргус должен узнать.

— Смотри. Смотри же. Ты умный мальчик. Ты должен помнить.

Я успела увидеть момент узнавания. В пустых глазах промелькнули воспоминание, недоверие и робкая надежда. Грифон дернулся в сторону, тряхнул головой, жалобно заклекотал и вновь взглянул на меня. Склонил голову, пытаясь понять, не обманываю ли я его.

— Это я... правда я... — зашептала еле слышно, смахнув подступившие слезы, а потом обернулась к мужу: — Мы действительно можем его взять?

— Да. Специальная клетка, четыре дополнительных грифона для транспортировки, — отозвался он. — Если ты действительно этого хочешь.

— Да, хочу. Очень, — быстро ответила, прижав руки к груди.

— Тогда идем. Его транспортировкой займутся.

За Аргуса я готова была сделать для мужа все что угодно. Не важно, кто он и откуда. Чего хочет. Если надо, я и на алтарь лягу без лишних вопросов. Но разве тот, кто помог спасти искалеченного грифона, может быть плохим?

Правда, сообщить ему о своей преданности и благодарности я так и не успела.

— Спасибо вам... большое спасибо. Вы не представляете, как я бла... Ох!

Мы вышли на улицу, и я совершенно забыла о том, что иду без обуви. Поспешила следом, стремясь нагнать мужа и ничего не видя перед собой, наступив на первый же острый камешек, громко охнула и едва не упала от острой боли.

— Что с тобой? — тут же спросил Сандер и резко остановился, но не подошел.

— Нога, — только и смогла выдать, зажмурившись и пытаясь восстановить сбившееся дыхание.

Надо же, такой крохотный камешек, и столько проблем.

— Наступила? — Его голос прозвучал глухо.

— Да.

В следующее мгновение меня легко оторвали от земли и понесли вперед. Я уже собиралась выразить безмерную благодарность, когда внезапно поняла, что меня несет отнюдь не муж.

— Я вам помогу, — белозубо улыбаясь, сообщил красавец-островитянин с шелковистыми темными волосами, пухлыми губами и серо-голубыми глазами, в глубине которых все-таки промелькнули отголоски действия проклятия.

Но при всем при том он от меня не шарахнулся, не уронил, а благополучно доставил до места — чистой площадки у малого мраморного дворца. Видимо, именно тут поселили делегацию.

— Виттор Ниардо, ваш сопровождающий, — представился красавец, опустив меня на землю, и провокационно скользнул рукой по бедру, от чего я едва не подскочила на месте. — Можно просто Вит.

— Э-э-э, очень приятно, — пробормотала я, отступая, пытаясь найти взглядом мужа — и не находя.

Куда он успел бежать так быстро? Мне показалось, что я увидела чуть в стороне черную дымку, которая мгновенно растворилась в воздухе.

А еще этот Ниардо... Как-то странно он себя вел. Словно пытался соблазнить. И это при живом-то муже, для которого так важна моя невинность.

— Буду рад служить вам, госпожа, — произнес молодой мужчина, пододвигаясь все ближе. И это несмотря на проклятие, которое никуда не делось и действовало на него, вызывая неконтролируемое отвращение.

Сумасшедший? Или преследующий какую-то свою непонятную цель островитянин?

Проверка на верность? Какая-то она странная и глупая.

— Спасибо, — буркнула в ответ и отступила на два шага назад. — А где мой супруг?

— У него срочные дела. Но вы можете не переживать. Я буду с вами.

И почему в его словах мне послышался фривольный подтекст?

О чем вообще думал супруг? Крайне глупо оставлять молодую жену один на один с таким красивым мужчиной, который весьма недвусмысленно на нее смотрит.

Что, в конце концов, здесь происходит? И почему у него такой вид, будто так и надо?

— Вы не переживайте, госпожа. Мы знаем, кто вы, — вдруг сообщил Вит.

Но я тоже не дуручка, поэтому поинтересовалась в ответ:

— И кто же я?

— Наследница, — прозвучал едва слышный ответ.

— Осторожнее, господин Ниардо, десять лет назад подобные речи стоили жизни пятнадцати главам видных семей Империи. А шестнадцатую семью вообще ликвидировали, — отозвалась я едва слышно.

— Но вы живы.

— И у этого есть причина. А вот ваши речи на территории дворца, где каждый может нас услышать и доложить императору, крайне безрассудны. Неужели не боитесь гнева монарха?

— Он никогда не решится на такое. Мы дипломатическая миссия с Каросса. Наши жизни неприкосновенны.

Надо же, сколько пафоса и апломба. И полное отсутствие здравого смысла, способности оценить сложившуюся ситуацию.

— Неприкосновенна лишь жизнь императора и его семьи, — произнесла я, входя внутрь здания. И пусть меня никто не приглашал, теперь я вроде стала женой посла, значит, можно. А во дворе нас могли подслушать, да и здесь тоже, но разговаривать о таком на улице, у всех на виду, просто безумие. — Все остальное — тлен и расходный материал.

Внутри было прохладно. Высокие потолки, белые стены и пол, плетеная мебель (никогда такой не видела), множество ярких пестрых подушек, высокие расписные вазы, полные сухоцветов, на одной из стен — разноцветная мозаика с изображением океана и морского чудовища, которое своими огромными щупальцами пыталось утянуть на дно океана корабль.

У этой мозаики я застыла, изучая леденящую душу картину.

Никогда не была на берегу океана, и о том, как там красиво, знала лишь из немногочисленных книг. Но у всего есть обратная сторона. Для жителей побережья эти морские чудовища, которых под силу сдерживать лишь потомкам Синего бога, не вымысел и не сказка.

— Но вы тоже являетесь членом императорской семьи, — произнес мужчина, становясь рядом. Я коротко и хрипло рассмеялась, а потом крутанулась на пятке, развела руки в стороны и дала Виту возможность рассмотреть себя.

— Посмотрите на меня. Разве я похожа на императорскую племянницу?

Ниардо вздрогнул, задержал взгляд на моем лице и тут же отвел его в сторону.

— Он унизил вас, унизил Сандера. Такое неуважение выходит за правила приличий. Вам даже не дали одежды и обуви. Император...

— Лишь лишний раз напомнил мне, где мое место и кто я такая, — быстро перебила его. — Вы забываете, что законнорожденность моего отца не была доказана. Покойный император никогда официально его не признавал, что бы ни говорили заговорщики. Сама мысль о законности абсурдна. Так что не надо говорить о моем наследстве. Его нет. Давно. Ничего нет, кроме меня. И повелитель лишний раз об этом напомнил. Остров всего лишь провинция.

— Мы свободный и независимый народ, — тут же вспыхнул Вит.

— Входящий в состав Империи.

— Это не одно и то же. Мы совершенно разные, и вы сразу в этом убедитесь. Но я понимаю ваше беспокойство. Новая жизнь, новая страна. На Кароссе все станет по-другому. Мы помним и чтим правила, договор будет исполнен, как исполнялся века до этого.

Снова правила и договор.

Сказать ему, что меня не посвятили в его содержание? Или пока не стоит?

Нет, я не настолько доверяю этому красавчику с фривольными манерами и полным отсутствием здравого смысла. Тем более когда речь идет о таких важных вещах.

Пока можно поиграть, глядишь, и узнаю что-нибудь новое.

— Благодарю, — ответила я и вздрогнула, услышав жалобный клекот, доносящийся с улицы.

Не думая ни о чем, бросилась к высокому окну, выглянула.

— Скоро начнется погрузка, — объяснил Ниардо.

— Мы действительно сможем его забрать?

Мне все еще не верилось, что император позволит совершить такое.

— Дикого грифона? Если вам будет угодно, — с сомнением ответил молодой мужчина.

Ему моя затея явно не пришлась по вкусу. Но кого это волновало? Главное, что ее одобрил и принял мой странный супруг. Остальное не важно.

— Но вы должны понимать, — продолжил Виттор, — что его крылья... раны слишком серьезные, он ведь сам себя калечил столько лет. Возможно, этот грифон никогда не сможет летать.

— Вы его видели?

— Да. Вы, наверное, меня не заметили, но я тоже был у кормушек.

— Разве? Не помню.

Мужа, стоящего рядом, помнила, и силу, которая от него исходила, тоже. Помнила управляющего и как от него пахло потом и немного кровью. А вот Вита не видела. Или, может, мне просто было все равно?

— Вы не думали о том, что, возможно, гуманнее...

— Не смейте, — прервала его внезапно осевшим голосом. — Даже думать об этом не смейте. Аргус будет летать.

Нам обоим подрезали крылья, но мы выжили. И еще сможем полететь. Впервые за столько лет у меня появилась надежда на будущее. Но и о прошлом забывать не следовало.

Кстати, о прошлом.

— Скажите, а я могу отправить письмо? Мне очень нужно.

— Да, конечно, — ответил Ниардо, несколько обескураженный резким переходом от одной темы к другой. — Прошу за мной, я провожу вас в кабинет.

Стоило мне подойти ближе, как он тут же попытался обнять меня. Не вышло. Почувствовав руку на талии, я отскочила в сторону, вызвав гримасу злости на красивом лице.

Мало кто смел отказывать этому красавчику. Это его злило.

Кабинет находился чуть дальше. Третья дверь справа.

— Здесь есть все необходимое, — произнес Виттор, указав на стол, где лежали гербовая бумага и чернила.

— Я точно могу этим воспользоваться? — с сомнением спросила, осторожно касаясь плотных листов.

— Вы супруга Сандера. Вам многое позволено. Благодаря гербовой печати Каросса ваше письмо будет доставлено максимально быстро.

— Благодарю.

Я, чувствуя себя крайне неловко, осторожно села за стол и принялась сочинять послание няне. Не забыла упомянуть, что у меня все хорошо и я обязательно за ней вернусь. Чего бы мне это ни стоило.

«Дождись меня. Только дождись и ничего не бойся!»

Я так увлеклась, что не заметила, как Ниардо закрыл дверь, подошел ближе, безмолвной тенью встал за спиной. Только когда его рука скользнула по моей косе и приподняла ее, я вскочила, дернулась в сторону и резко обернулась.

— Вы забываетесь, — холодно произнесла, дрожащими руками запечатывая письмо.

— Зачем эти игры? — вдруг мягко спросил Вит, изучая мой подбородок. Поднимать взгляд он не спешил, понимал, что почувствует. — Мы ведь оба знаем, какая судьба ждет вас на острове. «Точно не скажу, что не знаю!»

— И что из этого?

— Меня выбрал и одобрил Сандер.

— Что-о?

Сдержаться у меня все-таки не получилось.

Этого просто не может быть! Зачем моему мужу такое?

— Мой род — уважаемый на Кароссе, — продолжил Ниардо, воодушевленный моим удивлением. — Для меня честь разнообразить ваш досуг... скрашивать ночи...

Он попытался коснуться моего лица.

— Спасибо, но не стоит, — ответила я, отодвинулась в сторону и протянула ему конверт. — Адрес написан. Необходимо доставить как можно скорее.

— Будет исполнено, — с досадой ответил островитянин, принимая конверт.

— Только ее уже могли поселить в другом месте.

— Письмо найдет адресата. Даю слово.

— Спасибо.

Я уже собиралась уйти и направилась к двери. Близость и навязчивость мужчины нервировали. Но Ниардо сумел поймать меня за руку, не дав сбежать.

— Вы можете играть в гордость столько, сколько вам будет угодно, но кандидатуры лучше моей вам не найти. Если учесть особенности... хм... вашей внешности.

И он думал, что это меня заденет? Заставит играть по его правилам?

Нет, по поводу внешности я не переживала. Красота может быть опасной и смертельной.

— Учту.

— Я не хотел вас обидеть. — Он тут же попытался пойти на попятную.

— А вы и не обидели, — ответила я, освобождаясь из захвата.

Открыв дверь, едва не столкнулась с мужем, который в этот момент хотел зайти в комнату.

— Ох! — выдохнула, увидев глаза цвета океана.

Сандер странно взглянул на меня, затем на возникшего за моей спиной Виттора.

— Что здесь происходит?

— Ничего особенного, — бодро отрапортовала, отходя в сторону и пропуская мужчину в кабинет. — Изучаем идеальные качества господина Ниардо.

Коврик под моими ногами был мягким, ворсистым и таким приятным, что я совсем забыла, как болезненно ноет ранка на ступне.

— Вит?

Мне показалось — или глаза супруга потемнели? Наверное, именно так выглядит штормовой океан — опасный, жуткий и в то же время завораживающе прекрасный. Никогда не видела, чтобы радужка так быстро меняла свой цвет в зависимости от настроения.

Ниардо, кстати, тоже проникся — запнулся, отвел взгляд и забормотал:

— Я всего лишь исполняю вашу волю.

«Ну же! Скажи, что все это ложь и ты никаких распоряжений не давал! Скажи, не ломай хрупкое доверие, возникшее между нами!»

Но Сандер молчал, только глаза стали еще темнее и опаснее.

— Отложим разговор до прибытия на Каросс, — сдержанно ответил муж. — Здесь для этого не место и не время. Не забывай, где мы находимся, Вит.

— Да, господин. Я понимаю, — Ниардо склонил голову. — Ошибся. Но я всего лишь хотел наладить контакт, помочь привыкнуть к новой роли.

Вот зря он про контакт, потому что я сразу забыла о ковре, ноющей ноге и быстро спрятала руки за спину. А то ведь и огреть могу кое-кого ближайшей бронзовой статуэткой, изображающей крылатого коня.

Никогда не думала, что окажусь в таком положении и свежее испеченный муж на моих глазах будет договариваться с другим мужчиной о его контактах со мной. Нет, я вообще никогда не думала, что выйду замуж. Но это все же перебор.

— Можешь быть свободен, — холодно оборвал его супруг.

— Благодарю. — Перед тем как выйти, островитянин взглянул на меня. — Еще раз прошу прощения. Я не хотел вас оскорбить.

Я кивнула, рассматривая картинку на стене. Снова океан и корабль с белоснежными парусами, пушистые облака и мелкие барашки волн, накатывающие на корму.

Муж не спешил уходить. Молчал, глядя в окно.

Напряжение усиливалось, как и чувство неловкости.

— Я прошу прощения за Виттора, — произнес Сандер после минуты томительного молчания и тяжело вздохнул. — Он иногда бывает слишком исполнительным и напористым. Я не думал, что он воспримет мои слова буквально и сразу начнет действовать.

— Значит, сказанное им правда, — подытожила я.

А ведь не собиралась спрашивать, но и удержаться не смогла.

Вместо того чтобы ответить на мой вопрос, островитянин задал свой.

— Император ведь ничего не рассказал тебе, не так ли?

— О договоре и моих обязанностях? Нет, мне ничего не известно, — честно ответила ему.

Почему-то Сандеру я могла сказать правду, не играя и не таясь.

Кажется, он что-то произнес сквозь сжатые зубы, но я так и не смогла расслышать, что именно. Видимо, что-то не совсем приличное.

— Ты не должна бояться. Я тебя не обижу. Никто на Кароссе не посмеет тебя обидеть.

— Потому что во мне течет императорская кровь?

— Да.

— Тогда у меня к тебе еще один очень важный вопрос. Я действительно твоя жена? И останусь ли я ей на острове?

Сандер резко повернулся. Глаза вновь стали привычного лазурного цвета.

— Да и да.

— А я у тебя одна жена или есть и другие жены?

Я слышала, что ящеры практикуют многоженство. У них возможно иметь до трех официальных жен, и это не считая кучи рабынь-наложниц, часть из которых — девушки, украденные из деревень на границе с Империей.

Усмехнулся. Едва заметно, слегка приподняв уголки губ.

Мне показалось, что он очень редко улыбается, а тут вдруг показал свои чувства.

— Это уже третий вопрос.

Меня это несколько не смутило.

— И ты на него не будешь отвечать? — сразу же уточнила, вызвав у мужчины очередную усмешку.

— На Кароссе запрещено многоженство. Ты моя единственная жена. Есть и будешь.

— И на этом спасибо, — пробормотала в ответ. Но оставалось еще кое-что, что необходимо было прояснить. Касалось это лично меня. — Ты знаешь о том, кто я такая?

— Да, я знаю, кем были твои родители. И о проклятии мне тоже известно.

— Тебя это не смущает?

— Нет, — спокойно отозвался Сандер, продолжая смотреть мне в глаза.

То ли он слишком хорошо владел собой, то ли... Нет, этого не может быть, проклятие действует на всех и всегда. Я это точно знала. Ни один смертный не мог его обойти, даже император, а в его жилах текла кровь Красного бога.

— Я все расскажу тебе, но не сейчас. Наша беседа будет долгой, а сейчас у нас нет времени.

— Понимаю, — несколько разочарованно протянула я, поправляя сползающий рукав. Все-таки своей собственной одежды очень не хватало. — Спасибо.

— За что?

— За Аргуса.

— Я здесь ни при чем. Это подарок императора.

— Он знает, что я забираю его?

— Думаю, ему уже сообщили.

— И? — Я запнулась, сглотнула и первой отвела взгляд, что мне было совершенно несвойственно. — Что он сказал?

— Насколько мне известно, ничего. Грифона у тебя не заберут. — Сандер уже собирался уйти, повернулся в сторону двери, но неожиданно замер. — Сколько ступеней ты прошла?

— Две.

— Тебе ведь было восемь, когда все случилось. Почему не дали пройти последнюю ступень и стать дриадой? К лесным нимфам законы Империи не применяются.

— Не позволили, — глухо ответила я.

«...Впусти ее, Эстрея. Богами заклинаю,пусти!.. — Мамин голос сел.

То ли от холода ночи, то ли от охвативших ее эмоций.

Мы стояли у самой опушки древнего леса. Я крепко держала мамину руку, прижималась к ее боку и не сводила взгляда с ослепительно красивой блондинки в белоснежном коротком платье до лодыжек, подол которого был украшен золотой каймой. И вздрагивала от злорадного блеска в глубине дымчатых глаз.

Эта женщина мне не нравилась. От нее исходили опасность и угроза. И уходить с ней, бросив любимую маму, мне не хотелось. Я даже приготовилась зареветь, жадно прислушиваясь к их разговору и пытаюсь понять, почему мы здесь.

— Ее срок не подошел.

— Я понимаю, но прошу сделать исключение. Ты ведь можешь, я знаю. Он что-то задумал. Я чувствую. Укрой ее под тенью Древа, не дай пропасть. Моллю тебя... сестра».

— Прошу прощения, я не хотел тебя расстраивать.

— Все в прошлом. Десять лет прошло.

— Но ты не забыла.

Нет, не забыла.

Имена тех, кто предал мою семью, огнем выжжены в сердце. Придет время, и я отомщу. Еще не знаю, как, но я это сделаю. И жрица Эстрея, родная сестра моей матери, будет в числе первых, вместе с императором.

Путь до побережья океана занял более полутора суток, мы проделали его по воздуху, на грифонах. Могли бы добраться быстрее, но тяжелая клетка с Аргусом сильно задерживала.

Плюс ко всему островитяне очень заботились о моем самочувствии. Поэтому стоянки были частыми и длительными, походная еда вкусной и сытной, а отношение ко мне обходительным и уважительным. Никаких намеков, косых взглядов и смешков за спиной.

Я даже расслабилась, хотя привыкла всегда быть настороже.

Все мужчины относились ко мне одинаково, за исключением двоих. Сандер оказался скрытен, загадочен и немногословен. Иногда я ловила на себе его внимательный взгляд, но стоило повернуться, он тут же отворачивался. А Виттор Ниардо, наоборот, всегда был рядом, улыбался, пытался заговорить и всячески старался помочь. И самое интересное, что других кароссиканцев это нисколько не смущало.

В определенный момент мне надоело думать о сложившейся ситуации, и я просто сосредоточилась на собственном самочувствии и Аргусе.

Узнать-то он меня узнал, но это мало что изменило в его отношении. Да, рвать свои крылья грифон перестал, злобно клекотать и шипеть на всех тоже, если только кто-то не приближался к клетке слишком быстро. Но желающих подойти к нему находилось мало. Аргус позволял приближаться лишь мне. Застывал, не сводя с меня пристального взгляда мертвых голубых глаз.

Смотрел и молчал. А я говорила.

Наверное, я никогда не говорила так много. В какой-то момент даже перестала замечать снующих туда-сюда людей и Ниардо, который подступал все ближе. Я забывала обо всем, кроме этих глаз, и чувствовала великую вину. За то, что бросила грифона, похоронила его живыми, решив, что Аргус ушел вслед за отцом. Объяснения, что я сама еле выжила, ничего не давали. Вина никуда не делась.

О чем я ему рассказывала? Сложно сказать и все перечислить. Вспоминала совместные прогулки, отца, прошлое, которое мы оба так и не смогли забыть.

— Мы живы, — говорила ему. — И мы еще будем летать. Я тебе обещаю.

Он слушал, молчал и не двигался. Лишь во взгляде светилась уничтоженная и растоптанная душа. Получится ли у меня когда-нибудь воскресить ее? Я не знала.

Сложно воскресить другого, когда сама едва жива.

Ночью мы остановились на одном из постоянных дворов на окраине второго по размерам города Империи — Саркуса. Въезжать за огромные каменные крепостные стены, которые в свое время выдержали более десятка нападений и осад, не стали, чему я была только рада. Не любила я большие города.

Постоялый двор оказался большим, уютным и симпатичным. После сытного ужина меня отвели в отдельные покои. Я устала во время путешествия, плюс ко всему сказала прошлая бессонная ночь, так что даже как следует поволноваться, дожидаясь своего супруга, не смогла. Умылась, надела сорочку и забралась под тонкое одеяло. Несмотря на летнюю жару, в помещении было прохладно, а ночью даже холодновато.

Если муж ждет от меня исполнения супружеского долга, то пусть постарается и разбудит.

Проводить еще одну ночь в томительном ожидании я не могла.

На этот раз обошлось без сновидений.

Встала по давней привычке рано. Когда рассвет заалел на горизонте, а сумрак ночи еще не ушел, уступив место солнечному дню, я поднялась.

Кое-как причесавшись и заплетя волосы в косу, надела одежду мужа. Она уже не пахла морем, но грязной пока не выглядела.

Можно было подождать, когда меня придут будить, но захотелось пить. А воды в глиняном кувшине не оказалось. Видимо, служанка забыла налить.

Поэтому я осторожно вышла в коридор и начала спускаться по лестнице.

Именно в тот момент я услышала голос Ниардо:

— ...сам ведь сказал!

Судя по тону и по голосу, молодой мужчина был чем-то очень недоволен и даже возмущен.

— Я сказал, но ты своей поспешностью сделал только хуже, — раздался в ответ голос Сандера, и я застыла, прижавшись спиной к стене и задержав дыхание.

Кажется, сейчас мне предстояло стать свидетельницей очень интересного разговора. И, вполне возможно, получить ответы на кое-какие важные вопросы.

— Я в этом не виноват.

— Но ты ее оттолкнул своей настойчивостью.

— Она сама не понимает, от чего отказывается.
— Выбери выражения, Вит. Ты говоришь о моей жене.
— Мы оба отлично знаем, что это ничего не значит, Сандер. Или она пытается набить себе цену и думает, что может найти кого-то лучше?
«Тоже мне, герой-любовник. Эгоист и самовлюбленный индюк! Да я лучше умру, чем позволю тебе коснуться себя!»
— Она не знает, — тихо ответил муж.
— Чего не знает?
— Император не посвятил ее в условия договора.
Виттор громко выругался, что-то оглушительно стукнуло. Кажется, кто-то с грохотом поставил кружку на стол.
— Ты шутишь? Но как такое возможно?
— Вместо нее готовили другую, но она погибла на границе во время стычки с ящерами.
— Отродья Темного бога!
— Третья кандидатка еще слишком молода. Оставалась только Тьяна.
— Ты слишком не вовремя пришел и потребовал выполнения договора.
— Ты знаешь, что не мне это решать, — устало ответил Сандер.
Звук отодвигающегося стула... неторопливые шаги... Я вжалась в стену, надеясь, что мужчины не пойдут в мою сторону. Попадаться во время подслушивания не хотелось.
— Кристалл затухает.
Это Вит. Я даже не сразу узнала, его голос был необычно тих и даже немного встревожен. И когда красавчик успел превратиться в строгого мужчину?
— Я его держу. — Сандер ответил глухо и даже немного раздраженно.
— Этого мало. Странно, что Каарх не призвал тебя раньше.
— На все его воля. Не нам это обсуждать.
Ответ мужчины был немного раздраженным, и я стала прислушиваться еще сильнее.
Ну же. Расскажите, что это за кристалл такой. Как он со мной связан? Вместо того чтобы узнать ответы на свои вопросы, я задала себе десяток новых.
— Прорывы случаются все чаще, — продолжил Ниардо.
— Скоро все стабилизируется. А до этого момента я прошу тебя не трогать Тьяну. Пока прошу, Вит.
— Она тебе нравится?
Как, оказывается, единственный вопрос может взволновать и привести сумятицу в сознание! Щеки мгновенно вспыхнули, дыхание сбилось, изо рта вырвался приглушенный писк.
Пришлось зажать рот рукой и помечтать, чтобы меня не услышали.
— Она моя жена. И ты отлично знаешь, что это значит.
«Я не знаю! Мне скажите!»
Поздно.
— Пора собираться. Надо разбудить ее.
— Ты мне это доверяешь? — хмыкнул Ниардо.
— Мы с тобой оба знаем, что до обряда ты ничего сделать не сможешь.
Больше скрываться смысла не имело, пора было дать о себе знать.
Выпрямилась, расправила плечи и затопала по лестнице, давая понять, что иду именно я.
— Доброе утро. Я не помешала? — спросила, оглядывая мужчин.
Виттор сидел за столом. При моем появлении он вскочил и поправил жилет. Мой супруг стоял у окна, повернувшись ко мне боком. На нем красовался тот же жилет, что и днем раньше, только вот рубашки, в которой он ходил вчера, не было, и я неожиданно увидела на левом плече татуировку в виде волка и какой-то странный символ.
Волк у кароссиканца? Да быть такого не может. Морское чудовище, хвостатую красивую деву или океанского гада я бы еще приняла. Но не волка.
Интересно, что это может означать? И почему мне вспомнились «красные волки»?
— Тьяна, ты рано. Плохо спалось? — участливо спросил Сандер.
— Нет, я привыкла рано вставать.
Муж осмотрел меня с ног до головы и неожиданно скривился. Совсем чуть-чуть, но я заметила. Ну вот и проклятие начало действовать. Хорошо же он держался все это время, раз показал отвращение только сейчас.

Но я и тут ошиблась.

— Надо было купить тебе одежду и обувь, — произнес муж, изучая мои голые ступни. — Здесь есть поблизости магазины готовой одежды? — спросил Сандер у Виттора, который стоял, ожидая распоряжений.

— Не знаю. — Тот пожал плечами. — Но могу узнать у хозяина.

— Время еще есть. Так что действуй.

— Но мой размер, — пробормотала я.

— Я разберусь, — ответил Ниардо, направляясь к выходу.

После его ухода мы некоторое время стояли в тишине.

— Завтрак?

— Да, наверное.

Ниардо пришел через сорок минут. Запыхавшийся и сияющий молодой мужчина протянул мне связку одежды в грязно-бежевой пергаментной бумаге, завязанной бечевкой.

— Все что мог.

— Это мне? — недоверчиво переспросила я.

— Да. Переодевайтесь.

Внутри лежала длинная юбка из темно-синей ткани, которая мягко облегла бедра. Поясок был свободным, и я подвязалась тесемкой. Белая блузка оказалась немного широкой, но не так уж и сильно. Застегнув пуговички до самого горла, набросила сверху легкую жилетку из голубого хлопка, украшенную вышитыми розами. Туфельки из белой кожи без каблучков мягко обхватили ножку и оказались впору.

Удивительно даже. Как ему удалось так легко определить размеры? Наверное, очень богатый опыт.

Мы отправились в путь почти сразу и прибыли в приморский городок после обеда. А к вечеру я совершенно непредумышленно и случайно разбудила само зло.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Тьяна

Портовый городок Лучерский располагался в Изумрудной бухте, которая получила свое название благодаря обилию водорослей. Они росли на дне и во время цветения на целый месяц окрашивали воду в ярко-зеленый цвет.

Пологая береговая линия растянулась на много километров, а за ней узкой полоской расположился городок.

Белоснежный песочек на пляжах, часть которых являлась частной собственностью, была огорожена высокими заборами и строго охранялась. Аккуратные, вымощенные булыжником мостовые, на улицах никаких сточных вод с неприятными запахами. Уютные двухэтажные домики белого цвета с красными крышами и сине-зелеными ставнями. Кадки с пестрыми цветами на каждом балкончике и у каждой двери. Небольшие таверны с экзотическим названием «кафе», с выставленными на улицу маленькими столиками для посетителей. Пахло морем и выпечкой, солнцем и радостью.

Я даже засмотрелась на новшества. Народ был опрятно одет и улыбался. Очень много улыбался. У нас так не принято.

Нас встретил сам мэр — невысокий лысый мужчина с круглым пузиком, которое норвило порвать пуговицы и выбраться наружу.

Мужчина проявил любезность и поселил нашу делегацию у себя в особняке. Корабль кароссиканцев должен был отправиться в путь на следующий день.

Жена мэра и две его дочери оказались не менее обходительными. Они даже пытались улыбаться, глядя на меня, хотя прочитать мысли на их лицах не составило труда. Они никак не

могли понять, что такой мужчина, как Сандер, нашел в такой, как я. Потом вспомнили об императорском приказе и тут же прониклись искренним сочувствием к моему мужу. Дамы предложили сопроводить меня к модистке, чтобы купить какие-нибудь наряды, и утверждали, что у нее точно есть пара хороших готовых вещей. Но я отказалась. На Кароссе мода совершенно другая, поэтому смысла тратить деньги я не видела. И ходить по магазинам с незнакомыми дамами мне не хотелось. И так чувствовала себя не в своей тарелке.

За десять лет я многое успела забыть. Например, как пользоваться столовыми приборами. Весь обед я лихорадочно поглядывала по сторонам, пытаюсь угадать, какие столовые приборы надо использовать. Так разнервничалась, что почти не почувствовала вкуса еды, хотя суп из морепродуктов оказался очень вкусным и сытным.

Сидеть в четырех стенах не хотелось.

Мэр между делом обмолвился, что у него есть свой собственный пляж, который можно посетить в любое время. И это стало навязчивой идеей.

Океан манил меня. Стоило только во время полета появиться на горизонте этой ярко-голубой глади, и я уже не смогла отвести от нее взгляда. Сейчас мне больше всего хотелось увидеть океан поближе, коснуться его.

— Мы можем сходить на пляж? — поинтересовалась у Ниардо и, наверное, впервые за все время обратилась к нему сама.

— К сожалению, это невозможно.

— Но почему? Мэр сказал, что у него свой личный пляж. Мне ничего не угрожает.

Кажется, у Виттора на этот счет было иное мнение.

— Сандер не разрешит, — неожиданно ответил он, впервые вспомнив о том, что у меня, оказывается, есть муж, а я чужая жена.

Раньше наличие супруга мужчину не смущало.

— Это же совершенно безопасно. Почему он может быть против?

— Все есть причины.

— Какие? — тут же поинтересовалась я.

Ответа не было.

— Вам лучше поговорить об этом с Сандером.

— Но его здесь нет. А я никогда не видела океана. Только на черно-белых картинках.

— Поверьте, у вас будет достаточно времени, чтобы привыкнуть к нему. Когда-нибудь вид воды станет внушать вам отвращение и даже ужас.

— Разве такое возможно? — не поверила я.

— Вполне. Ваш замок расположен на вершине утеса. Все окна выходят на океан.

— Мой замок?

Все последние десять лет у меня была лишь крохотная каморка за печкой. А тут целый замок. К такому сложно привыкнуть.

— Да. Фриастор, что на языке древних означает «Предрассветный». Удивительной красоты замок, достойный особы императорских кровей. Стены и потолок вручную расписаны великими мастерами, пол из мрамора, а окна подчас занимают целую стену.

— Красиво, наверное.

— Одно из самых красивых и древних сооружений Каросса.

— Понятно.

— Поэтому я не вижу смысла рисковать сейчас и отправляться на пляж.

— А в чем риск?

— Вам лучше узнать это у вашего супруга.

— А ракушки здесь есть? — неожиданно спросила я. — У нас в деревне имела одна. Совсем крохотная, но очень дорогая. Говорят, если поднести ее к уху, можно услышать шум океана.

Мистер Фирс за одну медную монетку разрешал послушать любому желающему.

Почти всем, кроме меня. Проклятая к такому сокровищу не допускалась даже за золотой.

— Смотри какие ракушки, — снисходительно отозвался мужчина.

— Знаешь, Виттор, — я впервые назвала его по имени и даже попыталась улыбнуться, — я была бы тебе очень-очень благодарна, если бы ты помог мне.

Не удастся убедить словами, будем кокетничать. Если бы я только умела это делать!

Кажется, начало получаться.

Ниардо осмотрелся, тяжело вздохнул и кивнул, сдаваясь:

— Если только ненадолго. И при условии, что мы не будем подходить к воде. Это действительно очень опасно.

Пляж располагался за личным парком мэра и был огорожен от любопытных высоким забором и зарослями колючих вьющихся роз самых разных цветов и оттенков. Это не считая кучи охранников по периметру.

Туфельки я сняла почти сразу, подпрыгнула на одной ноге, затем на другой, а потом с наслаждением погрузилась в теплый белоснежный песочек, едва не мурча от удовольствия.

— Ох, какой он горячий, — прошептала недоверчиво, пошевелив пальцами ног.

— Осторожнее, — хмыкнул Виттор, забрал у меня туфельки и подал свободную руку. — Здесь могут быть острые ракушки, еще оцарапаешься.

— Думаю, что мэр позаботился об этом. Он наверняка печется о своей безопасности. Ох, — я посмотрела вперед и восторженно вздохнула, — как красиво!

Огромное оранжевое солнце медленно клонилось к горизонту, окрашивая спокойную гладь бухты в яркие цвета.

— Закат на Кароссе еще красивее. Бесконечный океан и невероятные краски. Все оттенки красного, оранжевого и желтого. Каждый закат и рассвет на острове неповторимы и уникальны.

— У меня будет возможность убедиться в этом, — произнесла я, медленно бредя по песку и приближаясь к прозрачным водам, которые словно шептали, моля подойти.

Странно, но песчинки, прилипшие к ступням, совершенно не причиняли дискомфорта, как обычные травинки и камушки, которые досаждали мне в деревне.

— В воду нельзя! — крикнул Ниардо, но поздно.

Я уже шагнула вперед, приподняла юбку, наслаждаясь мягким покачиванием волн, ласкающих кожу.

— Успокойся! — Я беззаботно рассмеялась. — Что мне может грозить здесь, на... ой!

Острая боль пронзила ногу до самого колена. Пальцы разжались, отпустили подол, который тут же оказался в воде, ткань окрасилась в более темный цвет.

— Что произошло?

Виттор тут же оказался рядом, прямо в обуви бросился в воду, подхватил меня на руки и вытащил на берег.

— Ракушка, — пробормотала я и поморщилась, почувствовав, как соленые капельки пробрались в открытую ранку. — Как глупо. Все-таки порезалась. А думала, что мэр все предусмотрел.

Изогнувшись, я увидела длинную, узкую, набухшую кровью полоску раны на стопе и тонкую струйку, которая медленно стекала по ноге.

— Нет, нет. Этого просто не может быть.

— Ранка совсем пустяковая. Так что можешь меня отпустить.

— Этого просто не может быть! — продолжал бормотать Виттор и быстро нес меня в особняк мэра. — Один шанс из тысячи. Невозможно!

Его тревога передалась и мне.

— Да что случилось? Ну подумай, ранка. Не умру же я от этого.

— Тревога! Трубите тревогу!

— Виттор? — Навстречу нам вышел пожилой кароссиканец, тот самый, который запомнился мне во время обряда. Его звали Гордиан Стенз, он считался первым помощником моего мужа. — Что произошло?

— Я не виноват... Я не думал, что так произойдет, — забормотал Ниардо, ставя меня на пол и отступая в сторону.

Его трясло в прямом смысле этого слова.

Я поправила юбку и улыбнулась:

— Ничего страшного. Просто немного поцарапала ногу о ракушку.

— О какую ракушку? Ты водил ее к океану?

— Она попросила. Просто прогулка... Этого не должно было произойти. Случайность.

Стенз ответить не успел. Громко зазвонили колокола на главной башне. Послышался испуганный крик:

— Беда! Океан волнуется! Беда!

Прихрамывая, я бросилась к окну и застыла, отказываясь верить собственным глазам.

— Этого просто не может быть. Невероятно! — прошептала едва слышно и тяжело сглотнула. Только что гладь океана была спокойной, а теперь появились волны, которые с каждой секундой становились все больше. Они накатывали на берег, обрушивались, пенились и сметали все на своем пути. Небо почернело, солнце скрылось за тяжелыми тучами.

— Он идет, — мрачно констатировал Стенз.

— Кто? — не поняла я.

— Отродье Темного бога. Кракен.

Надо сказать, хоть образование у меня среднее, многого я не знала, а об обычаях островитян подавно, но слово «кракен» оказалось более чем знакомым. И так же, как у всех, у меня оно вызвало жуткий ужас и панику.

— К-как кракен? — пробормотала я, пятясь от окна и путаясь в мокром подоле.

Завертела головой, пытаясь понять, в какую сторону бежать. Даже забыла о ранке на ноге. Все-таки инстинкты и чувство самосохранения у меня имелись, жить хотелось очень сильно.

— Моя ошибка, моя... если бы я только знал, — продолжал бормотать Ниардо, не обращая на меня внимания.

— Молчи, — прервал его Стенз. — С тобой Сандер разбираться будет. Ты знал. Знал, что ей нельзя подходить к воде...

— Одну минуточку, — подала я голос, сглотнула и быстро продолжила: — Совсем-совсем нельзя подходить к воде? А как же собственный дворец с окнами на пляж? Как же путешествие на корабле? Там же кругом вода?

— Дело в том, дорогая жена... — произнес Сандер, возникая у меня за спиной. Я чуть не упала, подпрыгнула от неожиданности и едва не поскользнулась в воде, натекшей с мокрого подола. Супруг удержал меня, но почти сразу отпустил, отошел в сторону. — Что на корабле вас поместили бы в специальную каюту, без доступа на палубу.

— Проще говоря — в тюрьму? — подсказала я.

— Зачем так грубо. Все для твоей безопасности, — ответил муж совершенно спокойно, после чего повернулся к застывшему Ниардо.

— Замка тоже нет? — никак не могла я успокоиться, перетягивая внимание на себя.

— Отчего же, есть. С видами на океан.

И тут я начала понимать.

— На океан, к которому мне нельзя подойти?

Им не надо было отвечать, я и так поняла, что угадала. Вспомнила о том, что папа никогда не возил нас к морю, хотя я просила, рассматривая детские книжки с яркими картинками. О путешествиях императорской семьи к океану тоже никогда не говорилось.

— Кажется, теперь, Ниардо, я понимаю, что значит слова о том, что наступит день, когда я возненавижу океан и все, что с ним связано, — произнесла едва слышно. — Видеть изо дня в день такую красоту, слышать шум прибоя и не иметь возможности подойти ближе.

Я говорила и по их глазам видела, что права. Вот что мне приготовили — идеальную тюрьму с окнами, но без дверей, золотую клетку, из которой не выбраться, как ни старайся.

— Каждый из нас чего-то лишен в своей жизни, а проживание во Фриасторе не самая худшая участь, — ответил Сандер, после чего опять повернулся к Ниардо: — Виттор?

— Я понимаю степень своей вины и готов понести заслуженное наказание. Могу встать на первую линию обороны, — быстро заговорил тот, покорно склонив голову.

— И напрасно погибнешь. Мне и твоему отцу эта жертва совершенно не нужна. На Кароссе совет решит твою судьбу и выберет наказание. А теперь слушай мой приказ: забирай Тьяну и уезжай как можно дальше от береговой линии. Мы должны отбить запах крови, запутать следы.

— Крови? — тут же уточнила, почти придя в себя от обрушившихся на меня сведений.

Наверное, надо было помолчать, но я не удержалась. Тут такие дела творились, а подробности от меня так тщательно скрывали...

— Опять кровь? — еще раз повторила, сжимая кулаки.

— Тьяна, поговорим потом.

— Дай догадаюсь: сейчас не время и не место. А тебе не кажется, что, если бы ты с самого начала мне все рассказал, этой ситуации могло бы и не быть?

Ну все. Не получилось из меня послушной и верной жены. Характер вылез. Тот самый — противный, вредный и требующий справедливости.

Но своего добиться удалось, на меня все-таки обратили внимание. Лица мужчин вытянулись, взгляды стали весьма красноречивыми. Мне показалось, Стенз даже улыбнулся. Но в сложившейся ситуации улыбка больше походила на оскал.

— Имею право знать! Почему появился кракен? — спросила я и бросила еще один взгляд в окно.

Ох, лучше бы я этого не делала. Небо стало совсем черным, того и гляди появятся всполохи молний, ветер усилился, волны выросли.

— Это ведь из-за меня? Из-за моей крови?

Ответить они не успели. Появился запыхавшийся, белый как снег мэр.

Интересно, почему мне всегда кто-то мешает узнать правду?

— Господин Сандер! Господин Сандер! Что же нам делать?

— Эвакуироваться, — сухо ответил тот. — Как можно быстрее.

— У нас самые лучшие защитные укрепления, все отпугиватели работают отлично, я каждую неделю провожу проверку. Сами понимаете, с кракеном шутить нельзя. Мы на протяжении пяти лет отбивали все атаки, никаких жертв и разрушений.

Про отпугивающие и оборонные средства я что-то слышала. Если бы не они, все города на побережье давно превратились бы в руины. Кажется, это какие-то специальные звуковые сигналы, подводные барьеры и кольца.

— А ведь точно. Есть же барьеры, — прошептала я, чувствуя, как тревога отступает.

Все будет хорошо.

— Есть, но сейчас они не помогут, — разбивая мои надежды, ответил Сандер. — Задержат кракена, дадут всем возможность эвакуироваться, но не остановят.

— Но почему? — не выдержал мэр, протирая блестящий лоб кружевным платочком.

— Потому что сейчас другой случай. Кракен будет умирать, но не оставит попыток забрать то, что его призвало.

Ох, что-то мне это совсем не нравилось.

— Так, может, отдать ему это?

Я вздрогнула. Кажется, жертвенный алтарь не зря все время всплывал в моих мыслях.

Накаркала. Сейчас меня просто принесут в жертву морскому чудовищу.

— Подожди, — Вит схватил Сандера за руку, повернул к себе, — что ты задумал? Что собрался делать?

— Выполнять долг.

— Силы кристалла не хватит.

Пришлось прикусить язык, чтобы не начать задавать новые вопросы. Сейчас было не до них.

— Обойдусь без него. Есть другие способы.

— Совет это не одобрит, — заметил Стенз.

— Совета здесь нет, и решение принимать мне.

Я смотрела на них, на краем глаза заметила какое-то движение в океане.

Щупальце. Огромное, серое, жуткое, оно появилось и исчезло в бурном потоке воды. Еще далеко от пляжа, но в то же время так близко. Сомнений не оставалось. Кракен был тут. Он шел за мной.

— Мамочки, — только и смогла выдохнуть, с трудом прочистив горло. — Оно уже здесь.

Хоть и произнесла я это очень тихо, меня услышали. Оттолкнули от окна и выглянули наружу.

— Сайрон всемогущий, спаси нас, — оседая на колени, прохрипел мэр, сложив руки в молитвенном жесте.

— Не поможет тут огненноликий, не в его это силах, — отрезал Сандер. — Уходить поздно.

Закрывать двери и окна! Виттор?

— Я сделаю все, чтобы защитить Тяну, — серьезно кивнул тот, схватил меня за руку и потащил вверх по лестнице.

— Подожди! Куда мы? Что вообще все это значит? Зачем я ему нужна? Кракен ведь здесь из-за меня?

— Помолчи. Единственное, что нам остается, — это молиться...

— Я не умею, — задыхаясь от быстрого бега, ответила ему.

Мы уже поднялись на третий этаж.

— Научишься. А мы будем молиться, чтобы Сандер выдержал.

— Выдержал что? Что он задумал?

— Он спасет нас всех.

— Но как?

Руку я все-таки выдернула и замерла у огромного окна, из которого открывался вид на океан. Щупалец стало еще больше. Они поднимались и опадали, нагоняя ужас. Колокол на главной башне города гремел, предупреждая об опасности. Ветер срывал листья и ветки с деревьев, мелкие капли дождя забарабанили по стеклу, оставляя небольшие ручейки-дорожки.

А темная мужская фигура бежала в сторону пляжа.

— Это кто? Это Сандер? — прижимаясь ладонями к прохладному стеклу, спросила я.

— Отойди от окна, — тут же одернул меня Виттор.

— Это Сандер? — не унималась я. — Он же бежит прямо в лапы... щупальца кракена! Это самоубийство!

— Смотри, — вдруг ответил Ниардо, поворачивая меня к окну. — Смотри и запоминай. Такого ты больше не увидишь.

И я смотрела.

Сандер подбежал к самому краю воды. Я видела, как брызги волн окатывали его с ног до головы, но мужчина стоял и не двигался, как неприступная скала.

А потом...

— Ох, мамочки, — прошептала я, прижимаясь лбом к прозрачной поверхности.

Огромная трехметровая волна вдруг угрожающе поднялась над пляжем, обнажив ужасного головоногого монстра жуткого серо-бурого цвета со множеством извивающихся щупалец, которые тянулись... ко мне. Застыв на секунду, вода обрушилась на Сандера.

Я вскрикнула от ужаса, отшатнулась и прижала руку ко рту.

Но это было только начало.

Мутные воды вдруг расступились, образовав непроницаемый прозрачный круг, внутри которого в полный рост, раскинув руки, стоял мужчина. Вокруг него пульсировали и сверкали светло-голубые линии, которые превращались в огромные силовые плети.

Оружие богов.

Только в этот момент я внезапно поняла, кем на самом деле являлся мой муж. Не просто островитянин, посол и сильный духом мужчина.

Сандер был потомком водного бога Каарха. Последний из древнего рода, который считался вымершим. Тот, кто рожден уничтожать чудовищ и управлять водной стихией.

Четыре великих божества и один Темный, запретный бог. Тот, чье имя на подавляющем большинстве территорий нашего мира произносить запрещено. Лишь ящеры могли позволить себе такое святотатство, не боясь ответной реакции — Темный отличался крайне вредным и мстительным характером. Но ящеры давно ничего не боялись. Зверь внутри их уничтожил все человеческое века назад.

Легенды о том, как боги сходили к простым смертным, их приключения, деяния и чудеса, творимые ради потехи, — всего этого хватало у каждого народа. Сложнее было понять, где истина, а где ложь, выдуманная жрецами во славу своих богов. Правду знали лишь потомки, верные и носители древней крови, которой они так гордились.

Дриады рассказывали, что первые лесные нимфы были сотворены Зеленым богом и появились прямо из священного дерева, хранившего на себе отпечатки всех юных душ. Там осталась и моя ладошка. Я знала, что Эстрея не смогла ее стереть. Бог Древ хотел создать существ, хранителей жизни. Легенды гласили, что первые дриады могли заживлять все раны, даже самые страшные (не путать с воскрешением, это стезя Темного бога), общаться с деревьями, растениями, животными и птицами, а еще они могли в случае опасности обращаться в деревья. Но это происходило так давно, что трудно было понять, случалось так на самом деле или это лишь сказки.

Потомки огненного бога Сайрона, объединившие несколько провинций в одну большую Империю, во главе которой они встали, обладали силой огня. Во время свадебного обряда я видела, что повелитель не утратил умения обращаться с пламенем, хотя папа был сильнее.

Я хорошо помнила, как он жонглировал для меня крохотными огненными шариками, подбрасывал их к самому потолку и ловил. А я все удивлялась: почему гадкий огонь не жжет его ладони, не оставляет после себя страшных ожогов? Меня пламя не принимало, стоило протянуть руку, и шарики искрили, шипели, предупреждая об опасности, точно собаки.

— Гадкий огонь, — со слезами на глазах пищала я, потирая пальцы.

— Это потому что ты больше дриада, чем дочь Сайрона, — смеясь, отвечал отец. По щелчку его пальцев шарики растворялись в воздухе, оставляя после себя лишь легкий дымок. — Ты — жизнь, Тяна. А огонь — это разрушение, подчинение и боль. Хорошо, что этот дар тебя не коснулся, ты свободна от его обжигающей зависимости.

Потомки легкомысленного и ветреного бога Воргуну заслуживают отдельного упоминания. Горы Зархира тянулись величественной грядой на западной границе, разделяя Империю и царство ящеров. В горах обитало два народа: подземные джирсы (коренастые, низкорослые и крайне молчаливые) и живущие высоко на вершинах, там, где свободно гулял ветер, — сорджи (высокие, стройные, длиннолицые, с узкими светлыми глазами и острыми подбородками). Они редко заглядывали в Империю, разве что в составе мирных делегаций для заключения новых торговых соглашений.

И джирсы, и сорджи были потомками Воргуну — повелителя воздушных потоков и солнечного света. Я плохо помнила историю их разделения. Там говорилось что-то о запретной страсти, о девушке, вставшей между двумя братьями-близнецами. В порыве ревности младший убил старшего, был изгнан на веки вечные под землю и, не забыв великого предка, стал родоначальником новой расы.

Северное княжество Перил, южная страна Користо и юго-западное графство Цирео исповедовали четырехбожие, никого конкретно не выделяли и одинаково почитали всех богов. Оставался Каросс.

Отколовшийся от материка кусок земли. Гордый, независимый и своенравный, остров мечтал выйти из состава Империи и почему-то никак не мог это сделать. Сдается, отгадка лежала на поверхности, но мне еще так мало было известно.

Как я и сказала, Каросс когда-то являлся частью материка и откололся от Империи много столетий назад, во время самого первого и страшного нападения ящеров на наши земли. Именно в те годы и появились кракены — жуткие морские существа, создания Темного бога, которые топили корабли, нападали на прибрежные городки, стирали их с лица земли. Не было спасения от этой напасти.

Кракен с моря, ящеры с земли. Куда бежать? Где скрыться, где найти спасение?

Обезумевшая от горя девушка, потерявшая дом и семью, бросилась в храм, моля Синего бога заступиться за подданных, защитить от нападений, которые окружили со всех сторон.

Но ее надежды не оправдались. Ящеры не чтити других богов и, найдя несчастную девушку у алтаря, попытались надругаться над ней, злобно хохоча и издеваясь. Ее спас неизвестно откуда взявшийся незнакомец, который убил ящеров и залил алтарь алой кровью.

Как только первые капли упали на священный камень, раздался страшный грохот, земля затряслась под ногами, стены зашатались, грозя обвалиться. Каросс оторвался от материка и поплыл в океан.

— Ящеры больше не будут грозить вам, — сообщил незнакомец девушке.

— А как же монстры из глубины? Теперь мы как на ладони, открыты для них со всех сторон, — не поверила она.

— У вас обязательно будет защитник. Тот, который сохранит вас от проклятых созданий Темного, — прошептал неизвестный, прежде чем поцеловать ее губы.

Романтичная сказка о любви бога к смертной. Храм они все-таки осквернили, занявшись любовью прямо на каменном полу. А через девять месяцев девушка родила здорового и крепкого мальчика с глазами цвета океана, который с рождения мог управлять водной стихией. До его шестнадцатилетия Каросс лично охранял Синий бог. А потом передал обязанности сыну и ушел с любимой в глубокие воды океана, чтобы жить там вечно.

Именно так получил свое начало великий род Каархов, потомков Синего бога, которые, в отличие от остальных, не растеряли знаний, а приумножили их. Именно они помогли построить ловушки и охранительные барьеры, что не давали кракенам подойти близко к побережью, создали специальные сигнальные трубы, которые помогали кораблям рыбачить и совершать длительные плавания по водам Великого океана.

Вот только, согласно учебникам, род Каархов исчез лет сто-сто пятьдесят назад.

Но теперь, смотря на спину своего супруга, я понимала, что меня обманули. И не только меня. Вот же он, Каарх, живой и невредимый. По крайней мере пока.

Мутные воды медленно поднимали мужчину все выше и выше, слушались его, чутко реагировали на любое распоряжение и ластились, как кошка.

Над водой медленно поднялась огромная голова, которую украшали уродливый шрам и страшные глаза кракена. Щупальца, до этого бездумно бившие по воде и искавшие, за что бы зацепиться, на мгновение застыли и тут же рванулись к Сандеру, пытаясь дотянуться, схватить, уничтожить.

Светящиеся силовые петли со свистом взвились вверх, рассекая кожу, заливая бурой кровью воды океана.

Но щупалец было так много, что я почти ничего не различала в мельтешении и мешанине.

Как же страшно и жутко.

А потом произошло невероятное.

Темные тучи вдруг разошлись, открыв яркое закатное солнце, из которого вырвался лучик и, превратившись в яркую стрелу, обрушился прямо на монстра.

Следом спикировала странная птица — или не птица? Было трудно разобрать. В руках (значит, все-таки не птица?) ее оказались стрелы, которые она, не переставая, бросала в кракена.

— Что это? — выдохнула, не в силах оторвать глаз от открывшегося зрелища.

— Проклятый сорджи, — хохотнул вдруг Виттор. — Успел-таки!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Сандер

— Ты везунчик, Сандер! — залиvisto хохоча, испачкавшись по самые уши в грязной и липкой крови, заявил Ирил, спускаясь с небес.

Золотые стрелы давно потухли в его руках, и сейчас старый друг больше походил на озорного подростка, чем на воина, которому уже много лет. Худощавый, под два метра ростом, с длинными руками и нескладным телом. Гладкие русые волосы, зачесанные назад, открытый высокий лоб, узкие светлые глаза, хорошо очерченные губы, прямой нос. Самое удивительное, что при всей своей несурзности Ирил пользовался бешеной популярностью у представительниц слабого пола. В этом, что вполне вероятно, была замешана переменчивая кровь его ветреного предка.

— И я рад тебя видеть, — бессильно упав на песок и растянувшись на нем, ответил мужчина. Тело болело, силы пульсировали в каждом сосуде и капилляре, в сотни раз усиливая боль. Его тело было слишком слабым, чтобы принимать всю мощь океана. И Каарх предупреждал, как это опасно. Можно раствориться в силе и уже не найти дороги назад.

— Староват ты стал.

— Кто бы говорил, — фыркнул Сандер.

Сейчас он имел право быть слабым, пусть немного, всего чуть-чуть. Перед Иром не стыдно. Они столько перенесли вместе, что даже подумать страшно. Подростками на спор висели на пальцах над огромной пропастью, рискуя сломать себе шеи и разбиться насмерть. Ир тогда еще не прошел посвящения и летать не мог, поэтому рисковал наравне с синим потомком.

А как пытались поймать дикого веспера, обитающего в расселинах Зархира! Зверюга, известная своей кровожадностью и изворотливостью, что не гнушалась даже человечины.

Сложно было назвать умной и тайную операцию по проникновению в покои царицы Користо. Жаркая там была ночка.

Конечно, самым опасным оказался двухмесячный марафон по пустошам ящеров, куда они отправились, пытаясь спасти друга детства, попавшего в рабство. Семнадцатилетние подростки, которые наивно думали, что раз в них течет кровь богов, то они всемогущи. Друга они так и не спасли. Не успели. Но славу приобрели.

Волк и Сокол.

Два лучших друга и воина. Единственные из неверных, кто смог преодолеть жерло Дымящей горы и выжить. Те, чью силу признали даже ящеры.

Отец тогда на месяц лишил сына способностей, запечатал их и отправил в поля, предварительно объяснив, что случится с миром, если погибнет наследник древней крови. Сандер впечатлился.

О том, что чувствовала мать, он старался не думать.

Тогда-то наследник Синего бога и набил себе татуировку волка на руке, чтобы не забывать о двух месяцах, проведенных на землях ящеров, о том, сколько крови пролил и с каким трудом выжил, навсегда утратив детство.

Как давно это было? Сколько лет прошло? Когда живешь значительно дольше людей, забываешь о времени.

— Ничего не хочешь мне объяснить?

Ирил растянулся рядом, уставился в небо. Тучи стали расходиться, но солнца уже не было. На городок, который чудом уцелел, медленно опускался сумрак ночи. Еще немного, и засияют звезды. В этой части материка они особенно яркие.

— Например?

— Я эту тварь неделю выслеживал. На дно залегла и носа не показывала. Мне-то морские глубины не под силу, приходилось ждать. А тут вдруг ни с того ни с сего чудище навострило щупальца и помчалось сюда. Полоумная зверина. С трудом догнал.

— И?

— А то, что, по логике вещей, чуя тебя, а не почуять кракен не мог, ему надо плыть в совершенно противоположную сторону.

— На все есть причины.

— Терпеть не могу твою дурацкую философию.

Они всегда были слишком разными. Сдержанный, немногословный и ответственный Сандер и легкий, озорной, немного безумный и инфантильный Ирил. Но друзья дополняли друг друга.

— Давно уже должен был привыкнуть. Ты мне лучше скажи, что ты тут делаешь? — произнес Сандер, все так же неподвижно лежа на песке.

— Спасая твою задницу, старый друг.

— Последний раз, когда мы виделись, тебя готовили к принятию трона и подсовывали десятка два невест для быстрого размножения.

Ирила заметно передернуло.

— Бери выше. За последние полгода их было больше двухсот. Все родовитые, парочка даже с божественной кровью, правда, сильно разбавленной. Мы-то, в отличие от вас, достаточно плодовиты.

Мужчина невесело хмыкнул. Да, это было проклятие его рода. Один-два сына. Не больше.

— Один ты выбиваешься из толпы родичей. Сколько детей у твоих братьев?

На небосклоне лучисто засияли первые звезды, вокруг стояла умиротворенная тишина. Ничто не напоминало о кровавой битве, происшедшей несколько минут назад.

— Со счета сбился. Каждый год шлот новые имена и даты рождения. Но не всем задницы просиживать и детей строгать.

— Думаю, твой отец проклял тот день, когда Воргун отметил тебя как равного.

— Наследник, — фыркнул друг раздраженно. — Третий сын. Такого никогда не было, и на тебе.

— Ты сбежал?

— Как не сбежать, когда потенциальные невесты сами начали на меня охотиться? Так инстинкты хищника совсем исчезнут. Это я люблю гоняться за жертвой, а не наоборот.

— У всех у нас есть долг, — заметил Сандер, приподнимаясь.

Он так и остался сидеть на мокром песке, наблюдая, как успокаивается океан. Словно почувствовав на себе внимание Синего потомка, вода стала подбираться ближе, пытаясь коснуться его ног.

«Молодец... справился, — мысленно шепнул молодой мужчина, протягивая руку и позволяя прозрачной струе оплести его запястье в мимолетной ласке. — Забери его с собой. Не стоит оставлять тело здесь».

«Да-а-а-а, хос-с-сяин...»

— Не начинай. Ты не был на моем месте. — Ирил сел рядом, привычным движением руки зачесал назад гладкие светлые пряди.

— Ну отчего же. Сейчас я как раз на твоем месте.

Волны накатывали на берег, стирали с песка следы крови, остатки тела кракена и уносили прочь.

— В каком смысле? И что ты вообще здесь делаешь? Император не жалуется твою персону.

— На этот раз я не оставил ему выбора. Его императорская персона была вынуждена принять меня. Я женился, — просто ответил Сандер.

— Да ты что?! Давно пора, — обрадовался друг, а потом недовольно пробурчал: — А меня чего не пригласил?

— Не стоит нервировать императора еще одним сумасшедшим потомком бога. Нас и так там было трое.

«Четверо», — шепнуло сознание, напомнив о молодой жене, которая осталась в доме с Витом. Виттор Ниардо. Ему придется ответить за своеволие и легкомысленность. Не так воспитал первый своего сына. Совсем не так.

— А что? Собрали бы весь пантеон богов разом. Желтого вам как раз не хватало, — хохотнул сорджи. — Если серьезно, то Каарх давно должен был дать согласие. Чего медлил, непонятно.

— Он мне о своих планах не докладывает.

— Что с кристаллом? — помолчав, спросил Ирил.

— Затухает. Сам понимаешь, он не вечен.

— И ты бросился на кракена?

— А что мне оставалось делать? Он бы все равно не остановился.

— Стоп! Так кракен здесь из-за нее?! Из-за огненной? Ты что, подпустил ее к океану? — недоверчиво воскликнул друг и покачал головой.

— Не я.

— Сандер, я не узнаю тебя. С чего вдруг такая беспечность?

Мужчина вздохнул, поднялся и отряхнул руки от прилипшего песка.

— Так вышло.

Потому что нельзя находиться рядом с ней. Слишком опасно и непредсказуемо.

— Знаешь, — Ирил поднялся следом, — если бы это случилось со мной, еще можно было бы понять. Но ты? Ты же всегда осторожен и предусмотрителен. Запер бы девчонку в комнате до отплытия, и дело с концом. Она свою участь знает, так что истерику точно устраивать не стала бы.

— В том-то и проблема, что не знает.

— В каком смысле? Ее что, не посвятили в тайну ритуала?

— На роль моей жены готовили другую. А это... это Тьяна Абремо, дочь...

— Дочь четы Колдер? — догадался сорджи и удивленно присвистнул. — Она разве жива? Я думал, что ее казнили вместе с родителями.

— Жива. И теперь она моя жена.

— Которая не в курсе, что для нее уготовано?

— Да.

— Тогда держись, брат, — похлопал Ирил Сандера по плечу. — Тебе, конечно, повезло. Если она хоть каплю похожа на свою мать, то ты везунчик: красивее ее я никого не встречал. Но поговорить придется. Просто надо запастись успокоительным. А лучше напои ее. Поплачет и успокоится.

— Сомневаюсь, друг мой. Сомневаюсь.

Она не будет плакать. Его хрупкая жена с серьезными недетскими глазами, независимым взглядом на жизнь и гордой поступью. Жена, лицо которой подернуто легкой дымкой морока, который сбивал с толку остальных, но не его. А еще иногда ему казалось, что за обычной внешностью скрывалось что-то другое. Временами его взгляд ловил тень другого образа, но стоило присмотреться и напрячься, как он тут же исчезал, словно его и не было.

Тьяна... его жена... его проклятье и спасение.

Тьяна

Что здесь происходит?

Спустившись на первый этаж вместе с Виттором, я стала свидетельницей очень странной картины. Но удивление и недоумение происходящее вызвало лишь у меня. Потому что стоило задать этот вопрос, как я тут же быстренько была отодвинута в сторону, за широкую спину.

А ведь посмотреть было на что.

Уважаемый мэр лежал на полу, раскинув руки, а над ним с каким-то флакончиком склонился господин Стенз.

Признаюсь честно, выглядело это жутко. Улыбчивый кароссиканец вдруг показал другое лицо: хищное, расчетливое и совсем недоброжелательное.

— Что вы делаете? — Я выглянула из-за спины Ниардо, несмотря на его попытки мне помешать.

— Привожу нашего уважаемого мэра в чувство, — ровно отозвался Стенз.

Флакончик уже исчез, мужчина выпрямился, он выглядел донельзя спокойным и даже умиротворенным. Виттор тут же отступил, а я от неожиданности чуть не полетела с последних двух ступенек носом вниз.

— Осторожнее, — произнес молодой мужчина, вовремя подхватил меня за локоть и помог удержать равновесие.

— Спасибо, — пробормотала в ответ и тут же вырвалась из захвата. Не люблю, когда меня касаются и подходят слишком близко. — Так что с мэром?

Я вновь повернулась к пожилому островитянину.

— Немного перенервничал. Не каждый раз у тебя на глазах сорджи сражается с огромным кракеном.

— Сорджи? — переспросила я, нахмурившись, и, кажется, начала понимать.

— Да, сорджи. Кто же еще.

— А как же...

— Вам показалось. Род Синего бога давно прервался, — произнес Стенз, хищно блеснув глазами.

Мне только и оставалось, что кивнуть, оставив собственные соображения и мысли при себе.

— Где все? — подал голос Виттор за моей спиной.

— Занимаются опросом. Тебе тоже не мешало бы присоединиться. Сам понимаешь, мы не можем допустить распространения слухов.

— Да, хорошо. Я сейчас помогу им.

— А Аргус? — встрепелась я, внезапно вспомнив про своего грифона. — Надо посмотреть, как он. Вдруг буря зацепила грифона?

— Кормушки находятся далеко от пляжа, так что с ним все нормально, можете не переживать.

Но, если вы хотите, Ниардо зайдет к нему и проверит.

Я бы предпочла сама во всем убедиться, но поняла, что меня не отпустят.

— Хорошо. Буду благодарна.

— Я быстро, — пообещал Виттор, неожиданно подался ко мне, поймал ладонь и слегка сжал ее. Все произошло так стремительно, я даже не успела отшатнуться. Что это значит? Он решил, что мы перешли на новый уровень отношений?

Спросить я не успела, мужчина уже удалился, оставив меня со Стензом и все еще спящим мэром. Почему я решила, что он спит? Причина была очень проста. Мужчина начал храпеть — громко, причмокивая и даже присвистывая.

— Меня вы тоже будете «опрашивать»? — с нажимом на последнее слово произнесла я.

— В этом нет необходимости.

— Но почему вы скрываете правду о его существовании? Это же неразумно.

— Вы многого не знаете, госпожа Тьяна, и многого не понимаете.

— Может, потому что вы не спешите меня во все посвящать?

— Не моя компетенция. Когда придет время, Сандер все вам расскажет.

— Моя неинформированность привела к этому, — заметила я, кивнув на окно, за которым сгушался сумрак ночи, пряча последствия боя.

— У всех случаются ошибки.

— Которых можно было не допустить, просто с самого начала все мне рассказать, — продолжала я гнуть свою линию.

— Вас же предупредили, что не стоит подходить к воде.

— Да я и не собиралась! — с досадой ответила и внезапно замерла.

Ведь действительно не собиралась. Хотела просто походить по берегу, наслаждаясь теплом разогретого на солнце песка, вдохнуть морской воздух, понаблюдать за горизонтом. В воду лезть я даже не думала, особенно после того как мне сказали это не делать. Тогда почему я оказалась у воды? Когда произошел переломный момент и я, наплевав на запреты и собственные желания, вошла в океан?

Вспомнить не получалось.

— Что-то не так? — подал голос Стенз.

— Что? — потеряв переносицу, переспросила я и покачала головой, которая уже готова была взорваться от мыслей, догадок и противоречий. — Нет, все нормально. А где Сандер?

Мы с Ниардо видели, что он выжил и самостоятельно выбрался на песок, а потом к нему присоединился сияющий сорджи. Они ведь давно должны были прийти. Или отправились в другое место? Появляться пред моими очами им совсем не обязательно.

Но стоило мне об этом подумать, как раздался незнакомый приглушенный мужской смех.

— А вот и Сандер, — улыбнувшись, произнес пожилой мужчина.

Я повернулась к дверям.

Первым вошел мой муж. Весь мокрый, уставший, но совершенно неожиданно — веселый. Если можно назвать весельем приподнятые уголки губ и смешинки в глазах. Которые тут же исчезли, стоило ему меня увидеть.

Следом вошел высокий, болезненно худощавый молодой мужчина с длинными светлыми волосами и узкими глазами цвета штормового неба, в которых плясали куды.

[1]

Тоже насквозь мокрый. Нескладный, с острым подбородком и тонким носом, он выглядел неожиданно обаятельно, чему способствовала искренняя улыбка, которая не сходила с его губ.

Жаль только, что она пропала, стоило ему взглянуть на меня.

— Знакомьтесь, — представил нас друг другу Сандер. — Это Ирил — мой друг и самый искусный воин, которого я когда-либо знал. А это Тьяна — моя жена.

— Очень приятно. — Я приветливо склонила голову, внимательно наблюдая за реакцией.

Проклятие действовало, морок рисовал уродство на моем лице. Потому что сорджи нахмурился и недоверчиво покачал головой.

— И мне... приятно.

А после этого повернулся к Сандеру и еле слышно шепнул ему на ухо, но я все равно поняла:

— Брат, мне жаль, но тебя жестоко обманули. Она не может быть ее дочерью.

Выдав тихий, немного горький смешок, я отвернулась, изучая похрапывающего мэра.

Перенесли бы его на диван, что ли. А то на ковре как-то неудобно.

— Слуги о нем позаботятся, — сообщил Стенз, когда я озвучила ему свое мнение. — Сейчас закончат беседу с нашими людьми и все сделают.

— Я снова герой? — хмыкнул сорджи, развалившись в ближайшем кресле.

В волосах неожиданно что-то блеснуло. Приглядевшись, я увидела небольшую подвеску в виде парящей хищной птицы. Кажется, сокол.

— Тьяна, — подал голос муж, — нам надо поговорить.

— Поговорить? — недоверчиво переспросила я, отвлекаясь от изучения его друга.

Интересно, что бы это могло значить? Мне собирались все рассказать, объяснить все пункты договора или устроить взбучку за то, что сунулась в воду, несмотря на запреты?

— Да. Пойдем со мной.

— Хорошо.

Выглядели мы не очень: он мокрый, с волос капала вода, стекала по спине и накачанному телу, а я босиком. Вот в таком неприглядном виде мы поднялись на второй этаж, мужчина пропустил меня в свою спальню и надежно закрыл за собой дверь.

Как только щелкнул замок, я поняла, в какой ситуации оказалась и чем может закончиться наш разговор. Ведь о своих супружеских правах Сандер так и не заявил. А теперь мы наедине, в его спальне. На город медленно опускается ночь.

Сглотнув, взглянула на огромную кровать, которая стояла у стены и потрясала своими размерами.

— Присаживайся.

— Куда? — уточнила у него, все еще поглядывая на кровать.

— Куда хочешь.

А сам опустился в одно из кресел у потухшего камина, совершенно не думая о том, что обивка намокнет.

Немного постояв, села на диванчик у окна и сложила руки на коленях.

— Как ты себя чувствуешь? Может, стоит отдохнуть?

— Все нормально.

— Или переодеться? — спросила, наблюдая, как образовалась маленькая лужица у него под ногами.

Надеюсь только, он не будет делать это при мне.

— Мне не холодно и вполне удобно, — сообщил Сандер, откидываясь на спинку кресла.

— Как скажешь, — пожалала я плечами.

Мне вот комфортно с мокрым подолом юбки не было. Надо, кстати, не забыть обработать ранку на ноге. Я опять осталась без обуви. Те башмаки Ниардо бросил на берегу, когда вытаскивал меня из воды. Так что искать их не было никакого смысла: все давно уже поглотил океан.

— Поговорим? — спросил Сандер.

В наступающей темноте его лицо казалось особенно зловещим.

— Поговорим. Я хотела бы извиниться, — быстро произнесла, неловко сцепив руки, которые лежали на коленях, и тяжело вздохнула. — Понимаю, сейчас это бессмысленно, сделанного не воротишь. Но я должна попросить прощения. Мне не следовало входить в воду. Ниардо предупреждал меня, но... Клянусь, я собиралась просто погулять по пляжу, отдохнуть после длительного перелета. А все остальное вышло как-то само собой.

Звучало не очень убедительно. Честно говоря, услышав подобное оправдание от кого-то другого, я никогда бы не поверила, таким бессмысленным и глупым оно было. Но Сандер вновь меня удивил.

— Знаю, — неожиданно спокойно ответил он, изучая мое лицо, словно хотел в нем что-то найти. — Это океан тебя позвал.

— Что значит — позвал? Зачем?

— Ты ему понравилась.

— Что-о?

Такого ответа я точно не ожидала. А мужчина вдруг протянул мне руку ладонью вверх. И вода тоненькими ручейками побежала по его коже, а ладонь наполнилась прозрачной жидкостью.

— Она живая? — выдохнула я, хотела коснуться, но тут же отдернула руку, когда вода сама потянулась ко мне и почти сразу опала.

Хотя чему я удивляюсь. Если дриады могут общаться с живыми существами, а огненные повелевать огнем, то почему не может быть разума у океана? Хотя звучало жутковато.

— Океан заинтересовало твое происхождение. Огонь и Дерево. Смерть и жизнь. Раньше дриады избегали потомков Сайрона.

— Пока жрицей не стала Эстрея.

Супруг вдруг дернулся, и вода плеснула на пол, образовав на ковре мокрое пятно.

— Ох, — пробормотала я от неожиданности.

— Да, — медленно продолжил Сандер. — Эстрея на многое способна ради достижения своей цели. Но сейчас речь не о ней. Я должен был догадаться, что такое может произойти. Еще после того случая в купальне.

— В купальне? — встрепелась я. — Полной морской воды?

Картинка в голове сложилась, подтверждая догадки. Одной загадкой в моей жизни стало меньше. Так вот что тогда произошло, вот кто меня касался.

— Это ведь был ты? Та тень в темном проеме?

— Ты забралась в мою воду. Знаешь, как сложно добыть морскую воду так глубоко на континенте?

— На ней не было написано, что она твоя. Ты напугал меня.

— Не заметил, — хмыкнул он неожиданно. — Другая бы упала в обморок или устроила истерику.

— Падать в обморок по горло в воде чревато. Значит, океан призвал меня?
— Да. А вот с ранкой вышла неожиданность. Как нога?
— Нормально, — пожалала я плечами. — Царапина пустяковая, сама пройдет, швы накладывать не нужно.
— Но надо все-таки обработать.
— Потом. Это ведь я призвала кракена?
— Да. Он пришел, почувствовав твою кровь.
— Снова кровь. Что в ней такого важного? Родители никогда не делали на этом акцента. Отец вообще не любил вспоминать о том, что приходится родственником императору.
— Старшим братом, — заметил Сандер.
— Незаконнорожденным и непризнанным, — тут же вставила я.
— Но это не помешало заговорщикам десять лет назад попытаться посадить его на трон. Ты знала, что герцог Колдер был сильнее императора?
— За эти слова нас могут казнить, — заметила я тихо, но кивнула. — Папа никогда не акцентировал внимания на своих способностях. Но да, я знала, что его потенциал больше. Он так легко обращался с огнем! Однажды даже потушил пожар в городе.
— Как истинный наследник.
Я вновь покачала головой:
— Не наследник. Никогда не был и никогда не хотел им быть. Он был дипломатом и воином. А еще самым лучшим отцом и мужем. И вообще, женившись на маме, папа окончательно отказался от каких-либо посягательств на трон. Ведь у него никогда не родился бы наследник.
— Я знал твоего отца. Удивительный был человек. Мудрый и сильный.
Быстро отвернулась, не в силах смотреть на Сандера, почувствовала, как от боли разрывается сердце.
— Я стараюсь не забывать о них. Но образы стираются.
— Время беспощадно к памяти.
Разговор пошел по совершенно неожиданному сценарию, и я поспешила вернуться назад. К тому, что тревожило.
— Так что в моей крови такого важного? Почему кракен бросился сюда, зная, что это грозит ему смертью?
— Потому что ты — его спасение.
Легче от этой информации не стало. Как я могу стать спасением для чудовища и от чего его спасти? Взять меня в заложники и ползти к императору, требуя смягчения законов и полной амнистии? Бред.
— Ты слышала о том, как и кем были созданы кракены? — видя мое замешательство, спросил Сандер.
— Во время первой войны с ящерами Темный бог создал их для поддержки своих любимцев. Ящеры наступали с запада, кракены с юга, громя прибрежные территории. Няня... — Я запнулась, неожиданно вспомнив о том, что мне предстояло сделать, чтобы спасти старушку. А ведь я почти забыла о долге и даже почувствовала себя в безопасности, решив, что повелитель меня здесь не достанет. Дошло ли мое письмо? Как она? Здорова ли? И кто теперь будет о ней заботиться, если я так далеко?
— Тяня?
— Няня рассказывала легенды о том, что Темный создавал монстров, обращая людей... девушек, которые ему надоедали или в чем-то провинились. Но это, возможно, просто сказки.
— Что противостоит тьме?
— Свет, — тут же произнесла в ответ, не задумываясь.
— Не просто свет. Огонь. Он может выжечь темную магию. Эти существа стали настоящими монстрами, чудовищами, у которых только одно желание — убивать и уничтожать. А еще они знают о том, что кровь потомка Сайрона вернет им покой.
— Поэтому мы никогда не приезжали на побережье. Я помню, как няня читала мне книгу о морских путешествиях, а я потом неделю просила отца отвезти меня на океан. Он не позволил.
— Ты сама видела, чем это может обернуться.
— Неужели ничего нельзя сделать?
— Пока не удалось.
Мы замолчали, каждый думал о своем. Но я снова первой нарушила молчание:

— На Кароссе меня ждет золотая клетка? Огромный дворец с прекрасными видами и полная изоляция?

— Отчего же. Все не так печально. Ты сможешь ездить в ближайший город за покупками, ходить по рынку, гулять по паркам. Под охраной.

— Под охраной, — эхом повторила я и задала следующий вопрос: — Ты из рода Каарха? Сандер не стал отрицать и тем более спорить, лишь кивнул.

— В книгах пишут, что ваш род давно прервался.

— И мы старательно поддерживаем эту легенду.

— Я заметила. Один мэр чего стоит, — убирая за ушко выбившиеся пряди, ответила ему. — Но император ведь знает, кто ты. Не может не знать.

— Знает. И это тоже часть древнего договора.

Снова этот договор.

— Тебе не кажется, что пора посвятить меня в его пункты? Хотя бы для того, чтобы обезопасить меня и себя.

— Пора, — кивнул он.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тьяна

— Если кратко, то суть этого договора сводится к тому, что я как потомок Каарха обеспечиваю защиту берегов Империи. А повелитель взамен по первому же требованию предоставляет мне в жены девушку, в жилах которой течет кровь Сайрона.

Ох, как же мне это не нравилось, словами не передать. Но ничего нового Сандер не сказал, я и так это знала, догадаться ведь было несложно.

Губы от волнения пересохли, мне пришлось их быстро облизать. После чего я глухо задала самый важный вопрос:

— Для чего? Для чего тебе нужны я и моя кровь?

Было видно, что ему неприятно и даже тяжело, вот только и мне было не легче. Вздохнул, устало повел плечами, рукой потер лоб, словно пытался стереть непрошенные мысли, и только потом ответил:

— Я последний из некогда славного и могучего рода. Никого не осталось. А когда-то нас было больше, намного больше. Сыновья великого Каарха. Усмирители океана и победители морских чудовищ. Когда род стал угасать, мой прадед ценой своей жизни решил создать специальный накопитель силы и энергии.

— Кристалл, — не выдержав, заметила я.

Если Сандер и удивился моей осведомленности, то вида не подал. Лишь кивнул и продолжил:

— Да, кристалл. Только наполнить его магией одного Синего бога невозможно, нужен катализатор.

Сглотнула и выдохнула, посмотрела прямо в серьезные глаза цвета штормового океана, в глубине которых застыл мой приговор:

— Моя кровь.

— Кровь огненного Сайрона.

— И как ты собираешься ее из меня выкачать? Я ведь должна после этого каким-то образом остаться в живых.

Иначе замок, слуги и работа на императора были бы мне совершенно ни к чему.

— Ты будешь жить. Сам ритуал накопления пройдет в нашу первую брачную ночь.

— Теперь понятно, почему тебе нужна невинная невеста. Только хватит ли этой крови? — совершенно не смущаясь, спросила у него.

Внешне я не смущалась, а внутри все дрожало. Вот как, оказывается, должна пройти эта ночь. Ночь, после которой я стану женщиной. Не так я ее себе представляла.

— Кровь будет лишь началом. Она откроет доступ к силе, которую заберет кристалл, — сказал он и отвернулся, пряча взгляд.

— Что значит заберет?

— Кристалл заберет всю огненную силу, — повторил мужчина.

— Но я больше дриада, — возразила в ответ, пытаясь унять бьющееся от страха сердце. — Огненного во мне почти нет. И отец всегда так говорил.

— Это не важно. Кристалл заберет все. Высосет до капли.

Снова перед глазами возникли чудовища из старых легенд, высасывающие кровь. Оказывается, я была не так далека от истины.

— И что со мной потом будет?

— Ничего. Станешь жить во дворце, в золоте и роскоши. С тобой будут обращаться как с принцессой, выполнять каждую прихоть.

Я, я и снова я. А где же...

— А ты? Где все это время будешь ты?

— Буду исполнять свой долг, охранять Каросс и подступы к Империи. Можешь не переживать, к тебе я больше не прикоснусь. Ты сама сможешь выбрать мужчину по своему вкусу. Поверь мне, желающих будет много. Не только Ниардо, хотя он как сын первого является одним из самых желанных женихов Каросса.

— Почему? — спросила, еле шевеля губами. — Почему не ты? Ты же мой муж.

— Потому что после ритуала все может вернуться. Кристалл нестабилен. И близость с тобой может обратить магию вспять.

— Даже так?

Сидеть на месте не было сил. Я быстро встала, по ногам мазнул мокрый подол. Подошла к окну, всмотрелась в темное небо, усыпанное миллионами звезд.

— Мою жену с рождения готовили к этому. С тобой сложнее. Я не думал, что придется все объяснять. Поэтому даже не знаю, как сказать, какие слова подобрать.

— Со мной всегда сложнее, — ответила ему, и в голове промелькнула новая мысль. — А как же?.. Как же дети? Ребенок? Что будет, если я забеременею от одного из подосланных тобой женихов? Ты признаешь ребенка как своего? И как будешь жить ты сам? Тебе ведь нужен сын. Кто родит тебе его?

— Ты не забеременеешь, — твердо произнес мужчина и уже тише добавил: — Не сможешь.

— Что значит не смогу? — сжав кулаки, чтобы не закричать, спросила свистящим шепотом.

— Кристалл заберет у тебя все. Способность иметь детей тоже.

Я пошатнулась, судорожно ухватилась за подоконник. Сандер хотел встать, чтобы помочь, но я не дала.

— Не надо! Не трогай меня, пожалуйста! Не трогай!

— Прости.

— Развода, я так понимаю, не будет? И ты потом заведешь себе любовницу, да?

— Это не любовница.

Сандер отвечал максимально честно и прямо. Но лучше бы он солгал. Я так добивалась от него правды, хотела все знать, а теперь не представляла, что делать с этой правдой.

Каждая дриада мечтает найти своего избранника и родить дочь. Девочку, которую смогла бы воспитать, подарить знания о Древе. И пусть я была дриадой не до конца, но чувство материнства никуда не делось. А это у меня отнимут. Отнимут и оставят пустую оболочку. Выжженное поле, которое никогда не сможет плодоносить.

— Амери. Это титул избранницы Каарха. Той, что я выберу, той, которая родит мне сына.

— Зачем такие сложности? Зачем заключать браки? Поймал, отвел на алтарь и сделал свое дело!

— Ты принцесса, потомок Сайрона. Такое поведение — неуважение к Красному богу. Тебя будут чтить до конца твоих дней.

— Наверное, и похоронят со всеми регалиями, — язвительно вставила я.

— ...Исполнят любое желание, — продолжил мужчина. — Это намного больше того, что ты получила бы, оставаясь в Империи.

— Ошибаешься. Да, жизнь была не сахар, но у меня оставалось самое главное — надежда. Надежда на то, что все может поменяться, что судьбу можно победить. А ты отнимаешь ее у меня.

— Мне жаль, но изменить ничего нельзя. Кристалл почти потух, ему нужна энергия. Еще пара месяцев, и кракены почувствуют свободу, ринутся на берега и уничтожат все на своем пути. Понимаю, ты думаешь о себе, не виню тебя за это. Но я думаю о других, о тех, что погибнут, если я отступлю. Мне нужна дочь Сайрона, а у меня есть лишь ты.

Да, только я. Другая девчонка слишком молода. А Эстель точно не сможет дать крови на жертвенный алтарь.

— Почему ты так долго тянул? Заявил бы права пораньше и получил покорную радостную девицу, которая с радостью исполнила бы предначертанное.

— Не мне решать. Синий сам выбрал время, когда надо призвать императора исполнить договор. Оно наступило именно сейчас. Тьяна, послушай...

— Мне надо подумать, — прервала его, попятилась к двери и мотнула головой. — Пожалуйста. Мне надо подумать. Осмыслить все.

— Сбежать все равно не получится, — предупредил Сандер.

— А куда мне бежать? Некуда, — горько усмехнулась в ответ. — Некуда и не к кому. Так что не переживай, не сбегу. И сопротивляться на алтаре не буду. Просто дай мне все обдумать и принять. О большем не прошу.

— Хорошо.

Ключ остался в замке. С легкостью повернув его, выскочила в коридор и едва не столкнулась с Ирилом, который подходил к двери Сандера.

— Эй, осторожнее! — насмешливо крикнул он мне вслед.

Свернув за угол, вбежала в выделенную для меня комнату. Закрыв замок, оперлась спиной о дверь и медленно сползла на пол.

Слез не было, истерики тоже. Лишь опустошение.

Только совсем недавно мне казалось, что отнять у меня больше нечего. Ошиблась. Сглазила. Оказалось, еще было кое-что ценное, но теперь придется лишиться и его.

Б

о

льшая часть ночи прошла без сна. Но слезы так и не появились. Наверное, я выплакала их давным-давно, в первые годы после казни родителей. Иссякла, как пересохший ручей. Какое хорошее сравнение — скоро я сама стану такой, пустой и полуживой.

Я полночи просидела на широком подоконнике, теребя золотой кулон со своим именем. Сидела и вглядывалась в спокойный безмятежный океан. Смотреть на него мне не запрещалось, но, если честно, уже не хотелось.

Огромные створчатые окна были распахнуты настежь, в комнате гулял ветерок. Чтобы не замерзнуть, накинула на плечи плед, который стащила с дивана.

Ногам, конечно, было прохладно, но забираться внутрь я не собиралась. Сейчас как никогда хотелось почувствовать свободу. Хоть чуть-чуть, может, даже в последний раз.

— Не советую, — раздался надо мной мужской голос.

От неожиданности я подпрыгнула и едва не свалилась вниз, но успела вовремя схватиться за оконную раму, которая жалобно заскрипела.

— Упасть — упадешь, но высота тут небольшая, так что не умрешь при падении, а вот покалечишься здорово. А лечение и восстановление такое мучительное, — равнодушно продолжил он.

— Спасибо, учту, — сухо ответила мужчине, кутаясь в плед. Задрав голову, я рассматривала плавающего по воздуху этажом выше сорджи.

— Сандер говорит, ты дочь четы Колдер, — произнес мужчина, спускаясь ниже. Взгляд его сосредоточился у меня на груди.

В том самом месте, где показался из выреза медальон. Я быстро поправила сорочку и с вызовом взглянула на Ирила:

- Вы сомневаетесь?
- Ты не похожа на них.
- И что?

Быть благоразумной, кроткой и воздушной юной леди не хотелось. Я б

о

ольшую часть своей жизни провела на окраине Империи и могла себе позволить побыть грубой крестьянкой. Хоть немного. Да и настроение сейчас накатило не то.

В компанию я его не звала, к себе не приглашала. Мне тут одной неплохо сиделось. Оправдываться перед другом супруга я тоже не собиралась. Жизнь и так пошла под откос, а тут еще и этот летун со своими вопросами и недоверием.

— Кусаешься? — хмыкнул он, склонив голову набок. Наверное, так натуралисты изучают бабочку, прищипленную иголкой к бумаге. Длинные светлые пряди мужчины упали на лицо, пряча глаза, которые горели ярче звезд на небе. — Ты ведь не помнишь меня?

— А должна?

— Должна, наверное. Я ведь как-никак почти твой жених.

Ну вот. Я второй раз за последние пять минут чуть не свалилась с окна. Поэтому, дабы избежать третьего раза, который точно станет фатальным, вернулась в комнату.

Ирил последовал за мной. Замер на мгновение, просунув голову в оконный проем, осмотрелся и расположился на том самом месте, на котором только что сидела я. Хорошо так сел, свесил одну ногу на пол, вторую согнул в колене и положил на нее руку.

— Вы что, решили стать еще одним кандидатом на роль моего преданного любовника и воздыхателя? — поправляя плед, спросила у него.

Стоять было глупо, поэтому я села на диван — тот самый, с которого стащила плед, — и поджала под себя босые ноги, пытаясь согреться.

— Островные штучки совершенно меня не касаются. Так что, госпожа Тьяна, придется вам довольствоваться этим дурачком Ниардо. Для хорошего времяпрепровождения он идеален, ведь разговаривать с ним не придется. Я был представлен чете Колдер, и тебе в том числе, много лет назад.

Я, нахмурившись, недоверчиво его изучала. Неужели правда? Было ли в нем что-то знакомое? Нет. Сорджи как сорджи. Длинный, нескладный, но страшно обаятельный. А еще наглый, бесцеремонный и самовлюбленный.

— Я вас не помню, — в конце концов ответила ему.

— Вполне возможно. Тогда тебе было всего семь, и куда больше интереса у тебя вызвал белый самоедский щенок.

— Снежок? — с трудом смогла произнести я. — Это вы подарили мне Снежка?

Мой маленький щенок, белоснежный, пушистый, с черным носиком, крохотными ушками, которые делали его похожим на мишку, черными глазками-пуговками. Собаку я помнила, а вот дарителя — нет.

— Если ты назвала тот меховой комочек Снежком, то да, это был я. Что с ним стало?

— Забрали.

— Ясно. — Ирил не стал продолжать неприятную для нас обоим тему. — Твои родители пошли против традиций. Обычно при рождении дочери аристократы такого уровня стремятся прямо над колыбелью заключить наиболее выгодную партию и подписать брачный договор. Они не стали этого делать, хотя предложений было очень много. Даже слишком много. Причин Колдеры не объясняли. Но одиннадцать лет назад мой отец вдруг получил письмо, извещающее, что твои родители предлагают мне тебя в качестве невесты.

— Вы настолько знатны и богаты? — не поверила я.

Одежда обычная, местами потертая, никаких украшений и золотых побрякушек, кроме сокола в волосах.

— Не жалею, — улыбнулся Ирил, закинув руки за голову и сцепив их замком.

— Но зачем они на это пошли?

— Хотели спасти тебя. Являясь моей невестой, ты попала бы под охрану моего народа. Тронуть тебя — обидеть всех сорджи. Дипломатический скандал, на который император никогда не пошел бы.

— Вам-то это зачем? Мне ведь было всего семь.

— У меня было целых десять лет свободы. Раньше казалось, что это непозволительно много. Но для нас время летит совсем иначе.

— Но выходит, вашей невестой я так и не стала, или император нашел способ ввести вас в заблуждение.

— Твоя мать в последний момент отказалась. Сказала, что мы не имеем права решать за тебя.

Что Тяне Абремо уготовано иное будущее. Она оказалась права.

— Да, хороша судьба, ничего не скажешь, — ответила ему, обхватила колени руками и положила на них подбородок. — Значит, они обращались к вам за помощью?

— Да. Ситуация в Империи с каждым днем становилась все сложнее. То тут, то там вспыхивали восстания. Недоверие к императору росло. Прошел слух, что он незаконно занял трон.

— И это стало смертным приговором для отца. Но если родители просили вас позаботиться обо мне, почему вы не сделали этого?

— Тебя оказалось сложно найти. Признаюсь честно, если бы ко мне привели такую даму, я бы не поверил, что передо мной Тяна Абремо. Разве что кулончик помог бы тебя опознать. Мы отправляли запросы, но получали отказы. Моей невестой ты так и не стала, поэтому отследить ситуацию было невозможно. Нам сказали, что ты, скорее всего, погибла вместе с родителями.

— Он все предусмотрел. Как всегда. Не дал мне жить нормальной жизнью, оставил в нищете и голоде, — горько усмехнулась я. — Зачем вы мне сейчас все это рассказываете? Хотите заявить права? Так поздно. Я жена другого. Вашего лучшего друга. Последнего из рода Каархов.

— Я не претендую, сказал же уже. Это мать наложила на тебя проклятие?

— И что?

— Она тебе сказала, как его можно отменить?

— А с чего вы взяли, что оно обратное? — ответила я вопросом на вопрос. — Материнское проклятие — одно из сильнейших, мощнее только посмертное. Но она приберегла его для другого, — хищно оскалившись, ответила ему.

Ее злобный шепот все еще звучал у меня в голове. Уверена, не только у меня.

Сорджи кивнул, сдул пылинку со своей рубашки.

— Сандер — не самый худший для тебя вариант.

— И главное, надоест не успеет. Одна ночь, и мы свободны друг от друга. Каждый живет своей жизнью. Он радостной, я не очень.

— С чего ты взяла, что у него жизнь радостная? Ты ведь ничего не знаешь о своем муже. О том, чем и как он живет.

— А мне и не надо. Я всего лишь зарядка для кристалла. На этом мои функции и полезность для синего потомка заканчиваются. Большого не требуется.

— Ты все видишь в черном цвете.

— А есть еще золотой? Как моя клетка? — подсказала ему.

— Забываешь о спокойной жизни без влияния императора.

Ах, если бы все было так легко и просто. Нет, даже на Кароссе мне не скрыться от повелителя, как ни старайся. У него в лапах няня — гарантия того, что я буду хорошей девочкой и не совершу ошибки.

— Вы сами в это верите? У повелителя длинные руки.

— В чем суть твоего проклятия? Только морок или что-то еще?

— Господин Ирил, давайте без лишних разговоров. Что именно вас интересует?

— Если я узнаю, что ты навредила Сандеру, — его тон и легкомысленность совершенно не вязались с жесткими словами, — я тебя убью. Сам. Это будет очень долго и очень больно. Поверь мне, я умею.

— Не сомневаюсь.

— Ложись спать, — встав во весь рост на подоконнике, произнес сорджи. — Завтра рано вставать. Остров ждет.

И пошел по воздуху, как по дорожке.

После его ухода я закрыла все окна и забралась в кровать. Понадобилась всего пара минут, чтобы я крепко заснула и проспала без сновидений до самого рассвета.

- Вы настоящий герой, господин Ирил, — восторженно ворковала дочь мэра номер один.
- Один против огромного монстра, — вторила ей дочь номер два.
- Рискнули всем, чтобы спасти нас.
- Так благородно...
- Так мужественно...

Господин Ирил сидел в окружении двух очаровательных девиц и наслаждался повышенным вниманием. Кажется, еще немного, и девицы начнут кормить его с ложечки и вытирать уста кружевными платочками.

Обе девушки были очень красивы. Кукольные личики с безупречной фарфоровой кожей, алые губки бантиком, небесного цвета глаза, румяные щечки, густые ресницы. И все это в обрамлении золотистых, идеально уложенных кудряшек. Они были хороши собой и прекрасно об этом знали. Кажется, каждая из сестер мечтала заполучить в мужа обаятельного сорджи. Не знаю, как остальные, а у меня от их болтовни разболелась голова. Дурное настроение усугублялось присутствием Ниардо, который сидел рядом со мной за столом и пытался завести разговор, а пару раз даже хотел взять меня за руку.

Еда, наверное, была очень вкусной. По крайней мере, запахи в столовой витали великолепные. Но на вкус лично мне все казалось пресным. Я ела скорее по привычке, потому что знала, что по-другому нельзя: организму требовалась пища для восстановления сил.

— Даже не знаю, как вас отблагодарить, господин Ирил, — произнес мэр. — Мы бы погибли, если бы вы не пришли на помощь.

— Ты должен как можно скорее разобраться с укреплениями, дорогой, — вставила его жена. — Почему они не сработали вчера? Почему не прогнали кракена в океан? Преступная, вопиющая небрежность! Надо найти и наказать виновных. Как можно скорее!

— Да, дорогая, ты совершенно права, — затряс лысой головой мужчина.

— Ловушки и ограждения сработали, — вмешался Сандер.

Он сидел вдалеке от всех, почти ничего не ел и большую часть времени смотрел в окно.

Я знала, потому что наблюдала за ним. Не хотела, не должна была, но взгляд все равно возвращался к мужу.

— При всем моем уважении, господин посол, — вновь подала голос жена мэра. Вот кто, оказывается, руководил городом! А еще вчера была такой кроткой и спокойной. — Вы не можете этого знать. Факты — упрямая вещь, а они говорят как раз об обратном.

— Сандер прав, — вмешался сорджи. Надо же, он, оказывается, прислушивался к разговору, несмотря на щебет восторженных поклонниц. — У вас отличные укрепления и защита. Одни из лучших на побережье. Проблема в кракене, и только. Он просто свихнулся и попер, игнорируя раны.

— Но я все равно настаиваю на проверке.

— Ты права, дорогая, — вытирая потный лоб кружевным платком, произнес мужчина. — Я сегодня же этим займусь.

— Смотрите, чтобы ваше вмешательство не привело к осложнениям. Сейчас все исправно и работает как часы, — продолжил Сандер. — Репрессии и незаслуженные наказания могут все разрушить. И следующего прихода кракена городок просто не выдержит.

— Ох, какие ужасы вы говорите, — пролепетала дочь номер два.

— Просто кошмар, — вторила ей сестрица.

— Господин сорджи, вы должны остаться.

— И спасти нас.

— Мы пропадем без вашей защиты.

— Погибнем.

— Умоляю...

— Прошу прощения. — С грохотом отодвинув стул, я положила салфетку на стол и натянуто улыбнулась. — Спасибо за гостеприимство. Все было очень вкусно. Мои комплименты вашему повару. А теперь прошу меня извинить, пойду подышу свежим воздухом.

— Я с то... — начал Ниардо, вскочив следом, но его тут же перебили:

— Я сам.

Сандер поднялся и подошел ближе, готовясь меня сопроводить.

— Здесь есть чудесный сад, можем прогуляться, — заметил муж, видя мою нерешительность.

И отказаться нельзя. Как вежливо объяснить мужу, что сейчас мне больше хочется побыть одной, а не изображать из себя счастливую новобрачную?

— У нас самый лучший сад в округе, — поддакнул мэр.

Кто бы сомневался.

— Спасибо, — только и смогла я произнести, понимая, что от навязанной компании не отвертеться.

Проблема возникла, стоило нам спуститься со ступенек. Слуги еще не успели убрать, и вся дорожка была усыпана мелкими ветками, листьями, песком и речной галькой.

Обычный мусор, но для моих босых ног это настоящее препятствие.

Сандер все решил за меня. Преодолевал два метра, что разделяли нас, подхватил меня на руки и понес вперед — нес до тех пор, пока дорожка не стала относительно чистой.

Я не сопротивлялась, просто застыла и отвернулась, рассматривая проплывающий мимо пейзаж.

— Это не обязательно, — пробормотала, как только муж опустил меня на землю.

— Мне не трудно.

— Тебе совсем не надо казаться таким милым и добрым. Я не сбегу.

— Уже закончила создавать мой портрет и поставила на один уровень с императором?

В его голосе не было злости или ехидства, скорее любопытство.

— Нет, — честно ответила мужу. — Тобой движут долг и обязательства. Вместо меня должна была быть другая, послушная, кроткая. Та, которая с рождения знала о своей участи. Но появилась я, и ты не знаешь, что со мной делать. Мне даже жаль тебя... Но только чуть-чуть... Себя жалче.

— Поверь, меня самого это не радует. Если бы было возможно, я бы давно все поменял.

— Но это невозможно, — кивнула в ответ.

Мы медленно двигались по аллее. Мусора тут тоже хватало, но не в таком количестве. Мне удавалось легко его перешагнуть и не потерять равновесия. Сандер шел рядом, не пытаясь коснуться или помочь. И я была ему за это благодарна.

— Тьяна, — начал он, но я покачала головой:

— Не стоит. Все и так понятно. Вы правы, могло быть и хуже.

— Кто — мы? — вдруг спросил он, уцепившись за мою оговорку.

Это же надо было так попасться.

Мы застыли посреди аллеи, как раз у ароматных розовых кустов, бутоны которых рассыпались после вчерашнего происшествия и усыпали все вокруг разноцветными лепестками.

— Никто.

Но его разве обманешь! Глаза сузил, нахмурился и смотрел так пристально, словно хотел пробраться под кожу. Еще немного, и в очах начнется самый настоящий шторм, засверкают молнии.

— Кто еще говорил с тобой? Ирил?

Лгать не стала.

— Да.

— Когда?

— Ночью.

— Он пришел к тебе ночью?

Кажется, я сделала только хуже.

— Спокойно. Я все еще невинна. — Шутка не удалась, поэтому быстро продолжила: — Мы встретились у окна, я дышала воздухом, а он... летал.

— И что он тебе сказал?

— Волнуется, как бы я не причинила тебе зла.

— Ирил угрожал тебе? — Голос стал зловещим и тихим.

— Он волнуется за тебя, — попыталась я оправдать сорджи, сама не понимая зачем.

— Значит, угрожал, — сделал супруг правильные выводы. — Мне жаль, что тебе пришлось пережить еще и это. Я с ним поговорю и заставлю извиниться.

— Не надо.

— Надо. Ирил не должен был так поступать.

Сорджи действительно принес «самые искренние извинения», когда меня через три часа под конвоем доставили на корабль.

Ирил ждал нас у каюты, которая на следующие несколько дней должна была стать моей тюрьмой.

— Госпожа Тьяна, — отвесив мне шутливый поклон, провозгласил он, — прошу прощения. Я был не прав.

— Извинения приняты, — пробормотала я, теряясь от его пристального насмешливого взгляда. — Я рад.

После чего развернулся и ушел, а я быстро вошла в комнату. Дверь гулко закрылась.

Здесь было красиво: богатая обстановка, широкая кровать, прибитая к полу, стул, стол, сундук для вещей и ни одного окна. Помещение освещали светильники, их оказалось целых пять.

Поразительная щедрость.

— Добро пожаловать в новый мир, — прошептала я и сделала шаг вперед.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Тьяна

А через полчаса в дверь постучали — коротко, рвано.

— Войдите, — немного нервно произнесла я, поворачиваясь и пряча за спиной свой узелок — единственное, что осталось у меня от прежней жизни.

Ну никак не ожидала, что меня так рано посетят гости.

— Разрешите? — с трудом протискиваясь в дверь из-за огромного количества сложенных друг на друга коробок и свертков (это не считая охапки бумажных пакетов, которые занимали руки), произнес мужчина.

Я даже лица его не могла увидеть, и голос звучал глухо и надтреснуто. Видно было, что ему несладко под этой ношей.

— Конечно, — произнесла, отступая к креслу. — А что это?

— Это вам, — провозгласил кароссиканец, сваливая все на кровать.

Коробки съехали вниз, свертки следом, но все же удержались на краешке, жалобно зашуршали от навалившейся тяжести пакеты.

— Я уже поняла. Но что это? — вновь повторила вопрос, не решаясь подойти.

— Не знаю, — беззаботно улыбнулся юноша, самый молодой из делегации. — Сандер велел принести. Сказал, тут необходимое.

Как будто это все объясняло.

— Даже так. Спасибо.

— Рад был помочь.

Всем необходимым оказалась традиционная кароссиканская одежда: длинные однотонные яркие кафтаны из тонкой ткани, широкие, свободно облегающие фигуру, застегивающиеся спереди на сотни мелких пуговиц, украшенные искусной золотой вышивкой с драгоценными камнями. Широкие, богато расшитые пояса и разноцветные ленты для волос.

Я открывала одну коробку за другой. Касаясь мягких тканей, проводила пальцами по узорам, боясь, что сейчас кто-нибудь придет и отнимет их у меня. Скажет, что все это чужое.

Аккуратные удобные башмачки из светлой кожи, тоже украшенные камнями. Невесомые сорочки с глубоким вырезом и домашние халаты из плюшевой ткани, столь приятные телу.

Деревянная коробочка, до самого верха наполненная звенящими золотыми браслетами, тяжелыми серьгами, массивными бусами и яркими кулонами.

«Покупает», — насмешливо шепнуло сознание.

— Не покупает, дает все необходимое.

«Это же не тебе. Он приготовил это для другой... той, чье место ты заняла...»

Вот надо же умудриться так испоганить себе настроение. Только что сердце замирало от красоты, но прошла секунда — и все краски потускнели.

Но настроение поднялось, стоило мне распаковать следующий довольно увесистый сверток. Книги. Большие, в красивых кожаных обложках, с золочеными крупными витиеватыми надписями, с ажурными вензелями. Теперь плавание уже не казалось таким ужасным. Не знаю, кому что предназначалось, но теперь это мое, и отказываться глупо.

Прошел день, затем ночь, а потом наступило утро.

Иногда мне казалось, что я слышала через толстые стены крики чаек и шум волн, но, скорее всего, это была игра воображения.

Кормили на корабле вкусно и очень сытно. Нежирная индейка под разными соусами (мне больше понравился вишневый), жареный картофель, сдобренный изысканными приправами, а еще много фруктов и овощей.

На второй день путешествия, одевшись в темно-синее платье-кафтан с серебряной вышивкой на груди и длинными рукавами, я лежала на кровати, подтянув к себе колени, и читала об удивительном острове Каросс. Стиль повествования очень сильно отличался от всего того, что я читала раньше. Было видно, что автор очень любит этот край, его жителей и культуру. Чтение настолько меня поглотило, что я не отреагировала на стук в дверь и очнулась, лишь услышав деликатное покашливание.

— Здравствуй, — произнесла, увидев стоящего в дверях Сандера, и, неожиданно смутившись, добавила: — Не знаю точно, утро сейчас или уже день.

— День. Чуть больше полудня.

— Должны принести обед?

День для меня теперь измерялся количеством поглощаемой пищи.

— Не хочешь составить мне компанию?

— Каким образом?

— Пообедаем вместе. Прости, что оставил тебя на сутки одну, надо было решить кое-какие вопросы.

— Ничего, — отозвалась рассеянно. — А разве мне можно выходить отсюда?

— Дверь всегда открыта, — заметил муж.

— А как же кракен и все остальные ужасы?

— Тебе не стоит выходить на палубу, но корабль в твоём распоряжении. Так что?

— Что?

— Пообедаешь со мной? — мягко улыбнулся Сандер.

— Хорошо, — отложив в сторону книгу, произнесла я.

Если ему так надо, то пообедаю, а вдруг и еще что-то новое узнаю.

— Мы можем сначала сходить к твоему грифону.

— Аргусу? — недоверчиво уточнила, чувствуя, как замерло в ожидании сердце, а все другие планы перестали иметь какое-то значение.

— У тебя есть другой грифон?

— Нет. Но мы действительно можем его увидеть?

— Ты готова?

— Да! — крикнула в ответ и принялась обуваться, впопыхах не попадая в тапочки и едва не падая.

— Не спеши. Я подожду.

— Готова! — тут же произнесла я.

— Тогда идем? — спросил он, протягивая мне руку.

Я некоторое время смотрела на нее, не решаясь дотронуться. Последний из рода Каарха и так стал мне слишком близок, слишком занимал мысли. А с другой стороны, мне надо привыкать к его прикосновениям. И чем быстрее, тем лучше.

— Идем, — вложив в его руку ладошку, ответила я.

Сандер переложил ее на стиб своего локтя.

— Хорошо.

Дорогу я запоминать не стала, сосредоточилась на собственных ощущениях и тепле мужчины, который сейчас был так близко. Я чувствовала его мощь и силу, но она не подавляла, а мягко обволакивала, словно он хотел защитить. Только не было такой защиты, которая могла оградить меня от него.

Довериться мужу было страшно, но совсем не сложно. Глупо? Возможно, но только все время жить в напряжении невыносимо. А расклеиваться я не собиралась. Лишь вопрос с няней стоял

между нами. Я никак не могла понять, стоит ему рассказать или нет. Момент был упущен, и сейчас это откровение могло уничтожить то хрупкое доверие, что возникло между нами. Если подумать, лишь Сандер был все время честен со мной, не скрывал, не обманывал и не угрожал. А в том, что должно было произойти, муж не виноват. Кто-то должен пострадать ради всеобщего блага, и этим кем-то оказалась я.

Можно было начать сопротивляться, устроить истерику, попытаться сбежать, кусаться и драться. Но что это изменит? На алтарь меня все равно доставят, если понадобится, в бессознательном состоянии. Плюс ко всему император не простит своеволия. Я ему нужна лишь как жена Сандера и его лазутчик. Бежать некуда, спастись негде. А лишать себя жизни я не собиралась.

Мы спустились в трюм, где держали грифонов.

Аргус все еще находился в своей клетке. Сейчас он крепко спал, спрятав морду под изломанным крылом.

— Что с ним? — прошептала, отходя от Сандера и делая пару шагов вперед.

— Спит.

— Все время?

— Аргус получил серьезные травмы. И физиологические, и психологические. Ему необходимы силы, а сон для восстановления подходит лучше всего.

— Вы даете ему что-то? — обходя клетку по кругу, спросила я.

— Специальные травы. Не переживай, они не вызывают привыкания и не вредят. Ему будет легче.

— И как долго он проспит?

— До конца пути. Поверь, для него так лучше.

— Знаю. — Я вновь подошла к мужчине, застыла на расстоянии полуметра. — Куда дальше?

— Ты обещала мне обед, — напомнил он.

— Обещала.

А сама все никак не могла понять, что на этот раз задумал мой таинственный и загадочный муж.

Комната или, как тут говорят, каюта Сандера была больше моей. Односпальная кровать стояла в самом углу. На стене у небольшого стола, заваленного какими-то бумагами и свитками, висела карта, исчерченная красными линиями и яркими флажками. Напротив двери располагалось большое окно, за которым плескались воды океана. Основную часть комнаты занимал длинный широкий стол, который, скорее всего, использовали для проведения совещаний. Сейчас он был накрыт белоснежной скатертью, на которой стояла дорогая посуда — сверкающие бокалы и тарелки со вкусными блюдами. А еще я заметила бутылку вина.

— Мы будем обедать одни? — застыв в дверях, спросила я.

— А кто еще должен присутствовать?

Мужчина прошел вглубь и, остановившись, с любопытством на меня посмотрел.

— А господин Иррил?

Нет, видеть сорджи мне не очень хотелось, но все-таки с ним было бы спокойнее. Мужчины пообщались бы друг с другом, а я бы нормально поела, послушала их, а потом вернулась к себе.

— Пообедают с командой. Что-то не так?

— Нет, все нормально.

Столовых приборов оказалось гораздо меньше, чем обычно: нож, вилка, большая и чайная ложки. Отлично, не придется ломать голову, пытаясь вспомнить уроки забытого этикета.

— Я не поблагодарила тебя за книги. Они чудесные, — сказала, присаживаясь за стол.

— Рад, что тебе понравились.

— И за вещи спасибо.

— Тебе идет традиционный кафтан.

Ох, лишь бы не покраснеть. Обычные слова и тон, в котором нет даже намек на флирт, а я уже готова зардеться от смущения и удовольствия.

— Благодарю. Ты ведь все это готовил для другой, не так ли?

— Я готовил это для своей жены, — немного резко ответил Сандер, беря в руки огромное блюдо с сочными кусками мяса. — Положить тебе? Сегодня на обед отбивные и тушеные овощи. Кок постарался на славу.

— Будь так любезен, — передавая ему тарелку, ответила я. Станный у нас обед получался, домашний какой-то. — Ты не обязан передо мной оправдываться.

— Я не оправдываюсь. Эти наряды и украшения — дар жене. Обувь и книги — это мой личный подарок. Я подумал, что тебе было бы интересно узнать о Кароссе.

— Да, ты прав, — принимая тарелку, ответила мужу. — Я очень люблю читать. К сожалению, книг в том месте, где я жила, почти не было.

— В замке есть библиотека. Но, если ты хочешь, я прикажу привезти еще книг.

— Спасибо. Но об этом пока рано говорить.

— Вина? Оно легкое и очень вкусное. Такого ты точно не пробовала, выращено на склонах Каросса.

— Я вообще вина не пробовала, — с тихим, немного нервным смешком ответила ему.

— Надо это срочно исправить, — взяв бутылку и бокалы, ответил мужчина.

— Хочешь меня сподить?

— Зачем мне это? — разливая рубиновую жидкость, невинно спросил Сандер.

— Не знаю.

Поднеся бокал к лицу, вдохнула сладкий аромат винограда с едва заметными нотками фруктов. Никакого спирта или горечи. На вкус вино оказалось таким же сладким и пряным.

— Как тебе?

— Я не большой специалист по винам. Но, по-моему, очень вкусно.

Некоторое время мы молчали, поглощенные едой. Мясо тоже было вкусным, ароматным, очень нежным и сочным. Есть — одно удовольствие. Кажется, я начала привыкать к праздной жизни.

— Как тебе корабль?

— Сложно сказать, если все время сидишь в своей каюте, — усмехнувшись, ответила я, нарезаая ножом мясо на небольшие кусочки.

— Если хочешь, могу устроить тебе экскурсию.

Предложение, несомненно, интересное, но крайне подозрительное.

— Сандер, — откладывая в сторону вилку и нож, произнесла в ответ, — я все оценила, правда. Обед, отличная компания, поход к Аргусу, подарки, твое внимание. Все это очень мило, но, может, сразу скажешь, что нужно?

— Какая ты недоверчивая. А если я скажу, что ничего?

— То я отвечу, что не верю, — ответила в тон ему.

— Мне действительно ничего от тебя не нужно. Я просто хочу помочь привыкнуть ко мне.

— Зачем?

— Чтобы потом все прошло хорошо.

— Это не может пройти хорошо, Сандер.

— Ты все прекрасно поняла, Тяна. Наша ситуация нестандартная.

— И ты решил действовать так же. Нестандартно. Не слишком ли много действий? Как по мне, ты переигрываешь.

— Тяна, — медленно и терпеливо произнес супруг, — у тебя сложилось немного неверное представление о наших будущих отношениях.

— Ну так просвети меня.

— После ритуала мы не расстанемся навсегда, не поселимся в разных уголках.

— Только не говори, что мы останемся друзьями и будем дружить семьями, — фыркнула в ответ, сделав еще один глоток ароматного вина.

— Ты моя жена.

Как будто это что-то объясняло.

— Это всего лишь название.

— Ошибаешься. Ты моя жена, родственница императора, поэтому во время всех торжественных мероприятий мы будем вместе. Как пара.

— А как же твои амери? — произнесла я и мысленно себя похвалила. Надо же, мне удалось произнести это слово без запинки и не закапать ядом.

— Моя жена ты, — во второй раз повторил Сандер.

Вот заладил-то. Я и с первого раза поняла.

— Знаешь, — призналась ему, — ваши порядки все больше заводят меня в тупик. Столько непоняток и странностей.

— Все не так сложно, как может показаться.

— Ну, конечно, ты, я и твоя амери. Легко и просто. Ах да, забыла, еще будет выбранный тобой Ниардо.

— Я его не выбирал.

— Ну, назначил, — отмахнулась я. — Велика ли разница.

— И не назначал.

— А он мне сказал обратное.

— Солгал, — спокойно отозвался Сандер. — Я не сводник и уж точно не буду подбирать тебе мужчину.

— Почему?

Ох, не надо было задавать этот вопрос, но он сорвался с губ.

— Потому что это область твоего личного выбора.

— Хотя в чём-то он у меня есть, — отозвалась горько. — Ты не выбирал, но не одернул Ниардо, когда тот начал за мной ухаживать.

— Не совсем так. Я попросил его сбавить обороты. Но он так боялся конкуренции, что решил усилить напор и занять место в твоём сердце до прибытия на Каросс.

— Зачем? Что это ему даёт? У меня же ничего нет. Кроме проклятия. Но это скорее, минус.

— Ошибаешься. Став моей женой, ты получила очень много. А Виттор... — Мужчина замолчал, подбирая слова. — Виттор третий сын первого советника. Гонору много, толку мало. Стать преемником отца он не сможет, какими-то большими знаниями не блещет, вот они и решили пойти легким путем.

— Его навязали тебе в качестве попутчика? — догадалась я.

— Я хоть и потомок Синего, но есть и совет, которому все обязаны подчиняться. Мне велели его взять, я взял.

— А потом просто отошел в сторону.

Супруг нахмурился и отвел взгляд:

— Отошел. Думал, так будет лучше.

— А сейчас передумал?

— Переводишь тему, Тьяна.

— Ты сам начал этот разговор.

— И хочу его продолжить. Нам все равно придется с тобой встречаться.

Встречаться. Видеть его с другой, любить их общего ребенка, играть роль и улыбаться.

Дружить. Смогу ли я? Не уверена.

— Хорошо, я поняла, постараюсь не ударить в грязь лицом. Только, пожалуйста, не надо всего этого, — тихо ответила ему, глядя прямо в глаза.

— Чего — этого? — не понял Сандер.

— Не надо ради меня устраивать это представление. Я же сказала, что все поняла. Не надо унижать игрой и меня, и себя.

— Я не играю, Тьяна, — неожиданно серьезно продолжил мужчина. — Никогда и ни с кем. И сейчас я предельно честен с тобой. Хочу, чтобы у нас сложились хорошие, дружеские, доверительные отношения.

Самое противное, что он говорил правду. Опять. Мне было бы гораздо легче злиться на него, окажись мой супруг отъявленным мерзавцем. Но нет, Сандер уродился до ужаса честным, даже красивым. Одни глаза чего стоили. Сейчас они были яркого лазурного цвета, как океан во время шторма.

Ох, о чем я только думаю! Это все вино! Оно виновато.

Не мой! И никогда не будет моим... даже помышлять об этом опасно.

— Понимаю. Но ты не спросил, чего хочу я, — произнесла тихо, опуская взгляд и изучая кружево салфетки на своих коленях.

— И чего же?

— Времени. Дай мне время прийти в себя и все осмыслить. Понимаю, ты хочешь как лучше, но не надо. Я пытаюсь собраться, а ты... — последовал тяжелый вздох, почти стон. — Ты выбиваешь почву из-под ног.

Посмотрел странным непонятым взглядом и кивнул:

— Хорошо. Как пожелаешь.

— Спасибо.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тьяна

Следующие три дня пролетели незаметно.

Сандер еще пару раз приглашал отужинать с ним, но я всегда вежливо отказывалась, предпочитая собственную каюту и одиночество. Настаивать супруг не стал, за что я была ему крайне благодарна.

Пару раз один из кароссиканцев водил меня посмотреть на Аргуса, который продолжал спать и набираться сил. Изменения сложно было рассмотреть, но меня уверили, что они уже есть. Одна я выходить из своей каюты отказывалась, предпочитала передвигаться по кораблю в сопровождении кого-либо. Палуба, свежий воздух и солнце пока оставались недоступными. Я много размышляла о сложившейся ситуации и Сандере. О нем, кажется, думала даже слишком много. Вспоминала его необычные глаза, голос, мимолетную улыбку, слегка приподнимавшую уголки губ.

Не сосчитать, сколько раз порывалась встать, броситься к супругу и рассказать о своем соглашении с императором, о няне и о страхе потерять последнего дорогого человека в этом мире. Но каждый раз останавливалась.

А если не поймет, а если расценит как предательство? Тогда я и няню погублю, ведь шпионить мне не позволят, запрут в замке, и доверие мужа потеряю.

«Ты его точно потеряешь, если он узнает правду от других», — шептал внутренний голос.

Понимала, но что делать, не знала. Выхода пока не видела. Надо было хорошо все обдумать, прежде чем решаться на такое откровение.

Еще я неожиданно поймала себя на мысли, что хочу, чтобы ритуал прошел побыстрее. Тогда все закончилось бы, мы бы расстались и это наваждение исчезло.

Когда мне исполнилось тринадцать, няня впервые, смущаясь, запинаясь и краснея, рассказала о мальчиках, влюбленности и невинности. Просила быть осторожнее.

— Ты не чета им, деревенским, ты — Колдер.

— Титула давно нет, — возразила я, помешивая варево в котелке.

— Может, и нет, но ты есть. Не подходят тебе эти ребята.

— Ты не переживай, они на меня даже не посмотрят, — горько усмехнулась в ответ.

Не то чтобы мне хотелось чьего-то внимания, с мороком такое крайне трудно, почти невозможно. Разве кто-нибудь на спор решит приударить за проклятой. Но мне исполнилось тринадцать, я становилась девушкой и больше всего на свете хотела быть другой. Не для кого-то, а для себя.

— А ежели ты согласишься? А вдруг отзовется сердечко? — не отступала нянюшка, тревожно за мной наблюдая.

— Не отзовется, — как могла, успокоила ее. — Не на кого тут отзываться. И вообще, я сама хозяйка своего сердца. Как скажу, так и будет. Вот увидишь.

— Нельзя без любви, девонька. Совсем нельзя. Чувства, любовь и сострадание отличают нас от ящеров. Не уподобляйся им, не гневи богов, не призывай Темного.

Ведь прожила до восемнадцати лет в уверенности, что все смогу выдержать. Что сердечко мертво, засыпано серым пеплом, и чувства совсем не для него.

Получается, ошиблась?

Стоило кому-то проявить тепло и уважение, сделать что-то хорошее, как сердце отозвалось. И приготовилось в первый раз забиться для кого-то.

— Молчи, глупое, — твердила я. — Не для нас он. Да и нельзя полюбить за пару дней. Это просто благодарность.

А сама считала дни до прибытия. Веря, что там, на берегу, все изменится и будет по-другому. На палубу мне помог подняться Ирил.

— Сегодня моя очередь, — сообщил сорджи, которого мне чудом удавалось избегать все эти дни. — Готова?

— Всегда, — ответила ему, но руку не подала, спрятала за спину.

От яркого солнца я на мгновение ослепла, зажмурилась, подставив лицо легкому ветерку, наслаждаясь свежим воздухом, которого так не хватало эти дни.

— Давай помогу, — раздался голос Сандера, который аккуратно взял меня за руку, привлекая к себе.

— Ничего не вижу, — пробормотала в ответ, чувствуя, как выступают слезы.

Но это совершенно не мешало ощущать тепло мужа, вдыхать аромат его тела, вслушиваться в тихий голос. Сейчас, когда зрение было мне недоступно, усиленно заработали другие органы чувств, сыграв со мной злую шутку.

— Глаза скоро привыкнут, — тихо произнес мужчина, и его дыхание пошевелило волоски у уха.

Он подошел слишком близко. Надо бы отступить, но я не могла. Мне так не хватало тепла и ощущения защиты, которое он дарил. Я тянулась к нему и ничего не могла с этим поделать.

— Хорошо, — ответила и тихо охнула, когда Сандер неожиданно подхватил меня на руки и понес.

— Так удобнее, — сообщил мужчина в ответ на мой немой вопрос. — С закрытыми глазами сложно спуститься по трапу, не сломав ноги.

— Спасибо.

А сама все пыталась понять, что со мной происходит. Почему так горят щеки и сбилось дыхание? Отчего так колотится сердце? Заболела или причина в другом? В том, чего боялась все эти дни?

Внезапно давление на глаза пропало, и я смогла осторожно их открыть.

Карета с зашторенными окнами, Сандер напротив.

— Ты как?

В голосе участие, от которого пересохло в горле.

— Уже лучше, — откашлявшись, ответила ему и отсела чуть в сторону. — Спасибо.

— Мы сразу отправляемся во Фриастор. Тебя уже ждут.

Я даже не стала спрашивать, кто и зачем. И так понятно. Сегодня ночью все свершится. Дорога поднималась выше и выше. Глаза привыкли настолько, что я смогла отдернуть в сторону занавески, рассматривая проплывающий мимо пейзаж: небольшие аккуратные деревеньки, зеленые поля и луга, солнечный лес, полный ярких красок. Дорога была ровной, дискомфорта поездка не вызывала, меня даже чуть-чуть укачало.

— Прибыли, — произнес Сандер через пару часов, когда мы остановились. — Готова?

— Готова.

Он помог мне спуститься вниз. Карета остановилась напротив входа в один из самых красивых замков, которые я когда-либо видела. Высокие мраморные колонны, мозаичные дорожки, сверкающие до блеска ступеньки, много зелени и пестрых цветов. Большой фонтан с журчащей, кристально чистой водой.

Я не могла насмотреться, вертела головой и находила все новые и новые удивительные вещи.

— Сандер!

Сойдя со ступенек, к нам в окружении слуг царственно шла высокая стройная женщина в нарядном ярко-зеленом кафтане. На голове у нее красовался тюрбан такого же цвета, украшенный брошкой с изумрудами и экзотическими перьями.

Ее возраст сложно было определить, почти невозможно. Лишь сеть мелких морщинок у карих глаз говорила о том, что незнакомке гораздо больше сорока.

— Госпожа, — улыбнулся мужчина, делая шаг ей навстречу и целуя унизанные перстнями руки, — вы, как всегда, великолепны.

— Ах ты, проказник, — рассмеявшись, ответила она низким грудным голосом. — Совсем перестал навещать старушку.

— Назвать вас старушкой может лишь глупец, — лукаво ответил Сандер, отступая и поворачиваясь ко мне. — Я не один.

— Это она? — быстро спросила женщина, впиваясь в меня жадным взглядом.

— Да. Прошу, знакомьтесь. Это Тьяна — моя жена. А это госпожа Валенсия. Вдова моего отца.

«Вдова. Значит, жена, но не мать», — отметила я про себя и прямо посмотрела в карие глаза, обрамленные густыми черными ресницами.

Эта женщина была очень красива, и возраст совершенно ее не портил, даже украшал, делая величественной. По сути, госпожа Валенсия относилась к тому типу людей, которых все украшает.

Огненная кровь, дитя, отмеченное Сайроном.

Такая же, как я? Или мне предстоит стать такой?

Чему я удивляюсь, кристалл ведь надо постоянно пополнять энергией, Сандер говорил мне об этом. Вот только несчастной женщина совсем не казалась.

Она долго вглядывалась в мое лицо, словно пыталась пробраться сквозь морок проклятия, заглянуть за шторку, разглядеть скрытое. Но не смогла.

Вздрогнула, отвернулась, взглянула на Сандера, который продолжал молча стоять рядом.

— Дочь Каири? — В голосе слышались настороженность и некоторое опасение.

Я видела, как слуги синхронно отступили в сторону. Боялись проявления гнева хозяйки или причина была в чем-то другом?

— Нет, — быстро ответила я, не желая казаться безвольной куклой, — Колдер.

Здесь, на Кароссе, можно было, не боясь, называть титул родителей. Я гордилась им и не собиралась забывать о том, чья кровь течет в моих жилах. Тем более сейчас, когда ответственность за такое своеволие не достигнет.

Надо сказать, эффект от моих слов оказался просто потрясающим. Валенсия вздрогнула, глаза вспыхнули и погасли, вокруг глаз и в уголках губ залегли некрасивые складки, сразу сделавшие ее старше, она отшатнулась, едва не упала. Пара слуг дернулись, стремясь подхватить и удержать ее, но отступили, стоило только женщине раздраженно отмахнуться от них, как от надоедливых мух.

Ее рука дрожала, прижимаясь к пышному бюсту, сверкала на солнце драгоценными камнями колец, щедро нанизанных на пальцы. Рот несколько раз открылся и закрылся, словно ей не хватало воздуха.

— С вами все в порядке?

От Сандера просто так не отмахнуться. Мужчина уже встал рядом, взял ее под руку, обеспокоенно заглянул в глаза.

Интересные у них отношения.

— Да-да-да, — торопливо произнесла женщина и снова посмотрела на меня. — Сандер, ты не мог бы отойти?

— Зачем?

Супруг явно не хотел оставлять меня одну.

— Всего на пять минут.

— Тяна? — В голосе мужчины явно звучал вопрос.

Он оставлял право выбора за мной.

— Все хорошо.

Отошел в сторону метров на пять и застыл.

— Ты дочь Арнольда?

Моего отца госпожа Валенсия знала. Это факт. И, сдается, знала очень хорошо, иначе не отреагировала бы так бурно.

— Да, — ответила ей, спиной чувствуя пристальный взгляд мужа, который прожигал мне спину.

— Почему Тангир тебя пошадил?

Я не сразу поняла, о ком она говорит. Нынешнего императора уже лет сорок никто не называл по имени. Лишь «повелитель», «император» и прочие восторженные эпитеты. Даже в официальных документах это имя отсутствовало.

«Кто же вы, госпожа Валенсия? Откуда вы столько знаете?»

— Он мне об этом не сообщил, — ответила ей, наблюдая, как быстро женщина приходит в себя. А она изучала меня. Насколько ей позволяло проклятие.

— Не огонь... Жизнь. Надо же, как интересно распорядилась судьба, — неожиданно хмыкнула женщина и повернулась к моему мужу: — Мать знает?

— Еще нет, — спокойно ответил тот, совершенно не смущаясь и не отрицая того, что подслушивал.

— Интересно-интересно. — По полным алым губам промелькнула странная усмешка. — Надо же, как распорядились боги.

— Кто вы такая? — не выдержав, задала я вопрос.

Терять-то было нечего. А эта дама меня очень сильно беспокоила, если не сказать пугала.

— Сандер представил меня. Здесь, на острове, я почтенная вдова его отца.

— А в Империи? Кем вы были в Империи? — уточнила я.

— Это было так давно, моя дорогая. Уверена, сейчас все обо мне забыли.

Хитрила или лгала? Играла со мной? Зря, отступать я была не намерена.

— Но вы знали моего отца!

— Знала? — Короткий смешок, бьющий по натянутым нервам. — Я сама, лично, будучи сопливой девчонкой, помогала появиться Арнольду на свет. Империя запомнила меня как Валенсию из рода Огненных, потомка Красного бога. Дочь Филиана Третьего, великого повелителя непобедимой Империи.

— Филиан Третий? — недоверчиво переспросила я, вспоминая учебники истории. — Но этого не может быть.

— Отчего же? — Идеально выщипанная бровь поползла вверх.

— Если вы дочь Филиана Третьего, то тогда...

Ох, сколько же ей лет. Возможно, даже больше, чем нянюшке. Но как она выглядит — такая яркая и броская, что сложно оторвать глаза. Да, такая женщина никогда не будет одна.

— Тогда я, — подсказала госпожа Валенсия, — родная тетка Тангира и твоего отца.

— Мой отец — сын герцога Колдер.

— Не надо юлить, девочка. Я отлично знаю, когда, где и при каких обстоятельствах появился твой отец.

И почему мне показалось, что эти данные у нас не совпадают? По моим сведениям, отец родился через месяц после брака бабушки с герцогом Колдером в поместье далеко от столицы.

— Валенсия! — предупреждающе произнес Сандер.

Было видно, что ему не нравится, куда завел нас разговор.

— Успокойся, дорогой, — пожала плечами женщина. — Девочка имеет право знать правду. Хотя, признаюсь честно, я удивлена, что дорогой племянничек тебя пощадил и оставил в живых.

— Где ваши подруги? Где все придворные дамы? — вновь вмешался Сандер, пытаюсь перевести разговор, но ближе не подошел.

«Подруги? Дамы? Надо же, как интересно».

— Я всех отослала, — побормотала Валенсия. — Сам понимаешь, такой день. Нам ведь надо столько обсудить с Тьяной.

— Почему? — вмешалась я. — Почему он должен был меня убить?

— Ты одна из немногих, кто может пошатнуть его власть.

Теперь пришла моя очередь коротко рассмеяться.

— Я всего лишь девчонка из провинции. Для подавляющего большинства меня просто не существует. Я мертва много лет, и меня это более чем устраивает.

— Но что будет, когда они узнают, что ты есть? — В глубине глаз взметнулось красное пламя.

Теперь понятно, почему она так молодо выглядит. Сила крови огненного предка велика, именно она не дала состариться быстро.

Но тогда возник дугой вопрос: разве кристалл не должен был все это забрать? Сандер говорил о полном выкачивании огненной энергии. Тогда почему у госпожи Валенсии она осталась?

Но об этом сейчас спрашивать не стоило. Потом... останемся наедине, и я обязательно поинтересуюсь.

— Ничего, — жестко оборвала я. — Десять лет назад заговорщики тоже так считали. И чем все закончилось? Сколько жизней унесло восстание?

Никто до сих пор не знал. Это глав семей казнили прилюдно, а скольких темными ночами убили без суда и следствия, какое количество людей погибло во время массовых восстаний на широких улицах столицы? А несчастные, сгнившие в застенках Башни смерти? Никто не знал и никогда не узнает точного количества убитых.

— Ты думаешь, это началось десять лет назад? Дорогая моя, все продолжается более шестидесяти лет. Мне ли не знать. Чтобы спасти свою шкуру, я была вынуждена бежать на

Каросс. Скажу честно, это не самое плохое место, можно сказать, одно из лучших. Тангиру здесь нас не достать.

У меня на этот счет было совсем иное мнение, но высказать его я не успела.

За нами раздался полный нечеловеческой боли крик. В следующий момент Сандер оказался рядом и закрыл меня спиной, пытаясь отгородить от опасности.

Но мне не надо было смотреть, я и так знала, что случилось.

Сегодня утром, когда я в последний раз видела Аргуса, он продолжал мирно спать, ни на что не реагируя. Смотрящий так привык к моим частым визитам, что даже позволил в виде исключения подойти к тяжелой клетке и коснуться грифона.

— Не бойтесь, госпожа? — с сомнением спросил он, глядя, как я осторожно глажу израненную птицу по голове, провожу подушечками пальцев по старым шрамам, которые никак не хотели затягиваться.

— Нет, — спокойно ответила ему, не отрывая взгляда от грифона. — Аргус никогда меня не обидит. А я не дам в обиду его.

— Он потерял хозяина. После такого не выживают и редко восстанавливаются до конца, — продолжил смотритель.

Я рассеянно кивнула, но не стала вдаваться в подробности и говорить, что меня так же сломали. Нам будет чем поделиться друг с другом, встречая новый день. А время лечит. Чуть-чуть, но лечит.

Утром пожилой мужчина уверил меня, что Аргус проспит еще долго и никаких проблем с транспортировкой не возникнет.

Оказался почти прав. Клетку к замку доставили без проблем, все так же по воздуху, на четырех больших грифонах бурого цвета с короткими мощными шеями и сильными крыльями. Но вот дальше...

Один из четырех тросов не выдержал нагрузки и лопнул. Клетка наклонилась, заваливаясь набок и сбивая строй. На землю она не упала, но Аргус хорошо стукнулся о прутья всем телом, всеми незажившими ранами, резко проснулся и забился, ломая крылья и жалобно крича.

— Аргус! — крикнула я, вновь пытаясь к нему пробиться.

Три оставшихся грифона не смогли удержать раскачивающуюся из стороны в сторону клетку и стали медленно опускать ее вниз, четко подчиняясь приказам наездников.

А на земле уже собралась толпа смотрящих со специальными веревками и палками, что не добавляло Аргусу спокойствия. Крик стал яростным и злобным.

«Живым не дамся!»

Я так отчетливо это услышала, что вздрогнула всем телом.

— Что происходит? — недовольно спросила госпожа Валенсия. — Что здесь делает это существо?

— Аргус! — вновь вскрикнула я, пытаясь обойти Сандера.

Но муж, казалось, был везде, он мешал, держал меня и пытался достучаться до моего сознания:

— Тьяна, успокойся!

А я ответила безумным взглядом и бессвязным шепотом:

— Он упадет. Разобьется!

— Успокойся. Клетке не дадут упасть. Лопнул всего один трос. Это не опасно.

Сильные руки слегка встряхнули меня, пытаясь привести в чувство.

— Ты слышишь? Все будет хорошо. Его почти опустили.

Клекот становился все громче и оглушительнее. Сзади возмущалась Валенсия, а я до крови искусала губы.

Всего пара секунд, и клетка с тихим скрежетом опустилась на землю.

— Обрубай канаты!

— Освобождай грифонов!

— Осторожнее!

— Замки заело!

— Дотянуться не могу!

— Вот же злобный какой!

— Бешеный!

Когда дотянуться до канатов так и не получилось, послышались громкие ругательства. Стали роптать грифоны. У наездников тоже не получалось дотянуться до канатов.

Количество народа все увеличивалось. Теперь перед клеткой были не только смотрящие, но и охранники, и слуги, и еще кто-то.

— Чуть руку не оттяпал!

— Да угомонись ты! Мы же помочь хотим.

— Не кричи, а то совсем свихнется.

— А глаза-то, глаза...

— Аркан давайте.

Внезапно обзор загородила долговязая фигура сорджи, который невесть каким образом оказался перед нами.

— И что с ним делать? — спросил он у Сандера.

— Живой и здоровый, — ответил тот и добавил: — Не ломай.

— Ох, вечно ты куда-то влезаешь, — вздохнул тот, коротко взглянул на меня и взлетел.

— Что он задумал? — нервно отозвалась я. Мне совсем не понравилась последняя фраза мужа. — Что сорджи будет делать?

— Я обещал, что с Аргусом ничего не случится, я сдержу слово.

— Ты не понимаешь, — покачала головой в ответ и быстро, захлебываясь словами, произнесла:

— Он же боится! Аргус совсем один! В чужой стране! Ему страшно! Я должна быть рядом!

— Не должна, — резко ответил супруг. — Ирил справится. Смотри.

Сорджи под радостные возгласы присутствующих успел отцепить тросы, отпустить измученных птиц и теперь медленно и плавно опускался вниз, к Аргусу, на которого я не могла смотреть без слез.

Испуганный, но не сломленный, пытающийся сражаться до конца, даже зная, что обречен, с воспаленными покрасневшими глазами и редкими перьями, вставшими дыбом на загривке.

Ирил плавно опустился на землю (люди тут же расступились в стороны) у самой клетки и бесстрашно протянул ладонь, пытаясь коснуться израненной морды. Аргус не дался, злобно щелкнул клювом и только чудом не откусил пальцы сорджи, который даже не попытался отскочить, потом зашипел, забиваясь в угол.

— Они оба — дети воздуха, — произнес Сандер. — Если кто-то и сможет достучаться до него сейчас, то это Ирил.

Но я видела, как дрожал Аргус, как царапал сломанными когтями пол клетки, как бились о решетку крылья, теряя последние перья.

— Нет, — прошептала едва слышно.

— Сандер! — вновь попыталась вмешаться госпожа Валенсия. — Ты с ума сошел? Что на территории замка делает дикий грифон? Это безумие. А если он вырвется? Почему слуги медлят?

— Ты обещал, — прошептала одними губами, глядя мужу прямо в глаза и ловя в них ответ.

— Ирил все решит.

— Не решит. И ты это понимаешь, — ответила ему, чувствуя, как горячая слеза медленно скользит по щеке, к ней тут же присоединилась другая.

И тут же в подтверждение моих слов заклекотал Аргус, а сорджи, шипя проклятия, отшатнулся.

— Пусти меня к нему.

— Нет.

— Пусти.

— Опасно.

— Аргус не причинит мне вреда.

— Это не тот грифон, которого ты знала десять лет назад.

— Я должна, — начала я и неожиданно вскрикнула от боли, когда на груди загорелся огнем кулон.

Дрожащими руками вытащила его за цепочку, глядя, как солнечным слепящим светом сияет Дерево.

— Эт-то что? — выдохнула я и поморщилась от боли.

Точно на груди ожог останется.

Сандер изменился в лице, побледнел, глянул на меня странно, недоверчиво, потом снова посмотрел на кулон. Сзади приглушенно охнула Валенсия.

— Пошли, — вдруг резко произнес мужчина, схватив меня за руку.

— Куда? — не сразу поняла я. Подумала, что муж решил затащить меня в замок и запереть.

— Спасать твоего грифона.
— Правда?
— Я с тобой.
— Но...
— Одну не отпущу, — твердо заявил Сандер.
Мне не надо было говорить дважды. Я кивнула и бросилась вперед. Но тут же передо мной стеной встала охрана.
— Пропустить, — велел муж, не отстававший от меня ни на шаг.
А медальон все сильнее накалялся и светился так, что даже смотреть было больно.
— Что за... — недовольно выдал Ирил, но тут же замолчал, увидев меня. Брови поползли вверх, он бросил вопросительный взгляд на Сандера.
Не знаю, что сорджи увидел, но он тут же отступил в сторону, только бросил странное:
— Ты же говорил — непосвященная.
Но я была слишком занята Аргусом, чтобы обратить на это внимание. Грифон меня заметил и узнал, перья опускались, из взгляда стала медленно уходить ненависть. Но тем не менее подходить он не спешил.
— Не бойся, — дрогнувшим голосом произнесла я и едва не закричала, когда еще сильнее загорелся кулон. Немного — и он прожжет дырку на груди.
Сандер тут же оказался рядом, обнял за талию, положил руку мне на живот, притянул к себе.
— Возьми амулет в руку, — прошептал на ухо едва слышно.
— Но он же горячий, — сказала я, едва дыша.
— Возьми.
Зажмурилась, кусая губы, схватила Древо, ожидая, что почувствую жгучую боль. Но ничего не произошло. Кулон вдруг стал прохладным, даже холодным.
— Что это? Почему? — совсем растерялась я.
— А теперь потянись к грифону. Тебе надо его коснуться.
— Он не хочет.
— Хочет. Он тоже это чувствует.
— Что? — пробормотала я, глядя, как Аргус медленно и нерешительно двигается вперед, не сводя взгляда с амулета в моей руке.
— Магию.
— Какую магию? Я ничего не знаю.
— Знаешь, — шепнул Сандер, и волоски у меня на коже встали дыбом. — Знаешь, Тьяна. Не можешь не знать. Это в твоей крови.
— Что?
— Жизнь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Тьяна

Первый круг посвящения дриады проходят сразу после рождения. Его называют «Обретение». Девочка получает свое имя и медальон, который будет связывать ее с Древом всю жизнь. Молодая мать укладывает младенца у корней в изумрудной траве, пестрящей цветами и светлячками, и оставляет на всю ночь. Утром она забирает малышку уже с кулоном на шее и с именем, данным Зеленым богом.
Второй круг называется «Запечатление», проводился он по достижении девочкой пяти лет.
— Священное Древо помнит всех и каждого, — говорила мама, поправляя венок из цветов на моей голове.

Ох, мамочка, я же до сих пор помню, какими ароматными были цветы, как тонкие травинки щекотали лоб и щеки и мне все время хотелось почесаться, но приходилось мужественно терпеть.

— Сегодня оно запомнит и тебя.

Мама очень волновалась, хотя пыталась это скрыть. Ее пальцы дрожали, а глаза тревожно блестели. Я переживала вместе с ней, потому что знала, как это важно, и понимала: надо быть взрослой. Еще страшно переживала за папу — мужчин на церемонию не допускали, а мне так не хотелось оставлять его одного.

Отец легко поднял меня на руки и прижал к себе:

— Ты большая девочка, Тьяна. Большая и умная. А еще взрослая. Обещай, что во всем будешь слушаться маму.

— Хорошо, — обхватив его за шею, прошептала я и бросила в сторону мамы тревожный взгляд. Как же она была красива в традиционном белом платье с вышивкой! Распущенные волосы цвета лунного серебра свободно падали на плечи и грудь. Дома мама никогда их не распускала, убирала, укрывала яркими палантинами, словно стыдилась.

— Не бойся, — улыбнулась она. — Там хорошо и спокойно. Зеленый бог добрый, никогда не обидит и не причинит зла.

— Знаю. — Я юлой завертелась на папиных руках. — Он мне кулончик подарил.

— И имя дал, — улыбнулся отец и тихонечко шелкнул меня по носу.

— Я буду послушной, папочка, — пообещала я, вновь обнимая отца и вдыхая знакомый с рождения запах. — Я тебя не подведу. Колдеры никогда не сдаются.

— Знаю, милая, — тихо рассмеялся он. — Знаю.

Оказавшись на земле, я поправила платье и только потом взглянула на родителей. Они стояли, соприкоснувшись лбами, закрыв глаза, и просто молчали.

— Уверена? — тихо произнес отец.

— Она не посмеет отказать.

— Будь осторожна.

— Всегда, — ответила мама, отстранилась и ласково провела ладонью по колючей от щетины щеке отца. — Жди нас.

— Всегда, — в тон ей ответил папа и улыбнулся, приподняв уголки губ.

Мама едва заметно улыбнулась в ответ, взяла меня за руку, и мы двинулись к лесу. Лишь у самой кромки остановились, обернулись и помахали папе рукой.

В священном лесу дриад было весело и совсем не страшно. Там стояло много необычных домиков из дерева с навесами из огромных листьев вместо крыш. Цвели яркие цветы, витали пьянящие ароматы. Звери здесь ходили, не боясь, что их убьют. Я сама кормила маленького олененка с нескладными длинными ножками и смеялась, когда его губы щекотали мне ладонь. Тут не было ни одного мужчины. Зато тут жило очень много красивых светлоглазых девочек, которые с радостью приняли меня в свою компанию. Мы пели песни, плели венки, которые запускали, как кораблики, по быстрому чистому ручейку, танцевали, держась за руки, и громко смеялись. Мама всегда находилась рядом, она держалась чуть особняком, но ни на секунду не спускала с меня глаз.

Я многое узнала тогда о жизни дриад. Например, что большинство девочек, если не сказать почти все, никогда не видели своих отцов, не покидали леса и не ведали иной жизни. Это было странно, и я попыталась узнать у мамы: как же так?

— Не каждая встречает того, ради которого готова отказаться от вечной жизни, — ответила она спокойно. — Любовь и влюбленность — разные вещи. А для рождения дочери хватит и второго.

— Но ты любишь папу? — пылливо спросила у нее.

— Люблю, — рассмеялась мама, обнимая меня и прижимая к себе. — Больше жизни люблю.

С наступлением сумерек меня и еще трех девочек повели по запутанным дорожкам к огромному дереву, ветви которого поднимались так высоко, что не разглядеть макушки. При всем при этом оно не выглядело массивным и страшным.

— Надо подойти и приложить к нему ладошку, — сказала мама, опустившись передо мной на колени.

— А куда надо прикладывать?

— Куда подскажет сердце. Не бойся.

— Я и не боюсь. Я же обещала папе.

— Папина принцесса, — улыбнулась она, поднимаясь и подталкивая меня вперед. — Поспеш. Я помнила, как била по босым ногам высокая трава, как я внимательно смотрела вниз, боясь оступиться и споткнуться в темноте о какую-нибудь корягу. Какой шершавой и неожиданно теплой была под моей рукой кора, как потеплел кулон на груди, а потом засветился на стволе след от моей руки!

Мне стоило больших трудов сдержаться и не отдернуть руку с жалобным криком. Но я помнила об обещании, которое дала отцу.

«Дитя огня и жизни», — прошелестела листва над головой.

«Тьяна», — упрямо подумала в ответ.

«Мы ждали тебя... долго... принята...»

И в следующую секунду меня накрыло такой волной безграничного тепла, любви и поддержки, какой я никогда не испытывала ни до, ни после.

До этого самого дня на дворцовой площади. Тот же свет, то же тепло, те же чувства, которые не поддавались осмыслению. Все тревоги ушли, остались лишь покой и умиротворение.

Много. Слишком много для меня одной. Внутри меня все волновалось, искало выхода и не находило. Это больно...

Я едва не согнулась, но меня удержали.

— Выпусти, — раздался тихий голос совсем рядом. Такой знакомый, затрагивающий неведомые струнки души, играющий на них, как на музыкальном инструменте. — Не держи в себе.

Если бы я только знала, как это сделать.

Сил не было даже застонать, не то что спросить вслух.

Но мужчина все понял сам, осторожно взял мое запястье и положил ладонь на голову Аргуса, который подошел совсем близко, потом придавил своей рукой сверху, не давая мне вырваться. Правильное решение. Меня тут же начало трясти. Проход для силы открылся сам собой, и все, что рвалось внутри, хлынуло наружу.

Все до капли.

И только кто-то родной и близкий за моей спиной не позволял упасть на колени, поддерживал и направлял, не позволяя сорваться в пропасть.

До самого конца. До спасительной темноты, унесшей меня на дно забвения.

Очнулась я под вечер в богато обставленной комнате со стенами, выкрашенными в светло-бирюзовый цвет, и красочной мозаикой напротив спального места, изображающей Каросс и окружающий его океан, с узорчатыми арками и пестрыми коврами, устилающими пол. У стены с мозаикой стоял низкий диван, окруженный пуфами, на которых лежали десятка два самых разнообразных квадратных и круглых подушек, расшитых бисером и бусинами, часть была украшена пушистыми кистями. Много расписных ваз занимали ниши в стенах, резные шкапулки стояли на столах, в зеркалах отражались настоящие свечи и лампы, благодаря которым в комнате пахло благовониями. Как по мне, слишком сильно, не хватало чистого воздуха.

Кровать, на которой я лежала, представляла собой постамент, поднимающийся над полом сантиметров на двадцать. На него положили толстый матрас и огородили с двух сторон низким резным бордюром. На кровати тоже было много разноцветных подушек.

С правой стороны располагался выход на террасу. Со своего места я видела, как ветер трепал прозрачный тюль, впуская в комнату соленый воздух.

Но стоило повернуть голову налево, как я тут же зажмурилась и едва не выругалась.

— Можешь не притворяться, я знаю, что ты проснулась.

— Даже не пыталась, — ответила сорджи, который лениво расположился на пуфе и изучал меня, как удав кролика. Открывать глаза я не спешила, вместо этого обрушила на летуна град вопросов: — Что вам нужно? Пришли убедить, жива ли я? Или решили добить? Так давайте, я сопротивляться не буду. Сил все равно нет.

— Зачем мне убивать? Ты же еще не выполнила возложенные на тебя обязанности.

— Ах да, кристалл.

— Я поговорить хотел.

— Снова угрожать будете? — обреченно протянула в ответ.

— Кто тебя этому научил? — выдал Ирил.

«Это он про хамство и неуважение?»

— Чему? — решила уточнить я. Посмотреть на сорджи все-таки пришлось. — Что с Аргусом?

— Жив и здоров твой грифон. Спит. Сон для него после случившегося — самое необходимое.

— Я почти ничего не помню, — пробормотала, потирая виски. Картинки смешались, и голова разболелась. — Почему ему надо спать?

— Исцеление такого рода требует длительного восстановления.

— Какое исцеление? — Я попыталась приподняться на локтях, но не смогла, снова упала на подушки. — Что вообще произошло? Мой амулет... он нагрелся. И еще светился. Он ведь не должен светиться?

— Кто научил тебя этому? — вновь спросил долговязый, подаваясь вперед.

— Если вы скажете, что имеете в виду, я, может, и отвечу на ваш вопрос, — огрызнулась в ответ.

— Магия жизни. Исцеление.

— Так она была утеряна лет сто-двести назад.

— Это не помешало тебе применить ее сегодня днем на глазах у трех десятков свидетелей.

У меня дар речи пропал от неожиданности. Ведь не шутит же. Сесть я все-таки смогла, а вот разговаривать не сразу.

— Это невозможно. Я не дриада, — наконец высказала самый весомый аргумент.

— И это тоже странно, — произнес Ирил, поднимаясь. — Так, информации от тебя все равно не добиться. В любом случае своего грифона ты спасла. Сильно не расслабляйся. Сейчас придет Валенсия, будет готовить тебя к обряду.

— Сегодня? — сглотнула я.

— Сейчас, — ответил он безжалостно, прежде чем уйти.

Госпожа Валенсия явилась через десять минут. Плотно закрыла за собой дверь, величественно прошла через комнату и, присев на диванчик, сложила руки на коленях.

— Чего это пернатый к тебе захаживает? Понравилась ты ему, что ли?

Я ответила женщине многозначительным взглядом из-за спутанных волос.

Откуда я знаю, что ему надо! Ходит, вынюхивает.

— В тебе полно сюрпризов, Тьяна Колдер, — медленно продолжила госпожа Валенсия, тербя тяжелый браслет на руке. — Но это неудивительно, с такими-то генами.

— У меня самые обычные гены, — пододвигаясь к краю кровати и спуская ноги вниз, ответила ей.

— Конечно-конечно, как будет угодно. Я была уверена, что дриады потеряли дар жизни.

— Не знаю, я не дриада. Третий круг мне пройти не дали.

— Что не помешало Зеленому одарить тебя.

Я осторожно коснулась кулона, который сейчас был обычным, прохладным и немым.

— Одарить? — хмыкнула я. — Где же он был все эти годы?

— А тебе было кого спасать? — ответила женщина вопросом на вопрос, вызвав у меня легкий ступор.

Ведь права госпожа Валенсия. Некого мне было спасать. Не случалось таких страшных моментов, когда моя жизнь или жизнь нянюшки висели на волоске. А родных у меня не осталось. Мы мучились, копошились, но жили.

— Почему вы не утратили силу? — в лоб спросила у нее, вновь увидев в глубине карих глаз огненные искры.

— Заметила? — усмехнулась она, зажигая ближайšie свечи щелчком длинных пальцев.

— Сандер сказал, что кристалл забирает все.

— Забирает, — улыбнулась Валенсия. — Но ведь у всего есть предел. Есть он и у кристалла. До меня ему не приходилось иметь дело с повелителем целой Империи.

Я чуть воздухом не подавилась, весьма некрасиво вытаравив на родственницу глаза.

— Что значит — с повелителем?

— То и значит. — Женщина закинула ногу на ногу и хитро улыбнулась. — Не ожидала? Не переживай. Никто не ожидал. Ты знаешь, как раньше в Империи выбирали наследника божественной крови?

Я нахмурилась. Что-то подобное когда-то слышала.

— Папа говорил, что наследника выбирал сам огонь, — с сомнением ответила ей, не уверенная в том, что это правда.

— Совершенно верно. Столько лет все было хорошо. Огонь выбирал наследников-мальчиков — и все были счастливы, — произнесла она, устремив задумчивый взгляд на террасу. — Но все меняется. Когда наследнику было тринадцать лет, пламя неожиданно выбрало новорожденную девочку... Только кого это интересовало? Правду скрыли, а сила осталась. Так что кристалл чуть не подавился, но все забрать так и не смог.

— Ясно, — тихо ответила ей.

Со мной так не получится. У меня кристалл съест все.

— Почему обряд решили провести так быстро?

— Кристалл затухает, — серьезно ответила женщина. — Совсем мало сил осталось. Ты тоже божественной крови и должна его чувствовать.

Я попыталась прислушаться к собственным ощущениям и ничего не почувствовала.

— Не знаю.

— Ничего, завтра ощутишь. Энергии немного, а это опасно. Кракены уже совсем близко подобрались к Каросу. Как только кристалл затухнет, они сразу бросятся на остров и растерзают его на части. Сандер и так слишком долго медлил.

— Благословения получить не мог, — заметила я, вспомнив, что муж говорил об этом.

— Точно. Ты, главное, не бойся, — продолжила Валенсия. — Все пройдет быстро. Распластает тебя Сандер на алтаре, и все, не до нежностей там. Потом вообще сознание потеряешь, а завтра утром наступит долгожданная свобода.

— Свобода? А как же дети? — вырвалось у меня.

Эффект от этих слов получился неожиданным.

— Слава Сайрону, никаких детей. О нет, не надо мне такого. От них портится фигура. И уж точно я не захотела бы рожать Каарху.

— Почему? — спросила, поднимаясь.

Коленки чуть-чуть дрожали, но не смертельно. Падать в обморок не хотелось.

— Как почему? — отозвалась Валенсия. — Жить-то хочется. Сандер что, ничего тебе не сказал?

— Не сказал — что?

Я не стала говорить, что он вообще мне почти ничего не рассказывает и я все узнаю гораздо позже остальных.

— Что быть его амери страшно и опасно. А чаще всего — смертельно.

Пришлось вновь присесть на кровать, чтобы не упасть.

— Что? Но как? Почему?

— А ты думаешь, выносить столь сильного ребенка каждая сможет? О нет, не сможет. Даже огненным сложно, ведь мы практически утратили силы. А Каархи их сохранили и приумножили. Высосет младенец все, до капельки. Правда, говорят, если Каарх полюбит свою амери, а та ответит на его чувства, то сможет выжить. Только каково это? Полюбить и потом погубить?

— А мать Сандера? Она тоже погибла?

— Нет, — фыркнула Валенсия раздраженно. Сразу видно — не ладили между собой женщины. — Мне так не повезло. Фриона жива и весьма здорова. В свое время этот союз наделал много шума.

— Почему?

Ох, кажется, кроме этого, мне уже и сказать нечего. Сплошное «почему?».

Валенсия странно на меня глянула:

— Ох, милая, они держат тебя в неведении.

— Как и вы, — многозначительно протянула я.

— Потому что Фриона — дриада.

Надо прилечь. Срочно.

Я навзничь упала на кровать, прикрыла глаза и попыталась унять шум в ушах.

— Вы ошибаетесь, — тихо, но твердо ответила ей через пару секунд. — Это невозможно.

Физически. У дриад рождаются лишь девочки. И точка. Никаких сыновей. Никогда и ни при каких условиях.

— Моему мужу тоже все так говорили. Но тем не менее Фрионе удалось совершить невозможное.

В голове все перемешалось. Слишком много информации — противоречивой, невозможной и невероятной.

Как в такое поверить?

А вдруг я еще сплю? И все это мне снится? Открою сейчас глаза и вновь окажусь в старой, продуваемой ветрами комнатке за покрытой сажей печкой. А если прислушаться, можно будет услышать, как гремит кастрюлькой няня, как шаркает по полу, едва передвигая ногами. Но это лишь мои фантазии. Мягкая кровать никуда не делась, воздух пропитан солью, а заходящее солнце определяет мою судьбу.

— Но как? — пробормотала я, открывая глаза и рассматривая потолок. — Как у нее получилось?

— Я ломаю над этим голову уже несколько десятилетий. Она просто исчезла на девять месяцев, а вернулась уже с ребенком.

— Мне интересно. Здесь вообще есть что-то простое и легкое? За что ни возьмись, все с секретом и какими-то тайнами.

Валенсия расхохоталась.

— Ох, дорогая моя, это только начало. Тебя еще совету не представили.

— А им-то что нужно? — несколько раздраженно бросила в ответ.

— Как что? — усмехнулась женщина. — Будучи женой Сандера и представляя императорскую династию, ты владеешь половиной острова.

Вот так живешь и не знаешь, что, оказывается, владеешь половиной острова.

— А я все думала, что это Ниардо так вокруг меня вьется? — произнесла с тихим смешком после нескольких секунд молчания.

Больше никаких эмоций новость не вызывала.

— Сын первого? Смазливый мальчишка. Все к тебе порывался попасть, Сандер не пустил. Но ты с выбором не спеши.

— Каким выбором? — рассеянно отозвалась я и вновь поднялась с кровати. Неловко переставляя ноги, подошла к балкону, хватаясь за стену, чтобы не упасть.

Где же ты, магия жизни? Почему не приходишь на помощь?

— Официального фаворита.

И эта туда же. Как будто без выбора любовника мне не прожить и дня.

— А я и не собираюсь спешить, — заверила родственницу, полной грудью вдыхая свежий воздух, так, что немного закружилась голова.

— Вот и правильно. После бала выберешь.

— Какого бала? — из последних сил, стараясь не сорваться на крик, спросила у Валенсии.

— Твоего бала, разумеется. Тебя же надо представить здешнему обществу, нанять личных слуг, выбрать придворных дам. Столько дел.

Солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая небо в оранжево-желтые цвета.

— Не хочу, — выдохнула еле слышно и сжала в руке невесомый тюль, который норовил попасть в лицо под воздействием легкого бриза.

— Мы не принадлежим себе, Тьяна, — серьезно ответила женщина. — И никогда не принадлежали. А от этого ритуала зависит слишком много жизней. Еще пара дней, и кристалл потухнет. Поверь мне, я знаю, что говорю, я была на твоём месте.

— Тогда надо готовиться, — глухо ответила ей и повернулась. — Чем быстрее, тем лучше.

Сработала Валенсия оперативно, позвала слуг, ждавших за дверью.

Каких-то тридцать-сорок минут, и я уже стояла в пещере под замком.

Пещера оказалась небольшая, с низким потолком, с капельками воды, которые собирались на стенках и мелодично срывались вниз. Освещения почти не было, лишь четыре тусклых светильника в каждом углу (это даже хорошо, лица не видно) и огромный черный глянцевый алтарь посередине, занимающий почти все пространство.

Пол холодный и влажный, от него моментально замерзли ступни, ледяными дорожками огромных мурашек пробежала по телу стужа.

Тонкая ритуальная сорочка тепла не прибавляла. Она была такой красивой, с дорогой вышивкой и драгоценными камнями! Алые всполохи огня, вышитые по подолу, к талии превращались в спокойные голубые воды.

Огонь и вода. Притяжение противоположностей.

Вздохнув, подошла поближе к камню, коснулась гладкой поверхности, пытаюсь уловить хоть что-то. Ничего. Мертвый, бездушный, пустой. По крайней мере, пока.

Ногам становилось все холоднее. Не теряя времени, легко забралась на алтарь (чего стесняться, все равно меня тут распластает), подтянула колени к себе и обняла их руками, пытаясь хоть немного согреться. Помогло мало. Камень подо мной тоже теплом не отличался.

Пара минут, и меня затрясло, зубы застучали.

Ну вот, думала, буду трястись от страха, а дрожала от холода.

— Никакого почтения, одеяло бы принесли! Я бы хоть чуть-чуть согрелась. Поскорее бы пришел муж, и все это кончилось, — прошептала сквозь сжатые зубы и снова задрожала. Как Валенсия сказала? Потеряешь сознание и очнешься уже свободной? Только где она, моя свобода?

Сандер вошел бесшумно и застыл в проеме. Я вскинула голову, когда почувствовала на себе пристальный взгляд.

Практически полностью обнаженный, с какой-то тряпкой на бедрах, он производил колоссальное впечатление. Сильное крепкое тело было раскрашено красной краской, узоры сплетались на коже в виде языков пламени. Золотом вспыхнули глаза волка, изображенного на плече. Длинные черные волосы свободно падали на спину и грудь, обрамляя суровое лицо. Как горели его глаза! Я даже дрожать перестала, застыла испуганной птичкой и облизала вмиг пересохшие губы.

Заметив, что я за ним наблюдаю, Сандер шагнул вперед, а я чуть не убежала с алтаря, силой заставила себя сидеть на месте. Вот было бы весело, если бы мужу пришлось гоняться за мной по всей пещере!

— Ты дрожишь. Боишься?

Я мотнула головой и, запинаясь, ответила:

— К-камень холодный.

Он подался вперед, коснулся ладонью глянцевої поверхности камня, неловко задел уголок сорочки, который я тут же потянула в сторону, пытаясь отодвинуться. А Сандер тем временем кивнул сам себе и неожиданно поднял меня на руки.

Я даже моргнуть не успела, как все изменилось. Мужчина сам сел на алтарь, а меня усадил на колени, развернув к себе лицом, заставил развести ноги и обхватить его торс.

— Так теплее? — спросил он, заботливо удерживая меня за талию.

— Д-да, — прошептала в ответ, чувствуя его теплое и твердое тело.

Я чувствовала его всего, и то, что так настойчиво упиралось мне в бедро, — тоже. Как ни готовила себя к этому, а испуг пришел. Дернулась в сторону, словно хотела соскочить с колен. Не дал. Держал крепко, но не больно. Притянул ближе и шепнул на ухо:

— Не бойся.

— Валенсия сказала, что я должна лежать на алтаре, — ответила ему, не зная, где спрятаться от него и от своих чувств, которые настойчивыми пузырьками щекотали нервы.

— Он холодный, — ответил муж, провел носом по моей шее, горячим дыханием согрел кожу за ушком, опять спустился к шее, оставил через сорочку короткий поцелуй на плече. — Ты снова дрожишь, Тьяна. Холодно?

— Нет, — беспомощно пробормотала в ответ и сжалась.

Не холодно. Жарко. От его тела, которое было таким горячим. От собственного пламени, что проснулось в ответ на простые прикосновения. Болезненно заныла, наливаясь, грудь, прикосновение ткани к соскам вызвало новую волну дрожи. И это я молчу о сладкой истоме внизу живота, от которой хотелось свести бедра, поменять положение.

— Ты боишься? — спросил Сандер, убирая за ухо прядь волос, которая все норовила упасть мне на глаза.

Я снова мотнула головой, пряча взгляд.

— Тьяна, — медленно произнес муж, взял меня за подбородок и заставил смотреть на него.

— Я не боюсь, — твердо ответила, пытаясь оправдаться. — И все понимаю.

— Нет, — неожиданно тихо сказал Сандер, приближаясь к моим губам. — Ничего ты не понимаешь. Совсем ничего.

Мой первый поцелуй был сладким и горьким, терпким и пряным, как самое дорогое и изысканное вино, нежным и обжигающим, как пламя Сайрона.

Сандер не спешил, ласкал губы, проводил по ним языком, побуждал раскрыться, довериться, вызывал тихие вздохи-всхлипы, срывающиеся с моих губ и берущие начало в глубине заледеневшего сердца. Я думала, что заледеневшего.

Неправда. Я живая! Живая и тоже хочу тепла и ласки. Хочу любить и быть любимой. Пусть только сейчас. Пусть на крохотный миг этой ночи, но со мной останется память.

Не знаю, в какой момент я перестала дрожать и бояться, когда расслабилась и натянулась как струна одновременно. В какой момент поднялись руки, касаясь подушечками пальцев его сильного тела, дрогнувшего в ответ, обрисовали языки пламени на горячей коже.

Оставив в покое губы, мужчина проложил дорожку из обжигающих поцелуев по шее, спустил сорочку с одного плеча, потом с другого. Задержался лишь на секунду, чтобы дернуть шнуровку, освобождая ноющую грудь.

— Не надо, — слабо прошептала, когда его губы накрыли набухшую вершинку груди.

А сама ахнула, выгнулась, цепляясь за сильные плечи, стремясь получить еще большее, теряясь от новых ощущений и шума в опустевшей голове.

Кто бы мог подумать, что кожа может быть такой чувствительной. Я, как натянутый нерв, вздрагивала от любого прикосновения.

— Сандер, — простонала едва слышно, откидываясь назад, опираясь ладонями о его колени и крепко зажмуриваясь.

Услышал, поднял голову, вновь притянул к себе, жадно набросился на губы. Сжал бедра, собрал складками тонкую ткань сорочки. Подобрался ближе к влажной развилке между ног и осторожно коснулся.

Дернулась и застыла, задержав дыхание.

— Не бойся, — хрипло произнес мужчина и снова прикоснулся ко внутренней стороне бедра, приятно щекоча кожу и посылая разряды наслаждения по всему телу.

— Ты не должен, — простонала в ответ, но закончить фразу так и не смогла.

Слишком многое Сандер не должен был делать: целовать так, что кружилась голова, ласкать так, что сбивалось дыхание и кровь загоралась в венах, заботиться и терпеливо, шаг за шагом, доводить меня до грани.

Все должно было пройти по-другому: ледяной алтарь подо мной, тяжелое тело сверху, короткая вспышка боли и потеря сознания.

— Но я хочу, — ответил он, все требовательнее касаясь лона, заставляя меня до крови кусать губы, забываясь в его руках.

— Сандер.

Мне хотелось оттолкнуть его от себя, но вместо этого я лишь сильнее прижималась, царапая его спину короткими ногтями.

Бедра двигались в такт его прикосновениям, совершенно игнорируя волю хозяйки. Все мое тело напряглось в ожидании чего-то волшебного, но я сама не знала чего.

— Позволь... всего лишь раз, — шептал муж, лоя губами мои тихие стоны и ускоряя ритм. — Я должен увидеть тебя. Должен почувствовать. Всего раз... Тьяна.

Напряжение нарастало, становилось невыносимым, сбивало дыхание, стоны переходили в крики, которые невозможно было сдержать.

— Сейчас. Вот сейчас, — шепнул Сандер и слегка прикусил мочку уха.

Волна сладкой дрожи прошла по телу, ослепляя и разбивая меня на сотни осколков. Хрипло вскрикнув, я забила в его руках, спрятала лицо на плече, задыхаясь от аромата его тела.

Но прийти в себя муж не дал.

— Прости. — Хриплый голос на грани сознания, горячие ладони на бедрах, приподнимающие меня чуть выше, чужая плоть, упирающаяся в лono, и следом резкая, отрезвляющая боль.

Крик, огласивший пещеру.

Алые капли на алтаре и кристалл, проснувшийся где-то в самом сердце острова, почувывший новую дань и жадно вбирающий в себя мою силу. А ее, оказывается, было много, очень много.

Дальше все произошло так, как рассказывала Валенсия, — спасительная темнота и ускользящее сознание.

Последнее, что я запомнила, это руки Сандера, прижимающего меня к себе так сильно, что нечем было дышать, и быстрые поцелуи на мокрых от слез щеках.

Ритуал свершился. Над островом прогремела гроза.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Сандер

Сандер, пошатываясь, ввалился в личные покои, захлопнул плечом дверь и застыл, прижимаясь лбом к холодной стене.

Его трясло.

Сильное тело, влажное от дождя, который обрушился на Каросс сразу после ритуала, все еще сотрясала мелкая дрожь. В ушах набатом звучал жалобный крик жены.

Жена. Маленькая, хрупкая, но в то же время такая стойкая и сильная.

Жена. Та, чьи прикосновения будили внутри что-то безумное и дикое, а робкие поцелуи лишали рассудка. Та, которой он причинил столько боли, отняв самое ценное для любой женщины — возможность иметь детей.

Кулак с силой врезался в стену, оставив после себя сеть мелких трещин и крохотные брызги крови, хлынувшей из разбитых костяшек.

Ее кровь тоже была красной, и как же жутко она смотрелась на черном полированном камне!

А в голове ликующе пел кристалл, до самого верха наполненный огненной силой. Надо же, как много ее оказалось в этой хрупкой девочке, а ведь он думал, что силы значительно меньше. Но и тут Тяна его удивила.

Темная тень бесшумно отделилась от окна, за которым с новой силой пошел дождь. Но инстинкты молчали. Мужчина лишь сильнее зажмурился, ожидая прикосновений мягких и таких родных рук.

— Мне очень жаль, — прошептала Фриона, провела узкой ладошкой по влажной спине, прижалась к ней щекой, совершенно не боясь испачкаться, тяжело вздохнула. — Ты не виноват.

— Кристалл полон.

Сандер знал, что мать чувствовала это, но все равно сказал.

— Ты спас тысячи жизней.

— Ценой счастья одной маленькой девочки.

Мать вздохнула и отступила, оглядываясь. Надо было найти плед и укрыть сына. Нет, госпожа Фриона понимала, что лихорадка ему не грозит, но материнское сердце хотело хоть как-то помочь, сделать что угодно, лишь бы облегчить ту боль, которая сейчас разъедала сердце Сандера.

— Ирил сказал, что она необычная.

Необычная.

Безликая, ускользающая внешность и глаза, скрывающие целый мир. В них хотелось смотреть, потеряться и раствориться до конца, без остатка.

— Ирил слишком много болтает, — раздраженно бросил Сандер, отрываясь от стены и делая два шага в сторону кресла. Схватил со спинки широкий халат, тут же накинул на плечи.

Пусть мать видела его всяким, но оставаться перед ней в одной набедренной повязке было неловко и неправильно.

Подошел к окну, посмотрел, как яркие молнии разрезают на части черничное небо. Кристалл ликовал, давал всем на острове знать, что вновь полон и готов охранять Каросс.

Хорошая гроза. Яркая и обжигающая.

— Он беспокоится о тебе.

— Предупреди его, что, если он еще раз подойдет к моей жене, я обломаю ему крылья.

— Не обломаешь, — мягко возразила женщина. — Он твой лучший друг и названный брат.

Сандер бросил взгляд на мать, но промолчал. Интересно, замечает ли она то, что давно уже перестало быть секретом для него самого? Но по лицу дриады Фрионы трудно было что-либо определить, она уже давно привыкла прятать от всех свои эмоции. С тех самых пор, как погиб отец.

Тонкая, хрупкая, с золотисто-рыжими волосами, собранными в элегантный пучок, чуть раскосыми зелеными глазами и аккуратным носиком, она была так же красива, как и много лет

назад, когда впервые встретила своего возлюбленного. Даже струящийся кафтан из черной траурной ткани не портил этой красоты, делал ее моложе и беззащитнее.

Дриада, отказавшаяся от бессмертия ради любимого и родившая ему долгожданного сына. Но за все надо платить. За грань ей уйти не дали, заставили жить, изо дня в день медленно сгорая от тоски по мужу.

И как бы малодушно это ни звучало, Сандер радовался. Потерять сразу двух родителей было бы мучительно.

— Совет ждет от тебя отчета, — произнесла мать, присаживаясь на низкий диван.

— Подождут до утра.

А еще лучше — сбежать от них в бесконечные воды океана, устроить облаву на кракенов и не появляться неделю, а то и две.

— Они хотят предложить тебе пять кандидатур на роль амери.

Так и знал, что дело закончится этим.

— Еще одна загубленная по моей вине душа, да, мама? — поворачиваясь, спросил он, опираясь бедром о широкий подоконник.

— Зачем ты так. Ты ведь знаешь, что жизнь непредсказуема и всякое может случиться. Я-то жива.

— Но мы оба знаем, чего стоило тебе мое рождение.

По совершенному, лишенному даже мелких морщинок лицу промелькнула тень.

Дриада может родить лишь дочь. Каарх — только сына. Но что делать, если эти двое встретились и полюбили друг друга? Что, если этот обреченный с самого начала союз влюбленные не захотели расторгнуть и решили идти до конца?

Фрионе пришлось провести много месяцев в высокой темной башне, где полностью отсутствовали солнечный свет и какие-либо растения. Там не было жизни, лишь холодный бездушный серый камень. Там дар Зеленого едва не погас, едва не забрал с собой и мать, и дитя.

Но женщина выстояла и тем самым разорвала нерушимую связь с мужем. Связь дриады с избранником. Высокая цена за долгожданного ребенка? Он не знал. Они никогда это не обсуждали, деликатно обходили болезненную тему в разговорах.

— Ты же понимаешь, — мягко ответила Фриона. — Если бы надо было, я повторила бы все еще раз. Ты не должен казнить себя, Сандер. Все девушки знают о долге и чести, которую они могут оказать тебе и Кароссу.

Сандер вздрогнул, вспомнив, каким безжизненным сделалось тело жены в его руках, когда кристалл, насытившись, оставил ее в покое. И это тоже был долг.

— Не надо рассказывать мне об обязанностях, мама. Я знаю, что первый советник просто поставил несчастных перед фактом, не оставив даже шанса сделать самостоятельный выбор. Она не стала отрицать и возражать.

— В любом случае тебе нужен сын, Сандер. Оттягивать больше нельзя. Особенно сейчас, когда ящеры активировались на западе, а кракены стали близко подплывать к острову. Когда отношения с императором напряжены до предела.

Он и сам все это прекрасно знал и понимал.

— Ты права. Но я не хочу обсуждать это сейчас. Только не сейчас.

— Хорошо. Я понимаю. Тебе надо отдохнуть. — Фриона подошла к сыну и стала ласково гладить его по голове, перебирая влажные волосы. — Набирайся сил, мой мальчик.

— Да, мама. — Сандер поймал ее ладонку и поднес к сухим, обветренным губам. — Спасибо, что пришла.

— Я не могла иначе. Ты же знаешь, я чувствую твою боль.

— Знаю и постараюсь держать себя в руках.

— Нет, не стоит. Отдыхай, сейчас это самое главное.

Остановилась Фриона лишь у двери.

— Знаешь, чего я боялась все эти годы? — неожиданно спросила женщина, не оборачиваясь.

— Моей гибели? — предположил Сандер.

— Нет, не смерти. Я знала, что ты слишком силен для этих тварей.

— Чего же тогда?

— Что ты все еще ее любишь, — неожиданно со вздохом призналась Фриона. — Несмотря ни на что.

— Кого? — глухо спросил мужчина, уже зная, какой ответ получит.
— Эстрео. Но сейчас я понимаю, что это не так. И не знаю, радоваться мне или начинать волноваться, — ответила мать и вышла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Тьяна

Очнулась я все в той же комнате. Только на улице стоял яркий солнечный день. Мелодично пели птицы, пролетая мимо балкона. В воздухе отчетливо пахло дождем, а из окна тянуло свежестью.

Открыв глаза, я некоторое время просто лежала, глядя в потолок, и пыталась разобраться в собственном теле. Ритуал состоялся, силу забрали, значит, во мне должно что-то измениться, и это что-то я обязана почувствовать и принять.

Пустота.

Она навалилась тяжелым грузом, сметая все остальные эмоции. Меня посетило страшное чувство, что вместе с огненной магией кристалл забрал не только способность иметь детей, а еще кое-что очень важное — разрушил, разрубил под корень связь с отцом.

Моим любимым, самым дорогим папочкой со смеющимися карими глазами, окруженными сеткой мелких морщин, с самыми добрыми сильными руками и хрипловатым голосом.

Пропала сила — пропала связь с прошлым. То, что я так отчаянно хранила и берегла эти десять лет. Все рухнуло, оставив меня в одиночестве.

Это было последней здоровой мыслью. Жалобно всхлипнув, я раненой птицей сжалась в комочек, обхватила плечи руками и позволила потоку слез вырваться наружу.

Ох, как я рыдала — горько, навзрыд, захлебываясь и едва дыша, завывая и шепча проклятия, которым было не суждено сбыться. Успокаивалась на короткие мгновения, дрожащими руками вытирала мокрые щеки и снова рыдала, обнимая шелковые подушки.

Пару раз, обессилев, забывалась коротким сном, из которого болезненно выныривала и каждый раз с отчаянием понимала, что реальность никуда не делась.

Приходили слуги, ставили на столик подносы с едой: ароматное мясо, нежная рыба, сочные фрукты и ягоды, сладкие десерты и шипучие напитки. Все это оставалось нетронутым и вызывало новую волну боли и злости.

Покупали! Задабривали! Закармливали!

Ненавижу! Всех до единого!

Когда слезы кончились и плакать сил не осталось, я просто легла и перестала на что-либо реагировать. Оказывается, это так приятно — жалеть себя, упиваться этим чувством, холить и возвращать его в сердце, мечтая умереть.

— Глупая, — фыркала Валенсия, на этот раз облаченная в золотистый шелк. Она пришла ко мне после обеда, царицей расположилась на диване и с удовольствием поела мой виноград. — Радоваться надо. Такая жизнь впереди — новая, яркая, незабываемая. А она голодовку устроила. Ты не дури, мне столько всего надо тебе рассказать, а на все про все лишь неделя.

«При чем тут неделя? Какой вообще смысл в этих сроках?»

Но спрашивать я не стала, женщина сама ответила:

— Потом меня ждет отдельный особняк в столице. Теперь ты здесь хозяйка и должна соответствовать этому титулу, а не лежать на кровати и устраивать голодовку.

— Уйдите, — глухо прошептала в ответ и с головой накрылась тонким покрывалом.

— Я-то уйду, но это ничего не изменит. Тебе надо вырасти и перестать жалеть о прошлом. Так можно пропустить счастливые мгновения будущего.

— Оставьте меня.

— Какой же ты ребенок. Думаешь, кому-то есть дело до твоих страданий? Тебе ли не знать, что жизнь жестока, — вздохнула она, но мою просьбу выполнила.

Незаметно на остров опустилась ночь, она прошла без сна. Следом наступил второй рассвет новой жизни, которую я никак не хотела принимать.

Я наконец смогла разобрать, что за гул не давал мне покоя, чье ликование сбивало, вызывая отчаянный протест.

Кристалл. Будь я проклята (хотя куда еще?), но это точно был кристалл. Именно его песню я ощущала каждой клеточкой своего тела. Он был счастлив, сожрав мою силу.

Зарывав от бессилия, вскочила с кровати и разбила две бесценные вазы. Честно, не помню, как это произошло, словно пелена глаза застила. Только что сидела в кровати и вдруг очнулась, стоя на коленях, в окружении мелких осколков.

О своей вспышке я пожалела, доползла до кровати, снова легла, накрывшись с головой.

Утром осколков уже не было.

Слуги снова сновали туда-сюда с подносами, полными еды, от запаха которой меня мутило.

Лишь прохладная вода спасала от рвотных позывов. Только ее я пила из кувшина, который кто-то заботливо поставил у кровати.

Не знаю, сколько это могло продолжаться, ведь самой мне выбираться из этого состояния не хотелось, но на Кароссе был человек, который мог вытащить на свет меня настоящую.

И он не заставил себя долго ждать.

Я почувствовала присутствие Сандера сразу, стоило ему переступить порог моей спальни и застыть, не решаясь войти.

Зажмурилась, почувствовав, как бешено застучало в груди сердце, попыталась прогнать нахлынувшие воспоминания.

— Аргус ждет тебя, — вместо приветствия тихо и спокойно произнес муж.

Я прикусила губу, пытаясь сдержаться. Это же надо так начать разговор, выбрать тему, на которую я просто не смогу не откликнуться. Как же хорошо он успел узнать меня.

Села, прижала покрывало к груди, посмотрела в бездонные омуты глаз.

— Как он?

С непривычки голос звучал хрипло и надорванно. Горло запершило, вновь захотелось пить.

— Очнулся вчера днем и очень хочет тебя видеть.

На Сандере были уже знакомые темные брюки и жилетка, подчеркивающая сильные плечи.

Только полтора дня назад я скользила по ним ладошками, прижимая к себе.

— С ним все хорошо?

— Да.

Мужчина попытался улыбнуться, но не вышло. Уголки полных губ чуть приподнялись и сразу же опустились. А я так хорошо помнила, как они ласкали мою кожу, как жадно целовали плечи и грудь.

Отвернулась, пряча взгляд и чувствуя, как загорелись уши — словно я весь день провела на солнце.

«Надо сосредоточиться на Аргусе. Это сейчас самая безопасная тема».

— Я смогу его увидеть?

— Сначала тебе надо поесть.

Снова тошнота и слабое головокружение.

— Не хочу.

— Мне покормить тебя с ложечки?

Зачем он так со мной? За что?

Новая волна жаркого смущения и тоскливый вздох, который я не смогла подавить.

— Зачем ты пришел?

— Увидеть тебя.

— Увидел? Теперь уходи. Сам же говорил, что в первые дни встречи нежелательны. Не боишься, что ритуал может пойти в обратную сторону?

— Нет. Ты ведь чувствуешь кристалл?

Чувствую ли я это ликующее пение, которое буквально вибрирует в воздухе? Хотела бы не ощущать, да не могу.

— Да, — рассматривая узор на стене, ответила мужу.

— Он принял твою силу.

— Понравилась, да?

— Понравилась.

— Я рада, — прохрипела в ответ, понимая, что еще немного, и не выдержу. — Уходи, прошу тебя, уходи!

Упала на подушки, закрыла лицо руками, пряча полные слез глаза.

— Не уйду, пока не пообещаешь, что встанешь и поешь.

— Ненавижу тебя! — выдохнула едва слышно и всхлипнула, понимая, что испытываю совсем противоположные чувства.

Может, было бы лучше, если бы он сделал все быстро, без ласк и нежных прикосновений. Если бы это оказалось просто долгом безо всякой надежды на будущее.

— Знаю, — тихо ответил муж. — Но это не значит, что ты должна убивать себя. Я все равно не уйду, пока не добьюсь желаемого.

— Почему? Разве тебе не все равно? Какая разница, что со мной станет? Кристалл ведь уже наполнен.

— Мне не все равно, Тьяна.

— Почему? — села, пытливо глядя ему в глаза, сама не зная, что хочу услышать в ответ.

— Ты моя жена.

Мне пришлось сжать кулаки, болезненно впитаться ногтями в кожу на ладонях, чтобы не закричать и не запустить в него одной из подушек, но вместо этого глухо произнесла:

— Я встану. И поем. Только при одном условии.

— Каком?

— Ты оставишь меня в покое. Навсегда. Никаких встреч и визитов, кроме обязательных. Не надо обо мне беспокоиться.

«Не надо влюблять меня в себя!»

Молчание, затянувшееся на несколько долгих секунд.

— Ты этого хочешь?

— Да.

— Хорошо, я выполню твою просьбу.

— Спасибо.

Но вместо того, чтобы уйти, Сандер продолжал стоять, не сводя с меня пытливого взгляда.

— Что? — нервно спросила у него.

— Твои волосы...

Даже страшно представить, что с ними стало за сутки, которые я провалялась в кровати.

Нечесанный колтун, на который смотреть страшно?

— Они другие, — склонив голову набок, продолжил Сандер.

Я невольно провела рукой по волосам, пытаюсь понять, что именно удивило мужа. Волосы как волосы. Кажутся другими, но виной тому освещение.

А Сандер тем временем подошел ближе. Я замерла, затаив дыхание. Супруг протянул руку, пропустил прядь между пальцами.

— Цвет изменился.

— Глупость, — отстраняясь, ответила ему. — Ты переводишь тему. Я все поняла, Сандер, можешь идти. Я выполню свою часть договора — встану и поем.

— Значит, пришла пора выполнять свою. Прощай, Тьяна.

— Прощай, — прошептала я, когда дверь закрылась.

Момент слабости закончился, убиваться больше не хотелось. Мне даже стало немного стыдно из-за своих страданий. А ведь я казалась себе такой сильной!

Откинув в сторону покрывало, решительно встала, едва удерживаясь на пошатывающихся ногах.

Пора начинать новую жизнь.

Стоило мне подняться с кровати, как дверь распахнулась, впуская двух служанок в традиционных широких штанах, длинных туниках нежно-желтого цвета и простеньких тюрбанах на головах.

— Добрый день, госпожа, — склонив голову, синхронно произнесли они.

— Добрый, — отозвалась несколько раздраженно.

За дверью они стояли, что ли?

— Желаете принять ванну? — спросила высокая, продолжая изучать ковер под ногами.

— Желаяю.

Да, ванну принять не мешало, я чувствовала себя страшно грязной и уставшей. Надеюсь, вода поможет прийти в себя и восстановить силы.

— Пройдемте за нами, — подавая мне широкий шелковый халат, произнесла вторая девушка с более смуглой кожей.

Я как-то забыла, что, кроме легкой сорочки, на мне ничего нет.

Думать о том, кто меня переодевал и мыл после ритуала, не хотелось. А в том, что меня обмывали, я не сомневалась — следов крови не осталось.

Выйдя из спальни в отдельную гостиную, мы свернули за угол и спустились по узкой лестнице на первый этаж, где меня ждала не просто ванна, а целый бассейн.

Пол, выложенный дорогой светлой плиткой, в уголке диванчик и столик, много зеркал, стеклянная стена, выходящая в сад. Именно она и ввела меня в ступор.

— Что-то не так, госпожа? — спросила первая служанка, увидев, что я застыла, вцепившись в ворот халата.

— Зачем такое большое окно?

— Чтобы солнечный свет поступал.

— И все меня видели? — с досадой спросила у нее.

— Что вы, госпожа. Это закрытый сад. Пока вы здесь, никто не посмеет появиться тут под угрозой смерти.

— А слуги? — допытывалась я. — Садовники? Ведь за садом должны ухаживать.

— Они знают, когда можно появляться.

Пришлось смириться.

Скинув одежду, я с головой погрузилась в неожиданно теплую воду. Подогревают они ее, что ли?

Следующие полчаса плавала из одной стороны в другую, ныряла и просто лежала на воде, уставившись в потолок.

Потом меня обмыли в небольшом круглом бассейне с высокой пеной. Шампуни, маски, скрабы, ароматные масла. Кожа зудела и чесалась, но я мужественно терпела. Когда пытка закончилась, вновь нырнула в бассейн.

Не знаю, вода ли смыла последние остатки горечи, но дышать стало легче, а пение кристалла перестало раздражать.

Служанки все это время смиренно ждали. Но стоило выбраться из воды, как меня тут же вытерли, укутали в полотенце и подвели к диванчику.

Признаюсь честно, я собиралась поесть чисто символически. Лишь для того, чтобы не упасть в голодный обморок и выполнить свою часть договора.

Но стоило отщипнуть кусочек от круглой сырной лепешки, как все изменилось. Рот моментально наполнился тягучей слюной, а живот скрутило голодным спазмом.

Может, после купания так проголодалась, не знаю, но я поняла, что одной лепешкой не ограничусь.

Проблема состояла в другом — я понятия не имела, что за еду они принесли. Нет, все выглядело красиво и пахло так, что слюной можно было подавиться. Но как это есть?

— Что это? — спросила у девушек, рассматривая непонятное сооружение на своей тарелке.

— Это бротер, — пояснила служанка. — Специальная еда для перекуса у бассейна, в беседке или во время пикника.

— Бротер?

— Да, его едят руками. Но, если хотите, мы можем проводить вас в столовую. Там суп, гуляш, рулетки из кролика.

— Стоп, хватит, мне хватит и этого... брутора... — перебила я и взяла «сооружение» в руки.

Между двух поджаренных кусочков хлеба в колечках сладкого розового лука, утопая в хрустящей зелени салата, под томатным соусом лежала большая мясная котлета.

Всего один осторожный укус, и кисло-сладкий соус побежал по пальцам, закапал на белоснежную тарелку.

Пришлось учиться есть новое блюдо, которое оказалось не только необычным, но и безумно вкусным. Это же надо так соединить все — мясо, хлеб, овощи — и о соусе не забыть!

— Вам понравилось, госпожа?

— Очень, — ответила, совсем неаристократично облизывая пальцы.

Настроение поднималось.

— Желаете десерт? — тут же вставила вторая служанка.

— А что там?

Пирожные, совсем крохотные, на два укуса, с воздушным кремом, тоненькими миндальными лепестками и черничной начинкой между ломтиками бисквита.

Я ограничилась двумя, помня о том, как долго не ела, и понимая, что это может негативно сказаться на желудке.

«Ничего, супчик потом поем. А сейчас можно расслабиться».

Запив все освежающей фруктовой водой, замерла, переводя дыхание.

— Что-нибудь еще?

— Нет, спасибо. Мне надо привести себя в порядок.

— Мы проводим вас.

Через полчаса я была готова. Девушки помогли мне одеться в струящееся платье-кафтан лавандового цвета, собрали волосы в косы, красиво уложили их вокруг головы и украсили гребнем с драгоценными камнями. У меня теперь было много украшений и драгоценностей. Сидя у зеркала, я пристально всматривалась в свое отражение, пытаюсь найти хоть какие-то изменения. А ведь прав оказался Сандер — волосы поменяли цвет. Когда-то невзрачные, мышинного цвета, они вдруг заиграли красками, стали насыщенно-ореховыми с золотистыми бликами и красиво блестели на солнце.

Мне так хотелось верить, что изменения начались, но отражение говорило об обратном. Лицо осталось прежним — невыразительным и безликим. Жаль, что наличия морока я определить не могла.

— Может, оно и к лучшему, — прошептала сама себе.

— Ну, вот и умница! — воскликнула Валенсия, возникшая в дверях. — Вот ты и встала. Если бы знала, давно позвала бы Сандера на помощь.

— Так это ваших рук дело? — поднимаясь, спросила у родственницы.

А я-то, наивная, поверила, что супруг сам захотел прийти ко мне, что беспокоился и переживал. И тут ложь.

— Нет, не моих. Я собиралась его позвать. Но Сандер оказался проворнее.

— Я хочу увидеть Аргуса, — быстро произнесла, не желая обсуждать супруга.

— Ты это про грифона? Где только взяла такого? Он же из диких! А какой белый, давно подобных не встречала.

— Это грифон моего отца.

Она понимающе улыбнулась.

— Арнольд всегда выбирал самое лучшее.

— Сандер обещал, что я смогу увидеть Аргуса сейчас.

— У нас так много дел!

— Они подождут.

— Упрямая девчонка!

— Семейная черта всех огненных.

Валенсия расхохоталась и одобрительно мне подмигнула.

— Молодец. А я-то в свете последних событий решила, что ты совсем сдалась и опустила руки. Нельзя так, Тьяна, нельзя. Здесь такие хищники водятся, сожрут и не подавятся, слишком большой вес ты имеешь и слишком лакомая добыча для остальных.

— Я понимаю.

К кормушкам подходила с тревожным сердцем и необъяснимыми страхом и волнением.

Как там Аргус? Как перенес всплеск силы? Не навредила ли я ему случайно? Помнит ли он меня или на память я тоже повлияла и случайно ее стерла? А может быть, наоборот, надо стереть эти жуткие десять лет жизни, дать ему возможность начать все заново?

Сколько вопросов, словами не передать.

Но как бы я ни готовилась, как бы ни собиралась с духом и что бы ни думала, реальность превзошла все мои самые невероятные мечты.

Это действительно был Аргус. Такой, каким я его запомнила десять лет назад. Мощные, сильные лапы, покрытые белым пушком, сверкающие лощеным блеском крылья, вновь покрывшиеся перьями, острый клев и ясные светло-голубые глаза. Ничто в нем не говорило о пережитом, даже шрамы на морде исчезли.

И взгляд изменился. Исчезло затравленное выражение, хотя настороженность осталась. Но он точно был рад меня видеть.

— Аргус, — пробормотала едва слышно, упершись грудью в барьер деревянного загона.

От слез защищало глаза, и я раздраженно смахнула их, не отрывая взгляда от белой птицы, которая шла ко мне.

— Смотри, осторожнее! — взволнованно произнесла Валенсия. Она близко подходить отказалась, предпочитала стоять в стороне. — Мало ли что ему в голову придет.

— Все будет хорошо, — ответила ей, не оборачиваясь.

Аргус подошел совсем близко, положил морду на деревянную решетку и не сводил с меня пристального ясного взгляда.

— Привет, — прошептала, проведя рукой по жестким перьям между глаз. — Какой ты стал красивый. Не узнать.

Грифон осторожно ткнулся мне в ладонь головой и закрыл глаза от удовольствия, когда я принялась почесывать перышки. Совсем как когда-то, когда мы оба были счастливы.

— Хороший мальчик, хороший. Я тоже очень скучала.

— Все в порядке, госпожа? — вынырнул откуда-то сбоку молодой смотритель.

— Да. Как он?

— Хорошо. Много спит и много ест.

— Когда он сможет летать? — сразу перешла к делу, продолжая гладить грифона по морде.

— Сложно сказать. Крылья еще слишком слабые. Оперение восстановилось, мышцы выросли, но этого мало.

— И сколько времени понадобится до полного восстановления?

— Около недели, плюс-минус два дня.

— Но с такой хозяйкой, возможно, все произойдет и раньше, — произнес незнакомый мужской голос, заставивший Аргуса вскинуть голову и отступить, а меня резко обернуться.

Кажется, пожаловали высокие гости.

Это оказался пожилой мужчина с длинными седыми волосами, собранными в сотни мелких косичек, которые он убрал с лица. Коренастый, сероглазый, со страшным шрамом на правой щеке. Одет незнакомец был в свободные светлые брюки и длинную белую тунику с золотистой вышивкой на воротнике.

— Зоран! — воскликнула Валенсия, картинно схватившись за сердце.

— Простите, если напугал вас. Валенсия, вы, как всегда, шикарно выглядите. — Мужчина склонился к ее руке. — Глаз не оторвать.

Что-то в его манере поведения, в прищуре глаз показалось мне знакомым, хотя я была точно уверена, что никогда раньше не встречала этого человека.

— Тьяна Абремо, не так ли? — обратился он ко мне. — Для меня большая честь познакомиться с вами. Меня зовут Зоран Ниардо.

— Вы отец Виттора, — пряча руки за спину, произнесла я.

Аргус снова подошел ближе и ткнулся в плечо, пытаясь привлечь внимание. От неожиданности я чуть не упала, но удержалась на ногах.

— Совершенно верно. Я рад, что мы с вами наконец познакомились. Виттор столько о вас рассказывал.

Улыбка мужчины стала еще шире, при этом он не сводил с меня пристального, оценивающего взгляда, изучал каждую черточку.

И это беспокоило и выводило из равновесия. Почему не срабатывало проклятие? Почему Ниардо-старший не отвернулся, не дрогнул от отвращения? Но нет, он продолжал смотреть, будто проклятия не было.

«А может, его и нет? Волосы-то цвет поменяли», — шепнуло подсознание, и я мысленно шикнула на него, пытаюсь сосредоточиться.

Аргус вновь боднул меня, и я была вынуждена обернуться:

— Прости, малыш, не дают нам пообщаться. Я обязательно приду. А ты веди себя хорошо. Мы еще летаем.

Погладив грифона по голове, я отступила от кормушек и двинулась к гостю, полная решимости выяснить, что же в конце концов происходит и как с этим быть дальше.

— Зоран, дорогой, не дави на девочку, — произнесла тем временем Валенсия, стряхивая невидимую пылинку с плеча мужчины.

И что-то в ее жесте было такое интимное, личное, наводившее на мысль, что эти двое были больше чем друзьями. Может, именно Валенсия помогла этому человеку возвыситься?

— Я и так дал ей время прийти в себя. Но ты сама понимаешь, что ситуация не терпит отлагательств, — спокойно отозвался тот, наблюдая, как я подхожу к ним.

— Вы хотите поговорить со мной? Тогда нам стоит найти более удобное место, — предложила я, оглядываясь.

На нас смотрели — исподтишка, неловко, отворачиваясь. Сдается, господин первый советник особой популярностью не пользовался.

— Пройдемте в беседку, — тут же предложила Валенсия.

Беседка располагалась в парке. Это было очаровательное круглое сооружение, сплошь увитое вьющимися розами, внутри уютно расположились мягкие кресла с подушками и низкий столик, на котором уже стояли кувшин с прохладным соком и новые угощения в виде нанизанных на длинные шпажки фруктов и сыра. Когда только слуги успели все принести?

— Итак, что вам нужно? — спросила я, удобно расположившись в кресле и сцепив руки.

— Для начала, госпожа Тьяна, совет в моем лице хотел бы выразить вам благодарность за спасение. Ваша сила будет долгие годы хранить Каросс от нападения морских чудовищ.

— Не стоит благодарности, — сухо парировала в ответ.

— Еще как стоит, вы даже не представляете, насколько это важно для всех нас.

— Ну отчего же, могу представить. В Империи я видела кракена и то, что он может сделать.

Советник склонил голову и перескочил на другую, как я думаю, более важную для него тему:

— Виттор обеспокоен вашей холодностью.

Так вот что, оказывается, ему нужно, вот она — та самая причина, из-за которой он здесь. Вот же старый сводник!

— А вы всегда вмешиваетесь в личную жизнь вашего сына?

— Не всегда. Но сейчас я действую в ваших интересах. Род Ниардо — один из древнейших на Кароссе.

И этот пытается купить. Что дальше пойдет в ход? Золото-бриллианты? Нет, тут должно быть что-то другое.

— Это должно иметь для меня значение? — равнодушно произнесла в ответ, теребя цепочку на груди.

Он продолжал буравить меня взглядом. Так пристально на меня смотрел лишь Сандер. Но если его особенности я могла понять в силу происхождения, то здесь все было иначе. Валенсия тоже на меня смотрела и не морщилась.

Неужели морок стал пропадать?

— Вы новое лицо на Кароссе, Тьяна, — мягко и снисходительно произнес Ниардо. Таким тоном обычно разговаривают с глупыми несмышлеными детьми. — Многого не знаете и не понимаете. Даже Сандер оценил нашу родовитость.

Ему все-таки удалось пробиться сквозь защиту.

— А при чем тут мой муж?

— Сандер уже сделал выбор? — вмешалась Валенсия, которая до этого молча потягивала сок, наблюдая за нами.

— Какой выбор? — немного резче, чем собиралась, спросила я.

— Амери, — улыбаясь, ответил Ниардо.

Сердце пропустило удар, и мне с трудом удалось сохранить равнодушное выражение лица.

«Всего сутки прошли после ритуала, а он уже любовницу нашел».

— Так выбор сделан? — спросила у мужчины.

— Пока нет. Но пять кандидатур отобраны. И среди них моя дочь, — гордо ответил тот, а меня вновь замутило со страшной силой.

Вот она — политика во всей красе. Использовать детей для укрепления собственного положения. Сына отдать императорской племяннице, а дочку подложить под Каарха.

Я отвернулась, не желая смотреть на старого дельца.

— Какая честь для Зарины, — произнесла Валенсия.

«Честь? Умереть молодой ради удовлетворения прихоти и амбиций отца?»

— И она осознает всю возложенную на нее ответственность. Кароссу нужен наследник.

— Даже ценой жизни вашей дочери? — не выдержала я.

— Этого не будет, — самодовольно улыбнулся мужчина. — Зарина сильная девушка, давно влюблена в Сандера и легко сможет выносить наследника.

Сколько же в нем спеси и эгоизма!

Я бросила взгляд в сторону Валенсии, которая изучала Ниардо поверх стакана.
«Это же она. Она его создала. Дала власть, поддержала, — неожиданно поняла я. — Воспитала и взрастила первого советника ради собственной прихоти. Настоящее чудовище».
— А если умрет, вы в любом случае останетесь в выигрыше. Породнитесь с Каархом, сделаетесь дедом наследника, которого можно будет воспитать по своему образу и подобию.
— Тьяна! — возмущенно воскликнула Валенсия. — Где твои хорошие манеры?
Но на Ниардо, в отличие от любовницы, мои слова не произвели никакого впечатления.
— У каждого из нас свои обязанности. И вы знаете об этом, как никто другой. Я понимаю ваш гнев и смятение, Тьяна. Вы еще молоды и импульсивны и не осознаете, как выгодны отношения с Витгором.
— Хотите подложить меня под вашего сына? — напрямую спросила, игнорируя потрясенный вздох родственницы.
«Куда делась ваша гордость, Валенсия? Почему вы позволили этому человеку так возвыситься? Какую цель преследовали? Хотели власти над островом, а попали в ловушку?»
— Скорее, его под вас. Статус моего сына гораздо ниже. Ну а в постели вы сами решите, кто будет сверху. Я предлагаю вам покровительство совета и молодого красивого мужчину в постель. Послушного мужчину, который готов будет выполнить любое ваше желание.
— Мы с вами говорим об одном и том же человеке? — хмыкнула я в ответ. — В Империи ваш сын вел себя иначе, там уважением и послушанием не пахло.
Ниардо скривился, как от зубной боли:
— Он больше не будет. Даю слово.
Я задумчиво забарабанила по подлокотнику кресла:
— Знаете, что меня радует во всей этой ситуации?
— Весь внимание.
— Что вы не можете мне приказать и заставить, — подавшись вперед, отчеканила я. — Вы всего лишь советник, пусть и первый. А я жена Каарха и дочь Империи. Найдите для своего сына другую игрушку, господин Ниардо. Мою постель он греть не будет! — решительно заявила я и, встав с кресла, бросила напоследок: — Разговор закончен! Всего доброго!
Я шла с гордо поднятой головой, чувствуя спиной пронзительный взгляд. Лишь войдя в комнату, позволила себе расслабиться. Облокотиться о стену, переводя дыхание.
Ничего, выдержала ритуал, переживу и это.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Тьяна

— Выше! — радостно крикнула я, прижимаясь к Аргусу и крепко обхватывая его мощную шею. Мускулы птицы ходили ходуном. Грифон, набрав высоту, взвился вверх, к самым облакам.
— Давай! — счастливо рассмеялась в ответ, задыхаясь от ветра, бьющего в лицо.
Это было невероятное ощущение свободы и безумия. Всего того, чего мне не хватало эти дни, особенно в свете последних событий.
Аргусу разрешили подниматься в воздух три дня назад. Сначала — одному и всего на десять минут, а вчера уже со мной на спине. Мы целый час чинно летали вокруг замка под присмотром двух смотрителей на земле и трех в воздухе. Но мне пришлось смириться и с этим. Новый титул и статус предполагали защиту и осторожность. Это была та самая охрана, которую обещал супруг.
Сегодня мне удалось сбежать. Воспользовалась коротким перерывом между финальной примеркой праздничного кафтана, который предстояло надеть на бал, дающийся в мою честь, и чаепитием с шестью потенциальными подружками. Это четвертая группа девушек за последние

дни. Кто вообще решил, что мне нужны подружки? Без них прожила столько лет, проживу и дальше.

Сандера я с того дня не видела. Он безукоризненно выполнил свою часть договора и не показывался мне на глаза. Я была бы благодарна, если бы не одно «но».

Днем, занятая обучением правилам этикета и разными церемониями, не вспоминала о муже. Но наступала ночь, и я оставалась в пустой постели наедине с короткими, но столь яркими воспоминаниями, выжженными огнем желания в сердце.

А затем приходили сны, такие страстные, что я просыпалась в липком поту со вздохом на губах. Эти сны были разнообразными. Кроме обжигающих ласк, сводивших с ума, я могла видеть его глаза, меняющие цвет с лазурного до почти черного, смотрящие прямо в душу, выворачивающие наизнанку.

Чем больше проходило времени, тем отчетливее я понимала, что не смогу быть с другим мужчиной. Лишь с ним, только с Сандером. И это настроения не поднимало.

Я чувствовала, что попала в замкнутый круг, и он сжимается сильнее с каждым днем, лишая меня воздуха.

Но плюсы тоже имелись. Муж пропал из зоны видимости, и я перестала интересоваться сорджи. Этот пернатый больше не пытался вывести меня на чистую воду и не приставал с вопросами. С Валенсией у нас установились нейтральные отношения. Женщина не преминула отчитать меня за неуважительное отношение к Ниардо-старшему. По крайней мере, попыталась. Оказалось, что я еще умею отгрызаться и отстаивать свою позицию. Или, возможно, ритуал сломал во мне что-то.

— Ты вела себя крайне безрассудно и глупо! — с порога заявила родственница.

— Я не обязана выслуживаться перед вашим любовником, — спокойно отозвалась, скрестив руки на груди.

Валенсия появилась крайне не вовремя, я только расположилась на диванчике с книгой, которую подарил мне Сандер, и разговаривать совсем не хотелось.

— В первую очередь он советник.

Мое заявление об их любовных отношениях женщину совсем не смутило. Выходит, я угадала.

— И что вы хотите? Чтобы я прыгала перед ним?

— Не надо утрировать, Тьяна. Хитрее надо быть, моя дорогая. Хитрее.

— Врать?

— Почему сразу врать? Это политика, а в ней никто никогда не идет напролом. Тебя что, не учили азам дипломатии?

— Представьте себе, нет. Я просто выживала.

— Ты только что приобрела серьезного врага. Это очень плохо, Тьяна.

— А согласилась бы — стала бы пустышкой, с мнением которой не считаются. Или именно этого вы добивались?

— Марионетка? — ухмыльнулась она, качая головой. — Ты никогда не будешь марионеткой. Не с твоим происхождением.

Именно Валенсия сказала мне о том, что морок пропал, и моя внешность начала медленно претерпевать изменения.

— Ты меняешься, — сообщила женщина пару дней назад, когда мы пили холодный чай в беседке и утверждали меню для бала и торжественного ужина.

— Вашими стараниями.

— Ты не поняла. Твоя внешность. Она больше не вызывает отторжения. И черты лица... — Валенсия впилась в меня внимательным взглядом. — Они меняются. Неуловимо, почти незаметно.

— Вы ошибаетесь, — спокойно ответила ей.

Я каждый день всматривалась в свое отражение и никаких изменений не находила. Разве что цвет волос становился все более ярким и насыщенным.

Нет, проклятие не могло пропасть. Я слишком хорошо знала возможные условия возврата, чтобы поверить, что все изменится.

Не надо. Уже не надо, бесполезно. Не хочу!

Виттор два раза пытался наладить отношения, но дальше сухого разговора не продвинулся.

— Ты жестока со мной, Тьяна, — проговорил он с таким видом, словно я разбила ему сердце на сотни осколков и потопталась сверху.

Каков актер.

— Всего лишь честна, господин Ниардо, — спокойно отозвалась я, а внутри словно что-то заледенело и покрылось тонкой корочкой льда.

— Не хочешь дать нам даже шанса?

— Нет, никаких «нам», и вам надо с этим смириться.

— Лучше меня ты все равно не найдешь, — заявил Виттор, прежде чем уйти, громко хлопнув дверью.

— Ошибаешься, — прошептала едва слышно. — Уже нашла.

На что были похожи мои дни? На постоянную смену людей и действий — примерки, правила этикета, встречи и знакомства с нужными, но такими скучными кароссиканцами.

Только один человек никак не хотел навестить меня — мать Сандера. Вот с ней бы я с удовольствием познакомилась и поговорила.

— Леди Фриона слишком занята, — фыркнула Валенсия, когда я спросила ее о дриаде, — чтобы снисходить до простых смертных. Так что не бери в голову, дорогая.

А сегодня произошло событие, которое окончательно выбило меня из колеи и заставило сбежать с Аргусом из замка. Встречи со мной добила потенциальная амери моего супруга.

— Госпожа Тьяна?

По расписанию было время обучения, поэтому я расположилась в библиотеке, изучая огромный талмуд, который с трудом помещался на коленях.

Услышав обращение, я непонимающе нахмурилась, подняла взгляд, изучая маленькую хрупкую девушку младше меня с пронзительными серыми глазами и темными волосами, которые красивой волной падали на ее спину и грудь. В светло-розовом платье она выглядела совсем ребенком — невинным и беззащитным.

— Чем могу помочь? — спросила, по глупости решив, что это очередная кандидатка в подруги.

— Я Зарина Ниардо.

Мне понадобилась пара секунд, чтобы прийти в себя и спокойно поинтересоваться:

— И что вам нужно?

— Я люблю Сандера, — шагнув ко мне, произнесла девушка.

— Поздравляю.

— И хочу стать его амери.

Действительно хочет. Сама, а не по воле алчного отца.

— Умереть не боишься?

— Я люблю его, — с улыбкой повторила Зарина. — И он полюбит меня, я все для этого сделаю. Тогда смерть отступит, и мы будем счастливы.

Талмуд в моих руках закрипел — я слишком сильно сжала обложку.

— От меня вам что нужно?

— Вы же его жена.

Ну хорошо хоть об этом помнит.

— И?

— Ради благополучия Сандера нам надо подружиться.

Она серьезно? Сколько лет этому ребенку? Играет со мной? Какая она на самом деле? Слишком умная, решившаяся на жестокую игру, или совсем глупышка? Я не знала, но с таким отцом, как у нее, надо было очень постараться, чтобы вырасти дурочкой. Нет, стоит оставаться настоороже.

— Подружиться?

— Ну конечно.

И улыбка — такая яркая, что ослепнуть можно.

— Понимаете, в чем дело: Сандер еще не сделал свой выбор, а вдруг амери окажетесь не вы?

— Не переживайте. Папа сказал, что все будет хорошо.

— Ну, раз папа сказал, — не удержалась я от язвительного замечания.

— Мы с вами примерно одного возраста и найдем темы для разговора.

«Рюшки-бантики и Сандер? Нет! Своего мужа я не готова с кем-то обсуждать, тем более с ней».

— Понимаете, Зарина...

— Можем завтра отправиться в город. Вы ведь еще не выходили из замка? Я буду хорошим гидом, ходим в кафе господина Филтона. Там подают самые вкусные пирожные на Кароссе. А потом прогуляемся по магазинам.

Надо бы отказаться, но...

— В город, говорите?

За всеми заботами я не могла придумать, как добраться до связного императора и передать ему первую весточку. Время уходило, медлить дальше было опасно. А тут такой шанс.

— Так вы согласны?

— Интересная идея. Я подумаю над вашим предложением.

После ее ухода мне понадобилось совсем немного времени, чтобы принять решение. А после примерки, воспользовавшись суматохой и пересменкой зрителей, я просто сбежала. Надо было отдохнуть, вырваться из этого порочного круга.

— Эй, малыш, — произнесла я, наклонившись ближе к Аргусу. — Давай спустимся. Ну-ка, найди нам хорошее местечко для отдыха.

Через десять минут мы опустились на живописную полянку на берегу небольшого озера с кристально чистой водой и огромными желтыми кувшинками.

— Ох, настоящее озеро, — восхищалась я, расстегивая кафтан, сбрасывая туфельки и забираясь в воду.

Это не океан, до кракенов далеко, так что искупаться можно.

Вода была прохладной, и тело моментально покрылось гусиной кожей, но это меня не остановило. Расстегивая в стороны зеленые листья-блюдца кувшинок, я поплыла дальше.

Ох, как же хорошо искупаться в живой воде, а не в той, что наливают в бассейны! Здесь все дышало магией и силой. Не злой огненной, а спокойствием дриад. Словно я опять оказалась у священного Древа.

Я легла на воду, развела руки в стороны и закрыла глаза, прислушиваясь к себе и своим чувствам. Удивительно, но готова поклясться, что слышала ритм жизни. Все чувства обострились до предела: вода ласкала тело, шептала что-то легкими волнами, над головой пели птицы, над яркими цветами в паре десятков метров от меня порхали насекомые. Аргус фырчал, тряс головой, пытаясь прогнать неудобных мушек.

И чем больше я так лежала, тем легче становилось на душе, боль уходила, сердце уже не сгорало от неразделенной любви.

Не знаю, сколько прошло времени. Я ныряла, распугивая мальков, плавала и брызгалась, наблюдая, как крохотные капельки блестят на ярком солнце.

— Аргус, как же здесь хорошо, — ступив ногами на рыхлое илистое дно, со смехом сказала я и принялась выжимать волосы.

Еще шаг — сорочка прилипла к телу, мешая двигаться, а вода достигла бедер. Именно в этот момент я почувствовала на себе чужой взгляд.

Дернулась, обернулась и замерла, опустив руки.

На поваленном дереве в десяти метрах от меня сидел Сандер и смотрел так пристально, что я вспыхнула с ног до головы.

Сандер

— На тебя прямо охоту объявили, — заметил Ирил, осушая стакан с дорогим коньяком. Сорджи удобно расположился на диване, закинув ноги на низкий журнальный столик. Сандер отставил стакан с нетронутым спиртным в сторону и потер ноющие виски.

— Кароссу нужен наследник.

Сложно сказать, сколько раз за последнюю неделю Сандер повторял это другим и себе.

Мужчина просто сбился со счета. Трудно убедить кого-то в эффективности слов, когда сам в них не особо веришь.

— Сочувствую.

А по внешнему виду друга сказать это было сложно.

— Я, в отличие от тебя, не могу наплевать на свои обязанности и сбежать в другую часть мира, — раздраженно парировал наследник Синего.

— Взываешь к моей совести?

— Нет, боюсь охрипнуть от натуги, так ее и не дозвавшись.

— Смешно, — кисло отозвался Ирил, подаваясь вперед и вновь наполняя стакан янтарной жидкостью.

— Напиваешься в середине дня? Есть повод? — спросил Сандер, откидываясь на спинку кресла.

— Отец нашел, — ответил сорджи и сделал пару глотков. — И тоже требует, чтобы я исполнил свои обязанности.

— А ты что?

— Я еще слишком молодой и безответственный для брака и детей.

— Напомнить, сколько тебе лет?

— Немного больше, чем тебе, — ответил Ирил, изучая остатки коньяка в бокале. — Все относительно. Для кого-то я глубокий старик, а кто-то считает меня совсем ребенком. Сандер не стал заострять на этом внимание. Есть темы, которых не стоит касаться. Никогда. Например, чувств лучшего друга к дриаде Фрионе — своей собственной матери.

— Ниардо твердо решил породниться с тобой, — продолжил Ирил.

— Я заметил.

— Знаешь, а девчонка симпатичная. Вся такая юная, нежная и воздушная. И влюблена в тебя, а в твоем случае это очень важное дополнение. Есть шанс не загубить девочку и жить долго и счастливо, воспитывая сына.

— Сам сказал, что она молода и наивна, так что, вполне возможно, принимает желаемое за действительное.

— Ты не можешь этого знать.

— Я не уверен, что наше «долго и счастливо» входит в планы Ниардо.

— Противный тип. Почему ты не поставил вопрос о недоверии и не снял его с поста?

— Валенсия, — признался Сандер. — Она его поддерживает и финансирует. Мало того, пока я возился с кракенами, они успели подкупить половину совета. Так что мой вопрос о недоверии изначально обречен на провал.

— Хитрая стерва.

— Огненная наследница. Валенсия не упустит возможности получить власть, которой ее лишили много лет назад.

— Твой отец держал ее в узде.

— Я не мой отец и не ее муж. Валенсия меня не боится. Уважает, даже любит по-своему, но не боится, — вставая с кресла, сказал Сандер и, подойдя к окну, оперся руками о широкий подоконник.

— Позволив им управлять островом, ты лучше не сделаешь.

— Знаю, — вздохнул мужчина, повернулся к другу, оперся бедром о выступ в стене и скрестил руки на груди.

— Поверь мне, пройдет совсем немного времени, и от четырех других кандидатур тихо и мирно избавятся, подсунут тебе в постель влюбленную Зарину.

— Я не хочу становиться причиной ее смерти, Ирил. А ты знаешь, как опасно вынашивать Каарха. Особенно если родной отец хочет, чтобы Зарина погибла в родах.

— Замкнутый круг, Сандер.

— Замкнутый круг, — процедил тот едва слышно.

— Тебе в любом случае придется сделать выбор, и как можно скорее. В Империи что-то назревает.

Сорджи в конце концов надоело наливать коньяк в стакан, он взял пузатую бутылку и начал пить прямо из узкого горлышка.

— И что же? — Тряхнув головой, Сандер обернулся, внимательно посмотрел на друга.

— Данные разведки противоречивы. Слишком противоречивы и разносторонни. Словно кто-то специально играет, пряча что-то по-настоящему опасное. Отец встревожен.

— Что именно его тревожит?

— Наследник. Кажется, этот поганец что-то задумал, — вытирая губы ладонью, ответил Ирил.

— Он еще слишком молод для закулисных игр. Гонора и желания много, но толку мало, — покачал головой Сандер. — Я видел его. Ремаль не вытянет переворот, силенок и мозгов не хватит.

— Чего не скажешь о его матери, — многозначительно протянул пернатый.

Сандер замер, буравя пристальным взглядом сорджи:

— При чем тут Сойра?

— Сложно сказать, но на границах с ящерами беспокойно.

— Там всегда беспокойно, — возразил Сандер.

— Плюс активность чудовищ. Я думал, виной тому затухание кристалла. Но что, если дело в другом? Если их призывает что-то или кто-то?

— Наследник Темного? Ты думаешь, кто-то рискнул пройти опасный ритуал и добился успеха?

— Попыток и раньше было много.

— Но в случае удачи мы почувствовали бы отдачу от ритуала.

— Есть способы скрыть колебания силы. Например, прикрыв их стихийными бедствиями или катаклизмами.

Сандер задумчиво потер подбородок и нахмурился, припоминая.

— Ты имеешь в виду извержение вулкана полгода назад?

— Оно самое. И ведь так удачно совпало с гибелью твоей бывшей невесты. Как ее звали?

— Маргуза. Хочешь сказать, что ее с матерью принесли в жертву?

— Император ведь не сказал, как именно они погибли и что стало с телами. В официальных хрониках говорится о нападении ящеров, и все, никаких подробностей. А два огненных потомка отлично подходят для поддержания ритуала пробуждения темной крови.

— Но зачем ему покрывать своего сына?

— Зачем ему вообще было его забирать? — резонно поинтересовался Ирил. — Незаконнорожденный ребенок от принцессы ящеров. Глупо было признавать его сыном. Очень глупо и недальновидно.

— Кто знает, что творится в голове у императора. Но если ты прав...

— То грянет война, Сандер. И сейчас наследник нужен тебе как никогда. Нас, сорджи, много, мои братья позаботились о детях. А вот ты один. Ты последний.

— Проклятье! Как же все не вовремя, — пробормотал Сандер, чувствуя себя загнанным в ловушку.

— Но у нас тоже имеется преимущество, — поспешил успокоить его Ирил. — Кристалл наполнен как никогда. Есть шанс выстоять, главное — не совершить ошибку.

— Какую? — тут же напрягся мужчина и посмотрел в холодные глаза друга.

— Не пустить все вспять.

— Этого не будет.

— Я очень надеюсь. Не знаю, что именно привлекло тебя в этой девчонке, но я вижу результат, — выпрямившись, заметил сорджи. — Тебя тянет к ней, Сандер. А это неправильно. И ты сам хорошо все понимаешь. Во имя всего мира держись от жены подальше.

— Я и держусь.

— Вижу.

— У нас с ней соглашение, — неожиданно продолжил мужчина. — Встречаться и общаться как можно реже и только по существу.

— Ее инициатива?

— Да.

— Умная девочка, — довольно кивнул Ирил.

— Надеюсь, ты не будешь снова ей досаждать?

Но сорджи сложно было смутить и сбить с толку.

— Ты знаешь, что у Тяны в Империи осталась няня? Единственный дорогой человек, который воспитывал ее эти десять лет.

Сандер недовольно поджал губы:

— Роешься в ее прошлом?

— Кто-то должен сделать это, раз у тебя отказали мозги. Виттор по просьбе Тяны отправлял няне срочное письмо. Пожилая женщина, которую поспешно и неожиданно взял под свою личную опеку сам император.

— На что ты намекаешь, Ирил? — рыкнул мужчина.

— Открой глаза, Сандер. Твоя жена не так проста, как хочет казаться. Тебе стоит насторожиться.

— Тяня не будет сотрудничать с императором. Он сломал ее жизнь и убил родителей.

— А сейчас в его руках последний дорогой ей человек, — возразил сорджи. — На что пойдет Тяня, чтобы спасти свою няньку?

Сандер не успел ответить — в следующую секунду в дверь громко постучали.

— Войдите.

— Господин Сандер... — В дверях застыл встревоженный слуга. В груди тут же тревожно кольнуло.

— В чем дело?

— Новости из замка.

Сандер медленно выпрямился:

— Что случилось?

— Ваша жена. Она пропала.

— Что значит — пропала?! — вмешался Ирил, легко вскочив на ноги. — Когда? Куда охрана смотрела?

— Бернс, — звенящим голосом произнес Сандер, и синие глаза мгновенно почернели, — докладывая быстро, четко и по существу. Где моя жена?

— Никто не знает. После обеда она отправилась отдыхать в свою комнату. Когда через полчаса госпожа Валенсия пришла за ней, ваша жена уже пропала. Ее грифон исчез.

— Вы что, издеваетесь? Куда смотрители глядели? А охрана? — взвился моментально покрасневший сорджи. — Кто позволил ей уйти? Кого она подкупила?

— Тише! — отрезал Сандер, из последних сил пытаясь сохранить спокойствие. — Криком ты ничего не решишь. Бернс, — снова обратился мужчина к слуге, — как ей удалось уйти из замка незамеченной?

— Воспользовалась пересменкой смотрителей, забрала грифона и исчезла.

— Идиоты! — выругался Ирил и даже приподнялся на десяток сантиметров в воздухе.

— Мы не знали...

— Замолчите оба! — рявкнул Сандер, развернулся и оперся руками о стену, пытаясь сосредоточиться.

Ему надо было успокоиться, отринуть все мысли и эмоции, найти жену, определить ее точное местонахождение и отправиться следом, пока та не вошла в какие-нибудь неприятности.

Тьяна на острове. Ни один грифон не сможет пролететь расстояние до материка, а на корабль они не проникнут. Значит, найти ее не так сложно, надо вспомнить ее голос, аромат тела и прямой взгляд, пробирающий до самого сердца. Не вспомнить, освежить в памяти образ, который не покидал мужчину все эти дни.

Яркий огонек обнаружился через пару минут южнее Фриатора. И сразу стало легче, тревога ушла прочь — жена жива, здорова и даже счастлива.

Сандер хорошо знал это место. Озеро и небольшая рощица, дальше уютная беседка, увитая диким плющом. Чудесное место, созданное отцом специально для любимой амери. Маленький кусочек рая для дриады.

— Нашел, — выдохнул мужчина, стер липкий пот со лба и открыл глаза.

— Полетели, — тут же подорвался Ирил, готовый везде сопровождать друга.

— Нет. Я один, — отрезал Сандер и взглянул на застывшего слугу: — Бернс, немедленно сообщи госпоже Валенсии, что я лично отправился на поиски жены и скоро вернусь с ней. Пусть не волнуется.

— Да, господин, — кивнул тот и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

— Что значит — ты отправишься за ней один? Сандер, не дури, — быстро произнес сорджи.

— То и значит. Ты останешься здесь, — выходя из комнаты и быстро шагая по коридору, ответил Сандер.

— Нет.

— Не лезь, Ирил. Я давно не ребенок и не слабый подросток, которого ты шпынял первые недели нашего знакомства. Сам все прекрасно понимаю и знаю.

— Помни о долге и опасности, — произнес Ирил, когда они быстро спустились по мраморным ступенькам.

— Только о нем и думаю, — отчеканил мужчина, направляясь к выходу.

Через каких-то десять минут Сандер уже летел вглубь Каросса на своем грифоне.

Чем ближе мужчина подлетал, тем ярче горела метка Тьяны, и это было неспроста.

Это место считалось необычным и раньше, но сейчас оно буквально искрило.

Магия жизни.

Мужчина почувствовал ее сразу и придержал грифона, вбирая мягкие волны энергии, исходящие от жены. Все в радиусе полукилометра жило и дышало как единый организм.

Интересно, Тяня чувствует, насколько стала сильной?

— Растет, — пробормотал он, чувствуя, как магия приятной щекоткой прошла по телу. —

Значит, кристалл забрал огонь, но оставил вторую сущность. Это хорошо.

Он приземлился в сотне метров от озера. Оставшийся путь проделал пешком, неслышно ступая по сочной траве.

Но Сандер точно не был готов к тому, что предстало перед глазами, стоило пробраться сквозь густые заросли плюща.

Ровная гладь озера, над которой поднимался едва заметный пар, плеск воды и девушка — она купалась и тихо смеялась, не зная, что происходит вокруг нее и с ней самой.

Сандер никогда не видел свою жену такой — искренне смеющейся, счастливой и открытой.

Тяня не замыкалась, не пряталась за холодной маской безразличия.

Легкая дымка тумана уже окружала девушку с головы до ног. Сама древняя магия проснулась, залечивая душевные раны, приостанавливая действие страшного проклятия.

Словно удар под дых — Сандер зашатался на внезапно ослабевших ногах, неуклюже приземлился на лежащее неподалеку дерево и не отрывал потрясенного взгляда от тоненькой фигуры жены, которая так и не почувствовала его присутствия.

Что-то тихо напевая, Тяня стала медленно выбираться из озера, поправляя мокрые спутанные волосы, сверкая прозрачными капельками на нежной коже.

Легкая сорочка облегла стройное тело и открывала больше, чем скрывала — тонкая талия, округлые бедра, небольшая грудь с розовыми вершинками сосков, которые отчетливо виднелись сквозь прозрачную белую ткань.

Волосы на солнце казались золотисто-медными, сверкающими. Черты менялись, расплывались, открывая совершенно новое лицо. То самое, которое Сандер так долго пытался разглядеть сквозь дымку проклятия.

Тяня была похожа и не похожа на своих родителей, умудрилась вобрать в себя черты обоих.

Микелла обладала ослепительной, сводящей с ума красотой, от которой невозможно было оторваться и просто нереально забыть. Тяня выглядела более земной и настоящей. Кожа нежного персикового цвета, пухлые коралловые губки, высокие скулы, аккуратный носик и глаза орехового цвета в обрамлении густых ресниц.

Прекрасная дриада из самых сокровенных снов.

Его и не его одновременно.

Кажется, он что-то прошептал вслух, потому что Тяня вдруг застыла и медленно обернулась, опустив дрожащие руки.

— Сандер, — прошептала едва слышно и облизнула пухлые губки кончиком розового языка.

Вот зря она так, мужчина ведь с трудом сдерживался, из последних сил цеплялся за остатки затуманенного разума. А сейчас совсем голову потерял, ведомый одним желанием — коснуться ее, сжать в своих руках, обнять крепкое, налитое тело, которое стало таким аппетитным за эти дни. Вот что значит правильное питание.

— Я все объясню!

Кажется, Тяня совсем по-другому оценила его молчание.

А Сандер уже встал и двинулся в ее сторону, не сводя пристального взгляда с испуганного, покрасневшего от смущения личика.

— Понимаю, что поступила глупо. — Девушка отступила, выставила руки в защитном жесте. — Мне не стоило убежать. Прости, но я просто не могу находиться в четырех стенах, жить по чужой указке. Так и с ума можно сойти. Все безопасно! Правда. Аргус совсем пришел в себя. Никакого риска. Клянусь.

Сандер, как был, в обуви и одежде, шагнул в прохладную воду, заставив дриаду сделать два шага назад и испуганно оглядеться.

— Что ты делаешь? Почему молчишь? Ты пугаешь меня! Сандер!

Вода стала по колени, затем по бедра, а он все продолжал двигаться к своей цели.

— Не надо, — взмолилась Тяня, прижимая руки к груди. Плечи поникли.

Мужчина подошел совсем близко, теперь их разделял один шаг. Девушка могла рассмотреть, какой шторм разыгрался в глубине его удивительных глаз.

— Сандер, я... — только и успела беспомощно прошептать она, а муж вдруг притянул ее к себе, сжал в объятиях и впился в ее губы жадным поцелуем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Тьяна

Если в первую и единственную нашу ночь Сандер был нежным и трепетным любовником, который чутко улавливал каждое мое желание, понимал каждый вздох и стон, то сейчас все пошло совершенно иначе.

Безумие, жар, самая что ни на есть обжигающая страсть, которая моментально вскружила голову и лишила последних остатков разума.

Муж крепко меня обнял, прижал к себе так сильно, что нечем стало дышать. Жадно целовал губы, прикусывал каждую по очереди. Сжимал чувствительную грудь, теребил большим пальцем и пощипывал горошинки сосков, посылая по всему телу разряды, которые клубком собрались внизу живота.

— Тьяна, — шептал Сандер, целуя за ушком. — Моя Тьяна...

Его. Ну конечно же его.

Я совершенно бесстыдно прижималась к мужу всем телом. Провокационно закинула коленку на его бедро, вздрогнула, когда горячая ладонь прошла по ноге к ягодицам, стягивая мокрую ткань в сторону. Крепко обняла за плечи, вцепилась в него, как будто от этого зависела моя жизнь, и тяжело дышала.

Ох, как же сильно я по нему скучала! Как долго ждала и тосковала по этим прикосновениям!

— Сандер... мой...

Пальчики бесстыдно расстегивали жилетку, пытаюсь как можно скорее добраться до горячего тела. Так безумно хотелось дотронуться до его кожи, что подушечки пальцев болезненно зудели.

Рука на затылке с силой сжала волосы, заставив меня прогнуться, откинуть голову назад, подставив шею для поцелуев, которые все не кончались.

Я задыхалась, остро реагируя на каждое прикосновение губ и рук. Но этого все равно было мало. Хотелось еще. Больше! Сейчас!

Наши губы наконец вновь соединились, тела с силой прижались друг к другу, вызвав у меня протяжный гортанный стон, вырвавшийся из самого сердца.

В этот момент в голове что-то щелкнуло, послышался неестественно жалобный скрип и скрежет, в одно мгновение начисто уничтоживший сладкое томление и желание, которое всего секунду назад буквально раздирало нас на части. Скрежет заставил нас, тяжело дыша, отскочить друг от друга.

Зацепившись за какую-то корягу на дне, путаясь в водорослях, я едва не упала, но Сандер вовремя успел схватить меня за руку.

— Держись, — хрипло произнес он.

Стоило восстановить равновесие, мужчина тут же отступил и попятился назад, пряча виноватый взгляд.

— Спасибо, — прошептала в ответ, убирая за спину дрожащие руки.

Отголоски страсти все еще витали между нами, и тело не могло не отреагировать. Как же сильно горели опухшие от поцелуев губы, как пощипывала кожа на щеках и шее в тех местах, где короткая щетина ее оцарапала!

— Выбирайся из воды и одевайся, — произнес Сандер, отворачиваясь и направляясь к берегу.

— Сандер, подожди, — поспешила за ним, оставляя за собой облако брызг. — Это был кристалл, да? Этот звук...

— Да, — ответил муж, не оборачиваясь.

Темные кожаные штаны четко облегли бедра и икры, по которым ручейками сбегала вода, затекая прямо в сапоги.

Я застыла на мгновение, убирая спутанные волосы с лица, и, снова поспешив за мужчиной, выскочила на берег.

— Мы что... он не...

Слова разом закончились, мне стало страшно произносить вслух те мысли, которые роились в голове.

— Обратного действия не было, — ответил Сандер, поняв, что именно меня встревожило.

— Но я ведь почувствовала и услышала его... Ой! — Первая же колючка впиалась в пятку, заставив прыгать на одной ноге.

Сандер обернулся, тяжело вздохнул, кажется, что-то пробормотал себе под нос и, преодолев разделяющее нас расстояние, подхватил меня на руки.

— Ой, не надо, — забормотала я.

— Не двигайся, — процедил он едва слышно, но таким тоном, что я тут же прониклась и замерла, боясь лишний раз вздохнуть.

Сандер поднес меня к Аргусу, который удивительно спокойно отнесся к нашим играм в воде. А ведь по идее грифон должен был броситься на защиту. Но то ли агрессии не было, то ли муж внушал ему доверие.

Мужчина поставил меня на землю, тут же отступил в сторону и только сейчас ответил на вопрос:

— Это было предупреждение. Кристалл предупредил, что мы зашли далеко и так делать не надо, — вздохнул, быстро осмотрел меня с ног до головы и, отвернувшись, продолжил неожиданно хрипло: — Тьяна, я прошу прощения. Мне не стоило так себя вести... Кхм, а тебе стоит одеться. И как можно скорее.

Я непонимающе опустила взгляд, моментально покраснела, забежала за Аргуса, пытаюсь скрыться от мужа. Я же почти голая! И сорочка так облепила тело, что видно все и даже больше.

Содрав мокрую ткань, накинула кафтан, дрожащими руками пытаюсь застегнуть непослушные мелкие пуговицы, не попадая в петельки и едва не плача от всей этой ситуации.

— Готова?

— Д-да.

Что делать с волосами, не знала. Расчески с собой не было, и они некрасивыми патлами падали вокруг лица, совершенно не добавляя мне красоты.

— Нам пора лететь.

— Хорошо, — кивнула в ответ, боясь даже смотреть на мужа, и взялась за поводья.

— Стоп. Ты полетишь со мной.

— Что? Но зачем?

Посмотреть на него все-таки пришлось.

— Ты полетишь со мной, — тихо и четко произнес Сандер.

Сидеть с ним на одном грифоне? Чувствовать его каждой клеточкой своего тела? Нет, такой пытки я не выдержу.

— Не стоит. Аргус совершенно не устал. Я полечу на нем.

— Тьяна, не заставляй меня повторять дважды. Одна ты не полетишь в любом случае.

Пришлось смириться.

— Хорошо.

В замке нас уже ждали. Не только взбешенная Валенсия, которая выглядела так, словно хотела растерзать меня на части, но и крайне недовольный Ирил.

— Сандер, ты свихнулся? — набросился сорджи на друга, который помогал мне спуститься на землю.

За эти двадцать минут я чуть не сошла с ума. Слишком много этого мужчины было рядом со мной. Аромат его тела, прижимавшегося ко мне, накрывал с головой. Рука, лежащая на талии, не давала упасть, но вызывала такую смуту в душе, что я не могла сосредоточиться. А что говорить о дыхании, которое поднимало волоски на коже и заставляло тело покрываться мурашками!

— Лишился рассудка! — вторила ему Валенсия.

— Что ты сделала?!

— Ничего, — опешив от напора, ответила я.

— Ирил, успокойся. Тьяна ни в чем не виновата. Это я. И я отвечу перед советом за ошибку, — пряча меня за спину, произнес супруг.

Но не тут-то было.

— Я тоже виновата, — попыталась вставить, но снова была отодвинута назад.

— Тьяна, не вмешивайся!

— Но если бы не мой побег...

— Это просто невыносимо! — выкрикнула Валенсия, поднимая глаза к небу. — Мы едва все не потеряли, а они...

— Так, стоп! — неожиданно вмешался Ирил. — С этим разберемся позднее. У нас проблемы посложнее.

— Что произошло? — тут же подобрался Сандер.

— Еще что-то случилось? — спросила я.

— Случилось. Полчаса назад в гавань пришел корабль со жрицей Зеленого на борту.

— Что? — выдохнули мы одновременно, а я еще и добавила потрясенно:

— Эстрея здесь?

— Здесь, — произнесла Валенсия строго. — И страшно желает тебя видеть. Прямо сейчас. Их когда-то называли Луна и Солнце. Две сестры, две самые красивые дриады столетия, забыть которых невозможно.

Одна с длинными волосами цвета лунного серебра. Тихая, молчаливая и спокойная, предпочитавшая тишину леса шуму и развлечениям.

Вторая с золотистыми локонами. Дерзкая, яркая и амбициозная, она всегда знала, чего хочет, и добивалась желаемого любыми путями.

Самая молодая жрица Зеленого и ее младшая сестра, что всегда казалась тенью старшей, выполняла любые ее прихоти и приказы. Пока не воспротивилась и не пошла за голосом сердца, на корню уничтожив планы сестры.

Мы не виделись более десяти лет, и вот сестра матери — Эстрея — снова в моей жизни. Я подготовилась к этой встрече, переделала в лучший кафтан ярко-синего цвета с серебристой вышивкой. Пока служанка причесывала еще влажные волосы, пристально вглядывалась в свое отражение.

После купания в озере и тех поцелуев я чувствовала себя по-другому, внутри словно что-то надломилось, сломалось и одновременно открылось, но, к сожалению, на внешности это не отразилось. Разве что блеск в глазах появился и румянец заиграл на щеках.

Все остальное осталось прежним.

Может, это и к лучшему.

— Ты не обязана разговаривать с ней, — произнес Сандер, когда стало известно о прибытии высокой гостью и мы четвером перебрались на небольшую террасу.

— Я бы так не сказал, — наполняя стакан фруктовым соком, вставил Ирил.

— Заткнись.

Муж даже голоса не повысил, но тон был таким, что я вздрогнула. Зато на сорджи это не произвело никакого впечатления.

— Ты сам понимаешь, что встретиться с Эстреей придется. Так что не обманывай девочку несбыточными обещаниями.

— Все в порядке, — вмешалась я, не желая становиться свидетелем новой ссоры. И без нее проблем много. — Я готова поговорить.

Они даже не представляли, как много мне хотелось сказать этой стерве.

— Что ей понадобилось так далеко от Священного леса? — поинтересовалась Валенсия, обмахиваясь небольшим веером.

— Ну, тут все логично. Будучи жрицей Зеленого бога, она должна была почувствовать живительную магию своего народа. В любом случае надо сказать, что она быстро прибыла. Я думал, дольше провозится, — удобно располагаясь в шезлонге, заметил Ирил.

— Она знает о живительной магии? — спросила я, присаживаясь в одно из кресел из плетеного ротанга.

Нервное перенапряжение вызывало дрожь, потому я зябко повела плечами, пытаюсь согреться.

— Конечно, знает, она же жрица Древа, — кивнул пернатый.

— Замерзла? — Сандер взял плед с кресла и набросил мне на плечи. Его рука лишь на мгновение задержалась у меня на плече, но этого хватило, чтобы сердце дрогнуло. — Если хочешь, я побуду с тобой.

— Не самое удачное предложение, — многозначительно заметил его друг, и они с мужем обменялись странными взглядами.

Что же еще они так тщательно скрывают от меня? Что-то важное, так как Сандер быстро отвернулся и подошел к резным колоннам, которые отделяли террасу от сада, пытаюсь скрыть от меня выражение своего лица. В любом случае спрашивать сейчас было бесполезно.

— Не надо. Я справлюсь, — уверенно произнесла в ответ.

Ох, как мне хотелось предстать перед Эстреей красивой, яркой, могущественной и счастливой, но приходилось довольствоваться тем, что было.

Сначала пришлось выбрать помещение, в котором должна была пройти наша встреча.

Огромный пустой зал с высоким постаментом, на вершине которого стоял самый настоящий трон. Заманчивое предложение — взирать на ненавистную тетку сверху вниз. Но как-то это по-детски.

Или затерянная в глубине сада беседка, увитая плетистыми розами, — царство уюта, покоя и живительной силы, которое будет напоминать жрице о Священном лесе.

Третьим вариантом оказалась уютная гостиная, стены которой были покрашены в насыщенный синий цвет, а большую часть помещения занимал низкий диван в виде полумесяца, заваленный разноцветными подушками. Отличное местечко для дружеских посиделок, но не для серьезного разговора с давним врагом.

В конце концов, я остановила выбор на кабинете для переговоров. В отличие от остальных комнат замка, он был обставлен по-мужски: с темными стенами, громоздкой мебелью и минимальным количеством света, который не мог проникнуть через тяжелые шторы винного цвета. На мой вкус, слишком темно, поэтому шторы по моей просьбе раздвинули.

Я села за стол, в удобное кожаное кресло, вцепилась в подлокотники и, не мигая, смотрела на дверь.

О чем я думала в тот момент, сказать сложно. Мыслей возникало много, и в то же самое время ни на одной из них нельзя было сосредоточиться. Просто мешанина из воспоминаний.

Я думала о родителях, преданных самыми близкими людьми, о своей жизни в небольшом домике, об одиночестве, которое преследовало меня столько лет.

Медальон, скрытый от чужих глаз под платьем, нагрелся, и я накрыла его рукой, словно хотела успокоить или поблагодарить за поддержку.

Кровь в голове стучала так громко, что я почти оглохла.

Еще немного, совсем чуть-чуть. Вот сейчас послышатся шаги, откроется дверь, и мне удастся посмотреть в глаза той, которую я столько лет жутко ненавидела.

Конечно, я надеялась, что Эстрея изменилась, постарела, подурнела и так далее. Что время отложило на ней свой отпечаток, погубило красоту, отомстило за страшное предательство.

Но этого не случилось.

Вошедшая в кабинет девушка в ослепительно-белом платье, которое туго обтягивало грудь и талию, мягко обрисовывало бедра и легкими складками падало вниз, была молода и хороша собой, как и десять лет назад.

Я сильнее сжала подлокотники и подняла подбородок еще выше.

— Тьяна Абремо, — певучим голосом произнесла она и сделала пару шагов вперед.

Следующие за ней шесть девушек-послушниц склонили головы, приветствуя меня. Но не Эстрея.

Ее нежно-розовые губы скривились в усмешке, а глаза сверкнули.

— Тетушка, — в тон ей отозвалась я.

Не понравилось. Нахмурилась, поджала губы, но больше свое недовольство ничем не выдала.

— Можете быть свободны, — обернувшись, сказала она, отсылая послушниц. — У нас личный разговор.

Не поднимая голов, девушки бесшумной стайкой выпорхнули прочь, оставив нас наедине.

— Разрешешь присесть?

— Прошу. — Я кивнула на одно из кресел.

— Сильное проклятие, — ласково промурлыкала Эстрея, располагаясь поудобнее. — И ведь помочь ничем нельзя. Не повезло тебе, дорогая. В твоём случае снять его не получится.

— И ты проделала такой путь лишь для того, чтобы сообщить мне это? Хватило бы простой записки.

Которую я спалила бы в камине, даже не прочитав.

— Ты отлично знаешь, почему я здесь, Тьяна. Магия жизни у проклятой и непосвященной.

— Какое богохульство! — издевательски протянула в ответ.

— Ты недостойна этого дара! Никогда не была достойна!

Оговорка... или... Нет, Эстрия никогда не допускала таких ошибок.

— Ты знала? — прохрипела, подаваясь вперед и впиваясь взглядом в ее хорошенькое личико. Проклятье, она выглядела чуть старше меня!

— Что отродье Микеллы получило дар бога? Да, знала. — Жаль, что милые черты Эстрии не отражали уродливость души. Зависть, ненависть — то, что разъедает изнутри.

— Получается, несмотря на то что ты не дала мне пройти третий круг, дар никуда не делся и проявился спустя долгие годы. Обидно, не правда ли?

— Ты не дриада. И жрицей тебе не стать.

«Я и не собиралась!» — хотела крикнуть в ответ, но осеклась.

Детали картинки стали складываться в голове, принося ответы на те вопросы, которые не давали покоя.

Я сильнее сжала подлокотники, пытаюсь усидеть на месте:

— Ты с самого начала все знала. Еще после первого круга.

Красивое лицо все же исказилось от ненависти.

— Да. Когда сестра-предательница принесла свое отродье для посвящения, Дерево сказало мне, что ты станешь следующей жрицей. Ты должна была сменить меня! Ты! А мой благословенный путь завершился, требовалось рожать дочь, уступать место другой, более сильной, да еще с даром.

— Ты из-за этого не дала маме спасти меня? Из-за этого не позволила укрыться в Священном лесу? И Зеленый позволил тебе?

— Он не может видеть все, а я лишь показала ему нужное, — оскалилась Эстрия. — Думаешь, я позволила бы тебе сместить меня? Ты — ошибка. Ты не должна была родиться. Если бы твоя мать выполнила свой долг и родила дочь от императора, все было бы иначе. Но она уперлась. Чувства, любовь и прочий бред.

— Не смей ее оскорблять! Ты даже мизинца маминого не стоишь!

— Она выбрала свой путь и свою судьбу! Я не буду это с тобой обсуждать. У меня сегодня другая миссия. Так как ты обладаешь живительной магией, ты должна жить в Священном лесу.

— Что значит — должна?

— Зеленый бог наградил тебя величайшим даром, а это налагает определенные обязательства. Пора их исполнять. Я прибыла на Каросс за тобой, Тьяна. Собирай вещи, мы возвращаемся на материк.

Она что, серьезно?

— Я жена Сандера, ты не имеешь права требовать подчинения.

— Ох, дорогая, — отмахнулась женщина, коротко хохотнув, — не надо мне врать. Я-то знаю правду и понимаю, какое место тебе здесь отведено. Как жена Сандера ты свои обязанности выполнила и напитала кристалл. Дальнейшее твое присутствие на Кароссе нежелательно. Особенно после тех колебаний, что я почувствовала пару часов назад.

Интересно, а она знает, чем были вызваны эти колебания?

— Ты не сможешь меня заставить.

— Ошибаешься. Смогу!

А сколько уверенности в голосе.

Меня охватила паника. Неужели Эстрия права? Неужели мне придется плыть с ней и навечно стать затворницей в Священном лесу, чтобы исполнять приказы ненавистной тетки? Уверена, она уже потирает ручки, предвкушая, как будет использовать мой дар.

— Нет!

— За что ты цепляешься, Тьяна? Думаешь, Сандер полюбит тебя в таком обличье и снимет проклятие? — Она издевательски рассмеялась, и ее смех эхом прошелся по натянутым нервам. — Дурочка! Это невозможно.

— Отчего же? Морок спал.

— Из-за твоих чувств, не из-за него. Он никогда тебя не полюбит. — Я увидела, как загорелись торжеством ее глаза, и замерла, неожиданно поняв, что дальнейшее мне не понравится. — Потому что всегда будет любить только меня!

Бывают ситуации, когда смотришь в глаза самого ненавистного и неприятного человека и отчетливо понимаешь, что он не лжет.

Вот и я сейчас глядела в глаза Эстрее и понимала, что она говорит правду. Глядела и чувствовала, как внутри что-то обрывается и умирает. Медленно и мучительно больно.

— Сандер любит тебя?

Голос звучал хрипло и казался совсем чужим, тетка не могла этого не заметить. Улыбка стала еще более злорадной и ликующей. О да, она могла ликовать, найдя мое больное место и ударив точно в цель.

— Он не рассказывал тебе о нашем знакомстве и тех чудесных месяцах, которые мы провели вместе? — Каждое слово било по кровоточащему сердцу. — Как хотел забрать меня с собой и сделать своей амери?

Одно дело — понимать, что любимый мужчина никогда не будет с тобой, но совсем иное — знать, что его сердце принадлежит другой. И не просто другой, а той, которую ненавидишь всей душой.

Мне казалось, что хуже быть не может.

Требовалось что-то сказать в ответ, а слов не осталось.

— А ты не хочешь рассказать, как предала моего сына? — неожиданно раздался голос, и в кабинете, прямо посередине, в клубах серого дыма возникло новое действующее лицо.

Дриада. С золотисто-рыжими волосами, молочной кожей и правильными чертами лица.

Стройная, в черном траурном платье с завышенной талией, которое удивительным образом ей шло, подчеркивая хрупкость и беззащитность. По внешнему виду ей не дать больше двадцатидвадцати пяти, лишь глаза выдавали возраст и груз прожитых лет.

Это было странно. Ведь когда дриада отказывалась от молодости и уходила с избранником из Священного леса, она начинала стареть, пусть медленнее, чем обычные люди, но все же... А эта девушка словно только что вышла из леса, она оставалась такой же юной и прекрасной и уж точно не выглядела как мать Сандера.

— Фриона, — кисло улыбнулась Эстрея, моментально утратив боевой пыл, — какой сюрприз.

Не думала, что ты выберешься из своей кельи, чтобы поприветствовать меня.

— Не обольщайся, я здесь не ради тебя, — холодно ответила та, проходя вперед и присаживаясь в соседнее кресло. — Здравствуй, Тьяна.

— Здравствуйте, — неловко ответила я.

Честно говоря, за эти дни, наслушавшись разговоров Валенсии, я была уверена, что мать Сандера высокомерная стерва, не пожелавшая снизойти до жены сына, чтобы элементарно познакомиться.

Но сидящая напротив меня Фриона производила впечатление глубоко несчастной женщины — грустно опущенные уголки губ, траурные тени под глазами и болезненная бледность. Ее взгляд был прямым и честным, что тоже подкупало.

— Дуришь девочке голову? — продолжила женщина, обращаясь к Эстрее.

— Всего лишь говорю правду. Это твой сын играет с ней, скрывая наш роман.

— Который давно закончился.

— Но мы-то знаем, что чувства остались.

— Ты действительно так думаешь? — снисходительно улыбнулась свекровь.

От нее веяло такой уверенностью, что моя тетка засомневалась:

— Тебя сюда не звали. У нас конфиденциальный разговор.

— А ты меня выгони, — жестко парировала Фриона.

— По закону Тьяна моя, — прошипела Эстрея.

— Ошибаешься.

Я решила помолчать и понаблюдать. Пусть они поговорят, приведут доводы, а я послушаю, сделаю выводы и выскажу свои контраргументы. Возвращаться на материк с Эстреей я точно не собиралась.

— В ней проснулась живительная магия! Дар Древа.

— И что? Тьяна не дриада, ты сама запретила ей завершить круг.

— Это не имеет значения.

— Имеет. Особенно сейчас, когда Тьяна стала женой Сандера.
— Жена, — фыркнула жрица, откидывая золотистые локоны. — Жалкий титул, и только.
— Титул, который дает определенные права, обязанности и привилегии.
— Я приплыла сюда за ней и не уеду, пока не получу желаемое. — В голосе жрицы послышалась угроза.
— Сандер не позволит.
Эстрея снова расхохоталась:
— Ты серьезно? Думаешь, он откажет мне в просьбе? Променяет меня на эту уродку? Ох, Фри, ты как была дурачком, так и осталась. Ничему тебя жизнь не учит.
— Ошибаешься. Учит. Например, я давно перестала верить тебе и твоим словам. И мой сын тоже.
— Хочешь убедиться?
— Ты слишком самоуверенна, Эстрея, — спокойно отозвалась свекровь. — Думаешь, что твои чары и лживые речи не имеют обратного действия?
— Зачем я тебе? — вмешалась, воспользовавшись короткой паузой. — Ты десять лет обо мне не вспоминала и вдруг преодолела такой путь. Ради чего?
Я знала ответ на этот вопрос, но хотела услышать его из уст жрицы.
— А ты не поняла еще? Да я была бы рада, если бы ты сдохла в ближайшей канаве. Все дело в даре.
— Хочешь продать подороже? — понимающе кивнула в ответ. Ее слова несколько меня не огорчили и уж тем более не удивили.
— Излечение от опасных заболеваний, спасение от ран, даже смертельных, — поддержала меня Фриона.
— Не тебе меня судить! — рявкнула жрица. — Ты предала Древо и своих сестер! Совершила святотатство, произвела на свет сына!
— И ответила за это, — глухо отозвалась Фриона. — Учение Древа говорит о самопожертвовании, любви и терпении. Но также оно говорит о воздаянии за проступки. Не боишься, что и тебе рано или поздно придется ответить?
— Я жрица Зеленого. Моими устами глаголет бог, мои поступки направлены на защиту моего народа! И не тебе меня судить.
— Не мне, — кивнула Фриона. — Но найдутся другие.
— Хватит! Мне надоело слушать твои проповеди. Я здесь с одной целью — забрать то, что принадлежит дриадам.
— Проблема в том, что я им не принадлежу. Как и тебе. Так что путь проделан зря, тетушка.
— Это мы еще посмотрим. Наш разговор не окончен, Тьяна, — произнесла она, поднимаясь. Выйдя из кабинета, дриада громко хлопнула дверью, заставив нас вздрогнуть.
Первое время царило молчание. Я понятия не имела, как общаться с Фрионой и что говорить.
— Спасибо вам за помощь, — наконец тихо произнесла я и благодарно улыбнулась. — Если бы не вы... ей удалось вывести меня из равновесия.
— С Эстреей надо держать ухо востро. Она всегда была такой... хваткой.
— Понятно... Это правда? Про нее и Сандера?
Вот что мне спокойно не живется? Зачем я задаю этот вопрос? И так больно, а теперь будет еще больнее.
— Правда. Но это случилось очень давно и уж точно не повторится никогда.
— Вы в этом так уверены?
— Да. У Эстреи была своя цель в этих отношениях, а Сандер про нее узнал. И не простил.
— Что это за цель?
— Эстрея всегда жаждала власти. Хотела собрать под своим крылом всех прямых потомков четырех богов.
Кажется, я начала понимать.
— Вот почему она желала свести маму и императора.
— Да. Я ее подвела, родив вместо дочери сына. Поэтому дальше Эстрея решила действовать сама. И Сандера соблазнять отправилась лично.
— У нее получилось? — дрогнувшим голосом спросила я.
— Забеременеть? Нет. Видишь ли, в чем дело, Тьяна, без согласия Каарха девушка не сможет зачать ребенка, как бы сильно она ни старалась.

— Но Сандер ее любит.

Женщина странно на меня взглянула и произнесла:

— Любил. Давно это было. — Фриона тяжело поднялась. — Мне пора возвращаться.

— Вы весьма эффектно появились, — вставая, заметила я. — Никогда такого не видела.

— Это подарок старого друга. Помогает переноситься по острову без лишних хлопот. Первый раз использовала. Я вообще редко покидаю свой дом и почти не выхожу на люди.

— Почему?

Она грустно улыбнулась:

— Ты видишь, какая я, Тьяна? Сколько лет ты мне дашь?

— Двадцать пять... максимум.

— А должно быть намного больше. Я ведь не солгала, когда сказала, что рождение Сандера далось мне тяжело и за него пришлось заплатить очень дорогой ценой.

— Какой?

— Жизнью своего любимого, — ответила она еле слышно и исчезла в клубах дыма.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Тьяна

После исчезновения Фрионы я некоторое время просто сидела, глядя перед собой и пытаюсь понять смысл сказанного.

Что значит — ей пришлось пожертвовать жизнью любимого? Мне про это никто не говорил, вроде бы должно было быть с точностью до наоборот.

И как рождение Сандера сказалось на жизни его отца? Насколько я помнила, Роул из рода Каарха прожил долгую жизнь и умер, когда его сыну исполнилось двадцать пять. Конечно, можно было пожить и подольше, но ребенок не был младенцем. Так что заявление Фрионы казалось странным и непонятным.

Кажется, я совсем запуталась в дворцовых легендах и чужих тайнах.

Скрипнула дверь, впуская Сандера. Муж, не спрашивая разрешения, вошел в кабинет и сел в кресло, которое до этого занимала Эстрея.

Взгляд у него был такой решительный, что я невольно напряглась, ожидая подвоха. Если он собирается сообщить, что в моем присутствии больше не нуждается, то я...

Даже не знаю, что бы я сделала, но точно что-то нехорошее. Может, даже истерику устроила, посудой покидалась. Правда, посуды тут не имелось, но можно было использовать в качестве снарядов книги. Хотя их жалко.

— Что Эстрея тебе сказала? — без обиняков спросил супруг.

— Приказала вернуться на материк и стать ее вечной рабой, — отозвалась я, наблюдая за его реакцией.

Как же много сейчас зависело от его ответа.

— Ты не должна.

Не совсем то, на что я рассчитывала, но начало положено, теперь главное — не отступить.

— Я тоже так считаю. А ты? Что об этом думаешь ты?

Раз Сандер не захотел высказать свое мнение, надо его подтолкнуть.

— Я думаю, что Эстрее пора покинуть Каросс. И как можно скорее, — сухо ответил он, и в голосе зазвенели металлические нотки.

— Одной или в моей компании? — уточнила на всякий случай.

Глаза потемнели — еще немного, и разразится самый настоящий шторм: с молниями, громом и сбивающим с ног ветром.

— Ты останешься здесь. Ты моя жена.

Впервые за долгое время я была рада этому титулу, пусть и номинальному. Хотя это тоже был не тот ответ, которого ждало глупое сердце.

— Не думаю, что она так легко отступится.

— Я с ней поговорю и заставлю отступить, — ответил Сандер и задумчиво забарабанил пальцами по подлокотнику. — Тьяна, мне нужно задать тебе один очень важный вопрос. «Ох, Сандер, мне тоже, только я никак не могу собраться с силами и решиться».

— Я слушаю.

— Это правда, что у тебя в Империи осталась престарелая няня?

Я зажмурилась, пытаюсь скрыть смятение, и кивнула:

— Да, правда.

Затянувшееся молчание было трудно терпеть. Я с трудом заставила себя открыть глаза и посмотреть на мужа.

— Император шантажировал тебя?

Я не могла ему солгать, хотя понимала, что это конец всему. Но все равно не могла. Особенно сейчас. После того, что было на озере.

— Да. Ее жизнь в обмен на информацию о тебе.

— И ты согласилась?

В его голосе проскользнуло разочарование — или мне так показалось? В любом случае эта информация уничтожит то хрупкое доверие, что возникло между нами.

— Да, — тихо прошептала в ответ и добавила поспешно, захлебываясь словами, пытаюсь донести до мужа свои мысли. Хотя бы попытаться. — У меня не было выбора. Понимаю, что это не оправдание и не смягчает вины. Это предательство. Самое настоящее предательство. Но когда я давала согласие, не знала тебя.

— Это что-то изменило бы?

Я открыла рот и закрыла, не зная, что сказать. Снова этот выбор — солгать или сказать правду?

— Не знаю, — покачав головой, призналась мужу. — Правда, не знаю. Няня заменила мне семью, вырастила и не дала умереть. У меня перед ней неоплатный долг.

— Понимаю, — кивнул Сандер.

По его лицу сложно было понять, какие эмоции вызвал мой ответ.

— Ты уже успела передать сообщение? — вдруг спросил мужчина.

— Нет. Ты хочешь, чтобы я передала тебе инструкции и сдала человека императора? — упавшим голосом уточнила, не зная, как быть дальше.

— Нет, не хочу. Прошло уже много времени, император может... заволноваться.

— Да, я знаю. Но у меня не было случая выбраться из замка. А завтра представится возможность прогуляться по городу с Зариной.

Кажется, мне все-таки удалось удивить мужа. Маска слетела, на лице проступили изумление, недоумение и скрытый гнев.

— Зарина? — быстро переспросил супруг. — При чем тут дочь Ниардо?

— Она приходила ко мне в гости, хотела подружиться.

Это совсем не понравилось Сандеру. Теперь потемнели не только глаза, но и лицо.

— Подружиться, говоришь? — зловещим шепотом прошипел мужчина, подаваясь вперед.

— Она мне так сказала. В любом случае я решила вынести из этого знакомства хоть какую-то пользу, — запнулась, тяжело вздохнула и переспросила: — Мне ведь не обязательно с ней дружить?

— Нет, совсем не обязательно.

— Валенсия с твоей матерью не дружат, — заметила, напоминая, что я не одна такая.

— У них сложные отношения, — отозвался Сандер.

— Она была здесь.

— Кто?

— Твоя мама, госпожа Фриона.

— Здесь? — не поверил Сандер и огляделся.

Глаза вспыхнули ярким лазурным цветом, когда он считывал окружающее пространство.

— Странно, мне она ничего не говорила.

— Твоя мама очень помогла — не дала Эстрее сожрать меня, лишить уверенности и растоптать.

Знаешь, она сказала кое-что странное.

— Что именно? — Сандер вновь повернулся ко мне.

— Что стала причиной смерти твоего отца. Мне казалось, что все наоборот. Наверное, не стоило поднимать эту тему, но и промолчать я не могла. Надоело блуждать в потемках, натываясь на углы и набивая шишки. Так и угробить себя можно.

— Когда я родился, мама была очень плоха. Она почти лишилась сил и с трудом держалась. Отец поделился с ней своей силой, не дал угаснуть, но тем самым открыл связующую нить — поток, который уже нельзя было остановить.

— Что значит — нельзя?

— А то, что сила продолжала вытекать из отца и закрепляться в ауре мамы. Ты ведь видела ее, видела, какой она стала.

— Молодой и цветущей дриадой?

— Да. Отец скрывал от нас правду долгие годы, пока не стало слишком поздно. Любовь до гроба, вопреки всему. Как мне это знакомо. Мои родители были такими же.

— Он очень сильно любил ее.

— И ушел в расцвете сил. А мама теперь истязает себя и живет затворницей.

— Мне жаль.

— Нам за все приходится платить, — отозвался Сандер, глядя мне прямо в глаза. Вздрогнула и поспешно кивнула.

— Зарина довольно милая девушка. Из нее, должно быть, получится хорошая амери, — тихо произнесла в ответ.

Я очень старалась, чтобы голос звучал ровно и искренне.

— Наверное. — Взгляд мужа стал еще более проницательным. — И ты готова дать свое благословение?

— А оно тебе нужно?

— Да, — вдруг ответил Сандер, сцепив руки перед собой. — Ты готова благословить меня на союз с Зариной?

Надо было сказать «да»! Надо было. Но я сегодня явно не отличалась умом.

— Нет. Я не смогу.

— Почему?

Как избежать этого взгляда? Как укрыться, не выдав себя?

— Не заставляй меня, Сандер, — ответила ему, встав, подошла к окну, обхватила плечи руками. — Не заставляй произносить это вслух.

— Что?

«Что люблю тебя!»

— Что ты мне небезразличен.

И снова тишина. Я спиной чувствовала его взгляд, прожигающий между лопаток, и ждала, как дурочка, ждала ответа.

«Ну скажи же что-нибудь! Скажи! Не молчи!»

Скрипнуло кресло, мужчина встал и подошел ко мне. Горячие ладони накрыли мои руки, притянули к себе.

— Тьяна...

— Я все понимаю, — прошептала, чувствуя, как от слез защипало глаза. — Только не надо меня жалеть. Это еще больнее.

А сама грелась в его руках, наслаждаясь мимолетной лаской.

Открылась, но страха не испытывала, стыда тоже. Так правильно. Пусть знает правду. Это все равно ничего не изменит.

— Если бы я только мог все изменить... если бы только...

— Мы не были теми, кто мы есть, — закончила я, отступила в сторону и вымученно улынулась. — Что будет дальше?

— Дальше? — Он на мгновение задумался. — Завтра ты отправишься в город под охраной и передашь сообщение императору.

— Но зачем? — растерялась я.

— Чтобы выиграть время.

— Для чего?

— Мы должны спасти твою няню и вывезти ее из Империи.

— Правда? Ты не шутишь? — Я подалась вперед, схватила его за руки, вгляделась в лицо, забыв, что пару секунд назад хотела держаться как можно дальше.

— Нет. Не только у императора есть свои люди на чужой территории.

— Ох, Сандер, спасибо тебе большое! Если бы ты знал, как я тебе благодарна! Шершавая ладонь коснулась моей щеки, вызвав легкую дрожь.

— Пока не за что, — ответил мужчина. — Тебе стоило сразу все рассказать мне.

— Я не знала, могу ли тебе доверять. А потом стало страшно.

— И чего же боялась?

— Что ты не простишь...

— В этом нет твоей вины, — вздохнув, произнес Сандер и отступил. — А теперь отдыхай. Он еще раз взглянул на меня и отступил, направляясь к двери. Сразу стало холодно и одиноко.

— Сандер! — выдохнула тихо.

Обернувшись — и я утонула в океане глаз, в которых зеркально отражались мое смятение и тоска.

— Эстрея сказала, что вы были вместе... Что ты любил ее. Это правда?

— Да, любил... или думал, что любил, — честно ответил муж.

— А сейчас?

— А сейчас прошло много лет, и все изменилось. Я больше не тот наивный мальчишка, которого легко обмануть и лишить здравого смысла.

— Эстрея думает иначе.

— Значит, ее ждет разочарование, — ответил Сандер, открывая дверь. — Отдыхай и набирайся сил.

— Спасибо, — прошептала едва слышно. Щелкнул дверной замок, и я продолжила: — За все. Как сильно я устала, поняла, когда вошла в свои покои и осталась одна. На негнущихся, внезапно отяжелевших ногах подошла к кровати и упала на спину, раскинув руки, словно хотела обнять весь мир.

Надо было о многом подумать, многое проанализировать. Вот только сил на это совсем не осталось.

Я на секунду закрыла глаза, только на мгновение, чтобы спрятаться от назойливого солнечного света, который проникал через окно, и неожиданно уснула. Не переодевшись, не искупавшись, даже элементарно не умывшись и не поужинав.

Проснулась резко.

Глубокая ночь, безумный крик чайки за окном, от которого кровь застывала в жилах. Можно было подумать, что это она меня разбудила, если бы не тревожное чувство, которое давило на грудь, сбивая дыхание. Внутри что-то заныло, предупреждая об опасности и грядущих проблемах.

Я села на кровати, поправила спутанные волосы и быстро огляделась. Может, кто-то проник в покои и потревожил мой сон? Но нет, я была одна.

В спальне стоял сумрак, лишь крохотные светильники горели по углам — единственные источники света. Двери на балкон были открыты, и оттуда лился свежий морской воздух, заставлявший зябко ежиться.

На столике у кровати — поднос с фруктами и уже знакомыми мне бротерами. Наверное, на тот случай, если я проснусь среди ночи и почувствую голод. Приятно, когда о тебе беспокоятся. Но есть не хотелось.

Тяжело поднявшись, подошла к столику и налила в стакан воды, которую сразу выпила, пытаясь промочить пересохшее горло.

Какая же тревожная ночь!

Последние капельки влаги вылила на ладонь и протерла лоб, пытаясь окончательно проснуться. А чувство тревоги не уходило — наоборот, все нарастало, грозя затопить сознание, затянуть в сети паники, свести с ума.

Я не сразу поняла, что когда-то чувствовала нечто подобное, — слишком растерянной и дезориентированной оставалась после сна. Только раньше это чувство было более мощным, тяжелым, невыносимым. А все остальное очень похоже.

Ощущение смерти. Не просто смерти, а насильственной гибели кого-то из потомков четырех богов по первой линии.

А следом пришла безумная, убийственная мысль, от которой я едва не упала: «Сандер!» Всего мгновение, которое показалось вечностью, и я отринула эту мысль. Нет, не он. Отчего-то я была уверена, что его гибель я почувствовала бы иначе.

Опираясь руками о столешницу, зажмурилась и попыталась сосредоточиться.

Бесполезно! Огненную силу я утратила, а новая, жизненная, молчала, отказываясь подчиниться. И как только получилось излечить Аргуса — загадка.

Больше уснуть не смогла. С трудом заставив себя проглотить пару виноградин (на мясо даже смотреть было тошно), первое время бесцельно бродила по спальне, потом легла в постель прямо в кафтане и пролежала так до самого утра.

— Доброе утро, госпожа, — произнесла служанка, кажется, ее звали Райда, входя в комнату с легкой улыбкой на губах.

Ее невысокой подруги пока не наблюдалось.

— Доброе утро, — ответила я, радуясь, что не надо больше лежать, глядя в потолок.

— Как вам спалось?

Вопрос с подвохом? Простая вежливость или скрытый смысл? Кажется, у меня начинается фобия.

— Спасибо. Все хорошо.

— Вы вчера так быстро уснули, мы волновались, — продолжила она. — Желаете принять ванну?

— Да. И пусть вниз принесут завтрак, — потягиваясь, произнесла я и быстро добавила, скривившись: — Только никакого мяса. Не хочу.

— Есть какие-то особенные пожелания?

Я задумалась, пытаюсь понять, чего хочет мой привередливый организм.

— Морепродукты.

— Морепродукты? — удивилась девушка.

Раньше я к ним особой симпатии не испытывала — была просто равнодушна. А сейчас вдруг так захотела, что едва слюной не захлебнулась.

— Да. А где госпожа Валенсия? — выходя в коридор, спросила я.

— Она еще не проснулась. Слуги говорят, что ночь была очень тяжелой. Госпожа плохо спала и даже, — Райда понизила голос до шепота, — немного плакала.

— Плакала?

Поверить в это было сложно — только не эта железная госпожа с замашками тирана!

Валенсия сама нашла меня через полчаса. Я как раз завершала десятый круг в бассейне, когда она почти вбежала в купальню.

— Все вон! — велела родственница прямо с порога.

Я замерла на середине бассейна, но промолчала, наблюдая, как служанки быстро удаляются прочь. Пока еще Валенсия была здесь хозяйкой, но через пару дней все изменится.

— Доброе утро, — возобновляя плавание, произнесла я.

Дорогая родственница могла сколько угодно дуться и скандалить из-за моего вчерашнего побега, но оправдываться я не собиралась.

Надо сказать, сегодня женщина была сама на себя не похожа. Бледная пергаментная кожа, синяки под покрасневшими, слегка припухшими глазами, которые не смог скрыть даже профессиональный макияж, опущенные уголки губ. Сейчас Валенсия выглядела изнуренной жизнью старухой. Даже одежда ее была траурной — темно-синий, почти черный кафтан без вышивки и любимых драгоценных камней, простенький тюрбан такого же цвета.

— Иди сюда.

— Я еще не закончила купаться.

— Тьяна! Это важно!

У нее все важно и все срочно. А в меня будто куды вселились. Хотелось воспротивиться, пойти наперекор. Наверное, всему виной вчерашний побег: я почувствовала себя свободной и независимой.

— Что может быть важнее водных процедур?

— Судьба нашего мира!

И с помощью этого она решила до меня достучаться? Все повторяется. Но я больше не клюю на подобные заявления и не реагирую на них со священным ужасом.

— Свой долг этому миру я отдала сполна.

— Ты ведь почувствовала ЭТО ночью? — дрогнувшим голосом спросила Валенсия.

— Почувствовала что? — переворачиваясь на спину, спросила у нее.

— Смерть.

Вылезти все-таки пришлось. Я осторожно поднялась по скользким ступенькам, крепко держась за перила. Сначала накинула на плечи шелковый халат и крепко завязала пояс, затем принялась сушить полотенцем мокрые волосы.

— И кто это был?

— Тангир.

Полотенце упало, выскользнуло из разом ослабевших рук. Я не знаю, как вообще смогла устоять на ногах после такой новости.

— Что?

— Император пал.

— Этого просто не может быть, — неловко приземляясь на шезлонг, прохрипела я.

— Он же смертный и совершает ошибки. Вот и стал жертвой политических интриг.

В это я точно не могла поверить.

— Нет, — выдавила из себя, а для усиления отрицания еще и головой покачала. — Нет!

— В Империи государственный переворот, Тьяна. Власть захватил Ремаль.

— Ремаль слишком слаб.

— В одиночку — да. Но он заключил союз с ящерами. Это война, Тьяна... Война.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Тьяна

Война.

Следующие четыре дня это слово все чаще произносилось в замке. Сначала говорили шепотом, еле слышно, прикрывая от страха губы руками, не в силах поверить, что происходящее — правда. Но с каждым часом, с каждым прожитым днем уверенность росла, слово крепло, а с ним усиливался и страх.

Война.

Какие только слухи не ходили по Кароссу, какие только вести не приносили с материка! Иногда ужасные, а порою нелепые и абсурдные.

О реках крови, которые захлестнули дворцовую площадь во время показательных казней знати. О жутких ящерах, которые беспрепятственно летали над просторами мира, грабя и убивая мирных жителей.

О погромах в столице, которая сутки полыхала алым пламенем.

О невероятном и невозможном браке, который был заключен утром после переворота, когда в императорской часовне совершили обряд бракосочетания Ремаль и Этель. Брат и сестра. Да, Империя давно погрязла в разврате и грехах, но не до такой же степени.

О священном огне Красного, который исчез из храма, уступив место новому Темному божеству.

О таинственной женщине с карминовыми глазами, что стала первым советником молодого императора. А по факту — кукловодом, держащим в руках всю власть.

О будущем, которое у нас в любую минуту могли отнять.

Отправлять послание я не стала. В этом уже не было смысла. И теперь, забыв о том, что когда-то отказалась от веры, могла лишь молиться богам, чтобы няня осталась жива. Чтобы Сандер сдержал свое слово, успел найти ее и вывезти из охваченной огнем и страхом Империи.

Несмотря на безопасность и охрану, летать на Аргусе я пока не решалась, но навещала грифона каждый день и проводила у его кормушки целые часы. Я лично ухаживала за ним, помогала чистить перья специальной щеткой, обрабатывала мазью когти, чистила клюв и разговаривала. Ох, сколько всего я ему рассказала о себе, о той жизни, которую вела эти десять лет, о том, как смирилась и пыталась начать жить заново, боясь сойти с ума от тоски по родным. О том, как запрещала себе чувствовать, любить и радоваться жизни, замкнувшись и отгородившись от

всего мира, кроме любимой нянечки. О том, как лелеяла несбыточные мечты когда-нибудь отомстить тем, кто лишил меня всего. О том, как полюбила мужчину, который никогда не будет моим.

Воздух на Кароссе буквально пропитался тревогой и страхом.

Эти чувства не отступали ни на секунду, подавляя другие эмоции, заставляя бояться и вздрагивать от любого слишком резкого звука.

Все чаще глаза жителей устремлялись к океану. Не видно ли военных кораблей с летающими над ними злобными ящерами? Не клубятся ли щупальца десятка кракенов, готовых напасть на остров?

Но гладь океана оставалась спокойной.

Один плюс в происходящем все-таки имелся, как бы абсурдно это ни звучало. Эстрея была вынуждена срочно возвратиться на материк. Радовало, что жизнь и безопасность подданных и сохранность Священного леса для нее значили больше, чем родственница с живительной магией. Я получила отсрочку.

Вчера Валенсия несколько раз пыталась со мной серьезно поговорить, но я каждый раз ее останавливала и убегала, не желая слушать.

Мне нужен был Сандер.

Только он мог рассказать, что на самом деле происходит и как быть дальше.

Вот только последний из рода Каарха занимался переговорами и сложной ситуацией. Какое ему дело до страхов номинальной жены?

Я терпела день, два, три, четыре, но больше не смогла. Неизвестность убивала, уж лучше знать правду, чем мучиться догадками.

— Оседлайте Аргуса, — приказала я зрителям на утро пятого дня.

— Вы желаете полетать?

А то по моему внешнему виду это было сложно понять! Я специально оделась в дорожный костюм: короткую белую тунику с разрезами по бокам, широкие штаны-шаровары и длинный жилет из тонкого льна, украшенный яркой вышивкой.

— Желаю, — нетерпеливо пошлепывая себя по бедру специальными перчатками из светлой кожи, которые должны были уберечь ладони от мозолей, ответила я.

— Но господин Сандер сказал...

— Да, знаю, — перебила раздраженно. — Полеты только в сопровождении. Зовите своих охранников. Я согласна.

Не прошло и трех минут, как двое крепких знакомых мужчин стояли передо мной.

— К вашим услугам, госпожа, — поклонившись, произнес один из них. — Куда желаете слетать?

— К мужу.

Они переглянулись.

— Госпожа Тьяна, — неловко произнес второй, — боюсь, что это невозможно.

— Тогда сделайте так, чтобы было возможно, — сухо парировала я, поправляя воротник туники. — Мы отправляемся к Сандеру. Немедленно.

Вчера должен был состояться мой бал-представление, после которого я становилась полноправной хозяйкой Фриастора. Бал был отменен, но переход власти состоялся. И я никому не позволю это оспаривать.

Мужчины поняли.

— Да, госпожа, — произнесли они синхронно и склонили головы.

А я облегченно выдохнула. Понятия не имела, где находится замок Сандера, и не была уверена, что смогла бы его найти. Зато теперь, с охранниками, все обстояло иначе.

Мой муж обитал в настоящей крепости, сложенной из светло-серого камня и окруженной вечнозеленым лесом с неровной, петляющей лентой серебристо-голубой речки, которая текла у его стен и бежала дальше, теряясь среди деревьев.

— Госпожа Тьяна, — произнес Гордиан Стенз, выходя навстречу, когда мы приземлились на небольшую площадку в центре неприступного замка. — Какой сюрприз. Чем могу вам помочь?

— Я хочу видеть своего мужа, — вручая поводья одному из охранников, заявила ему.

Солнце нещадно палило голову и спину, по которой противно текли ручейки пота. Путь занял всего полчаса, но вымотал страшно.

— Вам назначено?

Ну вот почему они все стремятся разбудить во мне стерву? Прощупывают, как далеко я могу зайти? Проблема в том, что я сама этого не знала.

— А мне должно быть назначено? — поинтересовалась язвительно. — Я его жена, если вы об этом забыли.

— Не забыл, но сейчас не самое лучшее время для визита. Я скажу Сандеру о том, что вы были здесь. Как только он освободится, обязательно вас навестит.

— Я достаточно ждала, господин Стенз. Так что можете не стараться, во Фриастор я не вернусь, пока не поговорю с мужем. Так где он?

— Вы ставите себя в неудобное положение.

— У меня любое положение удобное.

— Вы уверены, что хотите отвлечь Сандера от государственных дел в столь тревожный час? Давит на совесть и гражданский долг? Умно, но сейчас не сработает.

— Пара минут мир не изменит.

— Иногда достаточно и пары секунд.

— Вы отлично знаете, что сейчас не тот случай и я не уйду, пока не поговорю с мужем.

Вздыхнул, неодобрительно покачал головой:

— Прошу за мной, госпожа Тьяна.

Высокие ступеньки, длинные коридоры прохладного замка. Мы шли вперед, маневрируя между слугами и мужчинами в военной форме, пока не остановились у тяжелой двери.

Сердце забилось сильнее: «Он там...»

— Вы действительно несколько не вовремя, — произнес Стенз, останавливаясь у двери.

— Я всегда не вовремя, — грустно ответила ему, шагнула мимо кароссиканца, который тут же отступил в сторону, и решительно постучала.

Чтобы в следующую секунду отскочить — дверь неожиданно быстро открылась.

Сандер

«Дневник Крайгена из рода Каарха», — прочитал Ирил надпись на кожаном переплете старинной книги с пожелтевшими от времени листами.

Потом поднял взгляд на друга, который, откинув голову назад и разместив длинные ноги на низком столике, облокотился на спинку дивана, пытаясь хоть немного отдохнуть. Последние дни они почти не спали, и усталость давала о себе знать.

— С чего такой выбор для чтения?

— Хочу узнать природу кристалла и понять его функции, — отозвался Сандер.

— С чего это вдруг? — спросил сорджи, положив томик на место. — По-моему, твой предок все весьма детально расписал. И раньше проблем не было.

— Мы всего четвертая пара.

— И что из этого?

Ирил обошел друга и сел напротив.

— Я хочу понять, как он добился подобных результатов, почему выбрал и установил именно такие правила.

Они оба отлично знали, почему и для чего все это.

— Сандер, не надо. Только не сейчас.

— Знаю, что не сейчас, — ответил тот, выпрямляясь и потирая ладонью затекшую шею. — Но и забывать не намерен.

— Ты поэтому запретил потенциальным любовникам осаждать Фриастор?

— Потенциальным любовникам сейчас следует сосредоточиться на грядущей войне, а не на поисках путей в спальню моей жены! — отрезал мужчина.

Сорджи некоторое время изучал друга, а потом осторожно поинтересовался:

— Неужели это настолько серьезно? Неужели ради нее ты готов рискнуть всем?

— А ты? — глядя Ирилу прямо в глаза, спросил Сандер. — Ты на что готов ради той, которую любишь? Уже десять лет бегаешь от навязанных браков и отношений. Все пытаешься достучаться до ее сердца и не можешь.

За долгие годы друзья в первый раз подняли данную тему и теперь замолчали, не зная, как быть дальше.

— Да, я готов на многое, если бы мне только позволили, — кисло улыбнулся Ирил. — Но вопрос в другом. Ты когда успел влюбиться в эту девчонку?

Сандер вздрогнул, отвернулся, тяжело поднялся с дивана.

— Не знаю, — честно признался потомок Синего. — Когда-то мне казалось, что я уже любил, но ошибся. А сейчас эти чувства... они не похожи на прежние. Мне хочется спасти ее, защитить, скрыть от всего мира, сделать счастливой. Хочется, чтобы улыбка не сходила с ее лица, а в глазах всегда сияли радость и вера в завтрашний день. Мне очень многого хочется, но все так запуталось.

— И ты думаешь найти в записях прадеда хоть какую-то информацию? Но ведь сам кристалл подтверждает правила. Ты слышал его треск.

— Почувствовал. И не только я, — произнес Сандер, опершись бедрами о краешек стола. — Только в записях Крайгена откат описывается совершенно по-другому. Никакого треска и всего остального.

— Ты хочешь сказать, это было что-то другое?

Сандер неловко пожал плечами:

— Не знаю, но хочу понять. Кристалл не просто так отозвался, он что-то хотел сказать. Вот только что?

Сорджи задумчиво постучал пальцами по подлокотнику:

— Кто его знает. Ваш случай необычен. Вы оба слишком уникальны. Первый в истории сын дриады и единственная дриада с огненной кровью в комплекте с живительной магией.

— Тьяна не дриада.

— Потому что Эстрея не позволила ей стать дриадой. Не думал, почему жрица так поступила?

— Нет, — отрывисто бросил мужчина, явно не желая продолжать разговор, но сорджи был слишком дотошным и упрямым.

— Ты говорил с ней?

— Скорее, она говорила со мной, — грустно улыбнулся Сандер, вспоминая встречу, которая состоялась три дня назад.

— И как?

Он задумался, пытаясь разобраться в эмоциях, которые возникли после непростого разговора, и охарактеризовать их.

— Грустно, горько и противно.

Ирил кивнул, понимая, как тяжело сейчас другу.

— Чем больше я думаю, тем отчетливее понимаю, что боги жуткие шутники, — произнес сорджи и взглянул в окно. — Уже два часа прошло после отправки послания.

— Путь от порта до замка в среднем составляет два-три часа. Если передвигаться по земле.

— Ты ведь запретил им оборачиваться? — на всякий случай уточнил пернатый.

— Никаких оборотов на Кароссе! Не хватало еще, чтобы они народ перепугали. Их визит должен оставаться в тайне для всех жителей. Незачем нам разбираться еще и с этим. И так живем как на пороховой бочке.

— Как думаешь, что им нужно?

— Не знаю. В любом случае ничего хорошего, — ответил Сандер и вдруг застыл, развернувшись к выходу.

— Что? — Ирил тут же напрягся, подбираясь.

А мужчина уже спешил к двери. Легкий стук раздался, когда он взялся за дверную ручку.

Рывок и тишина.

— Сандер, — произнес Стенз, — прости за беспокойство, но тут срочно требуют аудиенции.

— Тьяна?

Его молодая хрупкая жена в легком дорожном костюме, с неуверенной улыбкой на губах и целым миром в глубине грустных глаз.

— Здравствуй. Разрешишь войти?

— Проходи, конечно. — Он тут же отступил в сторону, давая ей пройти.

Девушка шагнула вперед, но, увидев сорджи, замерла и тут же напряглась, словно готовилась дать отпор.

— Добрый день, господин Ирил.

— И вам не хворать, госпожа Тьяна, — отозвался тот, ухмыльнувшись. — Проходите, не стесняйтесь. Стенз, прикажи организовать что-нибудь съестное. У вас есть пожелания?

— Что-нибудь из морепродуктов и чай, — тихо отозвалась гостья.

— Вот и отлично. Вы присаживайтесь.

Ирил был сама любезность, что еще больше встревожило девушку. Каарх бросил на друга многозначительный взгляд. Он уже предупредил пернатого, что будет, если тот опять начнет доставать и нервировать его супругу.

— Спасибо.

Сандер закрыл дверь и взглянул на хрупкую фигурку жены, которая присела на самый краешек кресла.

Так хотелось обнять ее, притянуть к себе, утешить, пообещать, что все будет хорошо. Но он не мог. Пока.

— Простите, что помешала, — прочистив горло, начала Тьяна. Вид у нее был самый решительный.

— Что-то случилось? — поинтересовался Сандер, возвращаясь на диван.

— Это просто невыносимо — жить в неведении. Ты не приходил, информации мало, и она такая противоречивая. Неужели все так страшно?

— Война — это всегда страшно.

— Война, — прошептала она едва слышно, сжав кулаки. — Неужели этого нельзя избежать?

— Совсем скоро в замок прибудет посол от ящеров, — отозвался Ирил, внимательно наблюдавший за ней и отмечавший все изменения во внешности, которые произошли за то время, пока они не виделись.

Проклятие отступало, Тьяна не стала красавицей, выглядела серо и безлико, но отвращения больше не вызывала, особенно с этим таинственным блеском в глубине глаз.

— Ящеров? На Кароссе?

— Да. У них послание для меня от нового императора, — кивнул Сандер, недовольно нахмурившись. Он не хотел, чтобы друг упоминал об этом.

— Но почему ящеры?

— Империя сейчас под их властью, — ответил сорджи. — Ремаль отдал бразды правления своей матери, принцессе ящеров, а сам наслаждается титулом и медовым месяцем.

— Так это правда? — быстро спросила Тьяна, переводя взгляд на мужа. — Правда, что Ремаль и Этель сочтались браком?

Сандер кивнул:

— Да, правда.

— Но они же брат и сестра!

— Между ящерами из правящей династии практикуются такие браки для защиты чистоты крови.

— Но они не ящеры! — быстро произнесла девушка, а потом поправилась: — Этель точно нет.

— А у нее выбора не имелось, — ответил Ирил за друга.

— И что теперь будет? Что будет со всеми нами?

— Кристалл полон, — сказал Сандер. — Нам есть чем отражать удары.

В том, что удары обрушатся, они не сомневались, только не знали когда.

— Если я могу чем-то помочь, не важно чем, только скажите.

— Спасибо, — улыбнулся Сандер в ответ. — Но будет лучше, если ты вернешься во Фриастор. Мне так спокойнее.

— Подождите, — вдруг произнес Ирил, подаваясь вперед. — У меня есть идея.

— Какая идея? — непонимающе нахмурился мужчина.

— Тьяна должна присутствовать на нашей встрече.

— Я? — удивилась девушка. — На встрече с ящерами? Но зачем?

— Вот и мне интересно зачем. Не посветишь в свой план, дорогой друг?

— Они знают про нее. Знают, что Тьяна стала твоей женой, напитала кристалл, и живительную магию должны были почувствовать, хотя бы отголоски. Между прочим, там, у озера, до сих пор фонит.

— Ближе к делу, — вмешался Сандер, глядя, как розовый румянец залил щеки жены.
— Скрывать ее смысла нет. А вот показать, что она с нами, на нашей стороне, стоит.
— Это опасно.
— Не ври. Рядом с нами ей ничего не грозит.
— Я согласна, — вмешалась Тьяна, не давая продолжить спор. — Я готова присутствовать на этой встрече.

Мне действительно казалось, что я справлюсь и готова ко всему. Ведь это так просто — постоять с умным видом рядом с Сандером.

Но на самом деле все было намного сложнее.

Например, сорджи. Я никак не могла понять, с чего вдруг этот пернатый задира стал таким любезным, обходительным и внимательным. Даже взгляд изменился. Может, он головой ударился? Кто этих ветреных поймет, меняют свое мнение и поведение как захотят и когда захотят.

В любом случае расслабляться я не собиралась.

— Нет, нет, не сюда! — произнес Ирил, когда я собралась встать по левую сторону от огромного трона на высоком постаменте. — Немедленно принесите еще одно кресло. Это уже было сказано не мне.

— Но у нас есть лишь кресло амери! — ответил Стенз.

«Ну конечно, куда мне, просто жене, сидеть в кресле священной амери!»

Почему-то стало обидно, хотя ничего нового пожилой кароссиканец не сказал.

— Вот его и тащите! — радостно воскликнул Ирил, подмигнув мне.

Эффект из этого вышел совершенно противоположный.

— Что вы делаете? — прошипела я, спускаясь вниз и быстро подходя к сорджи.

Сандера не было — удалился по каким-то своим делам, может, переодеться. Мне тоже не помешало бы. Встречать посла враждебной Империи в дорожном костюме как-то не очень прилично. Вот только переодеться было не во что, все мои яркие кафтаны остались во Фриасторе.

— Готовлюсь к встрече. Кресло ставьте по правую сторону, — велел он слугам, которые с трудом смогли внести в зал кресло-близнец первого, только поменьше и поизящнее.

— Но зачем все это?

— Ты жена Сандера, и они должны видеть, какое место ты сейчас занимаешь на острове и в жизни мужа.

Значит, показуха. Давно надо было догадаться, а я такая наивная, что тошно.

— И какое же? — спросила насмешливо.

— Главное.

Я бы с этим поспорила, но времени не было.

— Они уже здесь! — произнес Сандер, быстро входя в зал в тех же штанах и кожаной жилетке.

Каблуки его ботинок громко застучали по полу, и эхо зловеще прокатилось по пустому пространству. — Тьяна, ты готова?

Как будто у меня был выбор.

— Да, — кивнула в ответ и попыталась улыбнуться.

Видимо, не вышло, потому что мужчина еще больше напрягся, но ничего не сказал.

Муж помог мне взойти на постамент и сесть в кресло, после чего занял свое. Ирил же легко взлетел и встал по правую сторону, рядом со мной.

— Разве вы не должны быть рядом с Сандером? — нервно уточнила у него.

Все-таки близость пернатого немного беспокоила.

— Он сам о себе позаботится, а вот тебя надо охранять, — ответил тот.

— Ирил прав.

Уж лучше бы они молчали, честное слово. Мне не было бы так страшно.

— Самое главное — держи себя в руках, — продолжил сорджи равнодушно. — Не поддавайся на провокации, ни на что не реагируй. И вообще старайся молчать.

— Поняла.

Язвить и спорить с ним не было никакого желания. Сандер почувствовал мое состояние и, взяв за руку, ободряя, слегка сжал ладонь.

— Мы справимся.

Именно наши сцепленные руки оказались первым, на что обратил внимание ящер, входя в зал. К сожалению, нам пришлось почти сразу разъединить их, но эффект уже был произведен. В зал вошли трое — полубогаженный посол и двое слуг, облаченных в белые одеяния, скрывавшие их тела и оставлявшие открытыми лысые макушки, которые были такими гладкими, что сверкали на солнце. Слуги, не поднимая голов, почтительно застыли у дверей. Меня они почти не заинтересовали, я полностью сосредоточилась на первом мужчине. А посмотреть имелось на что.

Это был истинный ящер. Высокий, худощавый, но не тощий, а скорее жилистый. С бронзовым телом, на котором кое-где выступали золотистые чешуйки второй ипостаси. Квадратное лицо, широкий лоб, приплюснутый нос, глубоко посаженные, чуть раскосые темные глаза с ярко-красным вертикальным зрачком и полыхающим в глубине пламенем зверя. Выбритые виски, украшенные татуировками в виде колючих терновых веток. Волосы собраны в длинный хвост, перевязанный алой лентой на затылке.

Тело облачено в широкие черные штаны, подпоясанные красным кушаком с бархатными нитями на концах. Сверху надет короткий распахнутый белый жилет, открывающий гладкую, безволосую грудь.

Он подошел ближе, остановился в пяти метрах от постамента, внимательно оглядел нашу троицу.

— Долгих лет, последний из рода Каарха. Долгих лет, ветреный сорджи, отмеченный печатью Воргун. Долгих лет, принцесса великого рода.

Ящер не внушал доверия. Пристальный взгляд заставил поежиться. Может быть, виной всему были рассказы, что сейчас ходили об этой кровожадной расе.

— Долгих лет, Аррат, — отозвался Сандер. — Далеко же тебя забросило от родного дома.

— Служба. Для меня честь снова видеть Волка и Сокола. Легенды о вашем походе до сих пор живы на моей родине.

Волка и Сокола?

Я бросила на мужа заинтересованный взгляд, но промолчала, а вот татуировку на плече вспомнила. И золотую птицу в волосах Ирила тоже не забыла. Интересная информация для размышления.

— Это хорошо, что помнят, — произнес сорджи. — Значит, ошибок будете совершать меньше. Хищные глаза вспыхнули, на теле заблестели новые чешуйки. Но ящеру удалось сдержать зверя.

— Четыре стихии, — вместо этого вдруг произнес он. — Каросс под хорошей защитой.

И что это было? Издевательство, намек или искреннее восхищение?

— Зачем ты здесь? — спросил Сандер.

— Власть в Империи перешла к Ремалю Первому. Через месяц в столице состоится коронация императорской четы. Повелитель желает видеть всех представителей своих провинций. Каросс является частью Империи и должен дать присягу Ремалю.

— Мы должны будем признать его право на трон, а переворот законным?

— Да.

Я застыла, ожидая ответа и готовясь к последствиям, которые непременно наступят позже.

— С каких это пор ящеры на побегушках у имперцев? — вдруг спросил мой муж.

А Аррат от неожиданности и гнева побелел. Губы сжались, ноздри раздулись, а чешуя дорожкой заблестела на груди.

Вот теперь точно не выдержит, сорвется, обратится, и тогда...

— Только дай мне повод, — зловеще произнес Сандер, подаваясь вперед, а я вздрогнула и неожиданно поняла, что совсем не знаю своего мужа. Он, оказывается, может быть жутким.

— У нас союз с новым императором, — успокоившись, ответил ящер.

— Империя испокон веков была вотчиной Сайрона. Коронация каждого повелителя традиционно проходит с использованием божественного огня. А насколько мне известно, огонь исчез сразу после переворота. Кто же теперь будет провозглашать и благословлять нового императора?

— Сайрон больше не главное божество. Ремаль Первый присягнул на верность нашему богу.

Я на мгновение закрыла глаза. Немыслимо, невозможно. Нет, сюрпризом подобное заявление не стало. Но легче от этого не сделалось.

— Каросс не признает Темного и никогда не признает, — ответил Сандер.

— Но вам придется это сделать.

Аррат неожиданно глубоко вздохнул и блаженно улыбнулся, закрыв глаза.

— Сила кристалла велика, — прошелестел он, — маленькая принцесса хорошо напитала его. Но ты один, наследник когда-то великого рода. Сумеешь ли выстоять против полчищ Темного?

— Сандер не один, — вмешался Ирил. — Сорджи всегда чтит древние заповеди. Потомки Воргунга не позволят Темному воцариться на материке.

— Наследник Желтого, — кивнул Аррат. — Но вас всего двое. И как бы вы ни были сильны, все равно остаетесь в меньшинстве.

— Как сказать. Когда-то двое смогли проникнуть в самое сердце священной горы ящеров, — напомнил Сандер. — Или ты забыл?

— Мы помним, — склонил голову ящер. — И вынесли из этого урок.

— Можешь рискнуть и направить флот Империи на Каросс, — подсказал сорджи.

— Идти на такое безумие? — рассмеялся Аррат, блеснув красными зрачками. — Стоит нам выйти из порта, и наследник Синего обрушит на нас шторм. Нет, имеются и другие способы склонить вас к сотрудничеству.

— Ты угрожаешь мне? — подался вперед супруг.

— Предупреждаю. Мир изменился, Сандер из рода Каарха. Тебе следует понять и принять это, а не идти против течения. Ты ведь последний, не рискуй всем ради бессмысленной войны.

— Передай Сойре, что она ошиблась.

— Как пожелаешь. Мое дело предупредить и предостеречь, но выбор за тобой.

— Вы должны покинуть Каросс. Немедленно.

— Будет исполнено, — усмехнувшись, ответил Аррат.

После их ухода наступила тишина, которую нарушил Стенз, войдя через боковую дверь.

— Будут приказы?

— Всю береговую охрану немедленно привести в состояние боевой готовности. Усилить патрули! — вскочив, крикнул Сандер. — Полный запрет на рыбную ловлю. Никому не выходить в океан!

— Понял, — ответил тот.

А на рассвете следующего дня к Кароссу прибыли кракены.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тьяна

— Я хочу помочь! — Уже в сотый раз я пыталась достучаться до своих охранников, которые неприступной стеной встали передо мной и не давали выйти.

— Не велено вас выпускать, — как заведенные, повторяли они уже успешную достать меня фразу.

— В больницах раненые, кракены нападают, а вы! — крикнула я и вздрогнула от очередного, ставшего таким знакомым за последние дни хлопка, который гулко разнесся по всему острову. Это означало лишь одно: на завесу снова обрушились морские чудовища.

— Боги, — простонала едва слышно, чувствуя, как застывает от страха сердце, и повернулась к окну, которое выходило на океан.

Не надо было смотреть, но не смотреть я не могла.

Погода на Кароссе за последние дни резко изменилась — постоянный сумрак, давящие темные тучи и полное отсутствие солнечного света. За исключением тех коротких мгновений, когда ветреный сорджи летел в бой, пронзая кракенов своими сверкающими стрелами.

Эти существа приходили каждый день, днем и ночью, по несколько раз, поодиночке или целыми группами. Обезумевшие, кидались на острые рифы и завесу, разбивались о защитные

ограждения, умирали, сраженные солнечными стрелами Ирила или разрубленные магическими плетями Сандера, но все равно шли.

Завеса была хрупкой и часто не выдерживала, несмотря на старания защитников, поэтому жертвы у кароссиканцев были. Я не знала их количество, но слышала разговоры стражников, когда они шептались между собой, думая, что их подопечная далеко.

Во Фриасторе остались лишь я, немногочисленные слуги, более многочисленные охранники, парочка смотрителей и грифоны.

Валенсия уехала еще в первые дни смуты. И теперь весь огромный замок принадлежал лично мне. А я сходила с ума от отчаяния и тягучей тоски.

Мне ведь только и оставалось — есть, спать и ходить из одной комнаты в другую. Самое удивительное, что спала я действительно много, и главное, при всем при том страшно уставала. Однажды даже умудрилась уснуть прямо в большой гостиной, свернувшись в комочек на неудобном кресле. Как же у меня потом болела шея, словами не передать!

— Вот что делает лень с людьми! — с досадой бормотала я.

Все мои попытки вырваться из этого замкнутого порочного круга ни к чему не приводили.

Сандер под угрозой неминуемой кары запретил выпускать неугомонную супругу из замка.

А за окном бушевал самый настоящий шторм. Волны поднимались до такой высоты, что дыхание перехватывало от ужаса. Сквозь темные воды то тут, то там виднелись щупальца очередного кракена, а чернильное небо взрывалось от ярких вспышек сверкающих стрел. Еще немного, и все кончится. Мы выстоим. Снова. Небольшая передышка перед новой волной атак.

— Передайте, пожалуйста, моему мужу, — произнесла, переводя взгляд на охранников, — что я так больше не могу. Его забота, несомненно, очень приятна, но я хочу помочь! Я могу помочь! Конечно, они не были виноваты, лишь исполняли приказ Сандера, но так хотелось сделать что-то нехорошее. Пытаясь унять взявшуюся непонятно откуда злость, я развернулась и уже собиралась уйти, когда внезапно меня позвали.

— Тьяна!

Ко мне спешил младший Ниардо. На его пути встала вездесущая охрана.

— Виттор?

Впервые за время нашего знакомства я была жутко рада его видеть. Даже забыла, на какой не совсем красивой ноте мы с ним расстались.

— Пропустите его! Немедленно! Опасности этот человек для меня не представляет.

— Я безоружен, — подтвердил молодой мужчина.

Ему все-таки позволили подойти ко мне, правда, стражники не отступали ни на шаг. Это уже начинало бесить.

— Здравствуй, — произнес Виттор, бережно взял меня за руки и поочередно поцеловал каждую.

— Здравствуй. Как ты здесь оказался?

— Пришел повидаться с тобой. Если позволишь.

— Ну конечно! Пойдем на террасу. Ты голоден? Я прикажу подать закуски...

— Не надо. Я ненадолго, — ответил он, продолжая держать меня за руки и разглядывать. — Ты изменилась.

— Все меняются, и я в том числе, — скупно улыбнувшись, ответила ему.

— Да, конечно. Я хотел извиниться за свое поведение...

— Не стоит, — перебила его.

— ...и попрощаться, — закончил Виттор.

— Прощаться? Почему?

— Я ухожу на укрепления. Сейчас. Вот выбрал минутку заехать сюда.

— На укрепления? На первую линию обороны?.. — пробормотала потрясенно.

— Да. Пришел мой черед послужить родине.

Я не знала, что сказать, какие найти слова для поддержки. Лишь неловко высвободила ладони из его рук, сжала его пальцы и прошептала:

— Вернись. Вернись живым и здоровым.

— Ты будешь ждать меня?

И взгляд прямо в душу, такой непохожий на недавний, презрительный и самовлюбленный.

Ниардо повзрослел, жаль, что такой ценой.

— Конечно, буду, — ответила я, проигнорировав двусмысленность вопроса. — Буду ждать и молиться богам.

— Спасибо. И еще раз прости, — произнес мужчина, прежде чем уйти.

Его шаги еще не смолкли в коридоре, а я, не разбирая дороги, бросилась в спальню, уже не в силах сдерживать рвущиеся наружу слезы.

Ночью пришла беда.

Резкое пробуждение, толчок в сердце, глухая боль и крик, застывший на губах: «Сандер!»

За окном бушевала гроза, сверкали молнии, разделяя небо на части, крупные капли били по стеклам, гремел гром. А я корчилась на кровати, пытаюсь не задохнуться от боли, пронзившей каждую клеточку моего тела.

«Сандер! Сандер! Как же так?..»

Надо было встать, но не получалось, я не могла себя контролировать. Тело изгибалось от боли, слезы текли из глаз, дыхание с хрипом вырывалось из легких.

«Вставай, Тьяна! Вставай!»

Для начала приподняться, чувствуя, как гудит в ушах, подползти к краю кровати, упасть на пол, прямо на мягкий ворс ковра. Свернуться в комочек, вцепиться в ворс руками и беззвучно кричать от боли.

В кровь искусанные губы, металлический привкус во рту и жалкая попытка встать. Руки подгибались, и я опять падала.

Но сдаваться было нельзя. И чем глубже я дышала, тряся отяжелевшей головой, тем легче становилось — боль уходила, но тяжесть никуда не делась, как и чувство потери.

«Сандер!»

С губ сорвался тихий стон и затерялся в раскатах грома. Я стояла на коленях, опираясь руками о пол, и раскачивалась из стороны в сторону, заставляя себя ползти дальше.

Хлопок и запах гари.

Меня схватили за плечи и затрясли. Кажется, кто-то кричал, но из-за шума в ушах я почти ничего не слышала.

Пришлось сосредоточиться, заставить глаза сфокусироваться на бледном пятне перед собой. Фриона.

Растрепанные волосы, торчащие в разные стороны, безумные глаза, полные нечеловеческой боли и ужаса, и крик, раздирающий сердце:

— Спаси его! Слышишь? — Она снова меня потрянула. — Спаси моего сына!!!

Вспышки перед глазами, словно свет и тьма устроили игру, пытаюсь завладеть моим сознанием, противный горький ком, подступивший к самому горлу. Затошнило, замутило со страшной силой.

Я упала на колени, прижала руку ко рту, дрожа и покрываясь липким потом с ног до головы, пыталась сдержать рвотные позывы. Зато в этом был один большой плюс — боль начала стихать, превратилась в неясный шум.

— Фриона? Что?.. Как?..

Сорджи. Его голос я бы узнала из тысячи, чтоб ему неладно было!

«Слишком громко!»

Мне хотелось зажать уши руками, но сил не было, оставалось морщиться и дрожать от нарастающей боли, которая вновь накатила безумной волной. Недолгой оказалась передышка.

«Сандер! Сандер!» — беззвучно шептала, силясь поднять голову, убрать с лица волосы.

Но меня не слышали.

— Ты зачем ее сюда перенесла?

— Она его вытащит! Я знаю, что вытащит! Живительная магия, — забормотала свекровь, но ее перебили:

— Нельзя, особенно сейчас, когда щиты спали. Слишком близко друг к другу!

— Ты что говоришь?! — взвизгнула Фриона. — Как ты можешь?!!

Сквозь гул в ушах я услышала, как застучали маленькие кулачки по сильной груди Ирила, который даже не пытался отстраниться или защититься.

— Сандер умирает! Мой сын умирает!!!

— Не умрет. Кристалл...

— Сошел с ума!!! Почти выпил из него все! — крикнула обезумевшая от горя женщина, захлебываясь слезами. — А ты! Ты позволяешь! Молча наблюдаешь, отказываешься от единственного шанса на спасение!!!

— Фриона, я прошу тебя, успокойся! — с болью в голосе произнес Ирил и наконец вспомнил про меня. — С ней-то что? После переноса должна была быстро прийти в себя.

— Не знаю, она была такой, когда я пришла.

Крепкие руки схватили за плечи, приподняли, заставили смотреть прямо в глаза.

«Сандер!» — вновь попыталась крикнуть я, но губы лишь беззвучно шевелились.

Зрачок Ирила становился все больше, пока не занял всю радужку, сделав ее совершенно черной и страшной. Я бы даже вздрогнула, если бы могла. А так была вынуждена просто смотреть, зачарованная темным блеском. Истинный потомок бога, такой же жуткий и могущественный.

— Невозможно...

— Что? Что случилось? — встревоженно вскрикнула Фриона, в голосе все отчетливее слышались истерические нотки.

— Привязка.

— Нет, ты ошибся. Не с ней...

— Но они связаны, — отрезал Ирил, продолжая изучать мое лицо, заглядывая в самую душу и выворачивая ее наизнанку. — Откат пошел. Щиты упали, и она все чувствует. Его чувствует... Потерпи чуть-чуть, девочка. — Это уже мне. — Сейчас станет легче.

И резко дунул в лицо.

На меня это подействовало, как ушат ледяной воды. Боль и тяжесть разом исчезли, а вместе с ними и силы. Мне многое хотелось сделать, например, спросить, что происходит, где Сандер и почему так больно? Но вместо этого я безвольно повисла на чужих руках, с трудом переводя дыхание.

— Все хорошо. Ты молодец, хорошо держалась. Сейчас отпустит. Воды хочешь?

Снова замутило, и я покачала головой, пытаясь сосредоточиться на пульсе, который гулко стучал в голове.

Меня усадили в кресло, но сорджи не спешил уходить, навис, как скала, положил руки на ноющие виски, массируя их. От прикосновений длинных пальцев кожу стало покалывать холодом, наступило долгожданное облегчение. Я не смогла сдержать слабого стога.

— Как она? Очнулась? Может приступит? — вмешалась Фриона.

— Где Сандер? — открыв глаза и впившись в Ирила немигающим взглядом, спросила я. — Где он?

— Здесь. — Мужчина отодвинулся в сторону, показывая на стоящую в углу кровать, а на ней...

— Нет! — всхлипнула я и закусила губу, пытаясь сдержать рвущийся наружу крик. — Нет!

На постели под тонким шелковым покрывалом лежал Сандер с открытой грудью, обмотанной белоснежными бинтами, на которых уже стали проступать красные разводы крови. Мужчина тяжело и хрипло дышал, грудь медленно поднималась и опускалась, капельки пота крупными бисеринками блестели на смуглой коже.

Он был без сознания.

— Спаси его! — вновь запричитала Фриона, упала передо мной на колени и болезненно вцепилась в руку. — Ты же можешь! Спаси!

— Что с ним? — глотая слезы, прохрипела я.

— Ранение пустяковое, должно было само затянуться, — глухо ответил Ирил. — Но вместо этого Сандер вдруг потерял сознание, началась горячка.

— Кристалл! Он его убивает, и мы ничего не можем сделать. Ничего!

— Это безумие, Фриона. Кристалл не будет убивать единственного наследника Каарха.

Никогда!

— Но тогда что? Что происходит?

— Я не знаю, — со вздохом признался Ирил.

— Пустите меня к нему, — привлекая к себе внимание, попросила я. — Я смогу помочь! Вы же знаете, что смогу.

— Ирил! — Фриона развернула мужчину к себе, крепко обхватила за плечи. — Позволь. Я все что угодно сделаю, слышишь? Я все сделаю, только спаси!

Не знаю, о чем именно она сейчас говорила и на что намекала, но сорджи это явно не понравилось. Лицо скривилось от боли, он подобрался и даже разозлился.

— Не надо идти на такие жертвы, Фриона, — неожиданно зло ответил мужчина. — И не переживай, я не буду спрашивать с тебя эту клятву. Тьяна, ты уверена, что сможешь?

— Мне уже лучше.

— Сократи прикосновения до минимума. Вы сейчас оба слишком уязвимы.

— Я понимаю.

— Мы не можем допустить, чтобы кристалл опустел.

Я снова кивнула и попыталась встать. С первого раза не получилось, снова закружилась голова, в глазах потемнело.

— Тихо, тихо, — Ирил успел подхватить меня на руки и бережно отнес к кровати. — Себя не забудь. Сандер мне этого не простит, — шепнул он еле слышно, прежде чем отпустить.

Вблизи муж выглядел еще страшнее: со впавшими щеками, выступающими скулами, которые казались такими острыми, что еще немного — и разрежут кожу, со ссадинами, почти черными на фоне бледной кожи, с сухими обескровленными губами.

Все поплыло от слез, которые снова выступили на глазах.

«Успокойся! Успокойся! Потом поплачешь! Сейчас не время. Надо вспомнить. Сандер тогда все объяснял».

Первым делом схватилась за кулон, который болтался на шее. Он должен был стать обжигающе горячим, я помнила. Но почему сейчас амулет холоднее льда?

«Ну же! Ну же! Давай! Отзывайся! Я должна спасти его!»

Но сила молчала и на призывы не откликалась.

«Пожалуйста... пожалуйста...»

Тишина.

Может, нужен телесный контакт? Пусть в прошлый раз порядок действий был другим, сейчас все иначе.

Я помнила просьбу Ирила сократить соприкосновения, поэтому положила руку на бинты, не касаясь обнаженной кожи мужа.

Сердце Сандера так слабо билось под ладонью, что стало страшно. Его жизнь виделась тонкой ниточкой, которая в любой момент могла оборваться, если я срочно что-нибудь не предприиму.

«Не позволю! Не отпущу!»

Глухо взвыла Фриона за спиной, забилась в руках Ирила, который бережно обнимал и прижимал ее к себе, гладил по голове, зарывался пальцами в рыжие волосы, губами собирал льющияся из глаз слезы.

Я не видела, но чувствовала, и это вселяло надежду, что для нас еще не все потеряно.

Наверное, я так старалась, что пропустила момент, когда мир вокруг стал меняться. Как и мое тело. Опустив взгляд, увидела: на руках загорелись и засияли желто-зеленые искорки, они медленно, но верно складывались в тоненькие ручейки, сбегаящие к дрожащим от нетерпения пальцам, а оттуда к Сандеру, расцветали прозрачным, хрупким солнечным цветком на окровавленных бинтах.

Отозвалась...

Любовь.

Именно она была самым главным при использовании живительной магии. Сейчас я отчетливо это поняла и запомнила.

Многое стало ясно. Поэтому магия отозвалась и тогда, в самый первый раз. Я любила Аргуса и всем сердцем стремилась спасти. Это стало отправной точкой, ведь впервые за столько лет я открылась. Сейчас сила тоже проснулась, хотя заставила понервничать.

Чувства переполненности не появилось, организм уже знал, как надо действовать, открывая каналы, выплескивая магию там, где она сейчас была так нужна. Не огромным толчком, который сносил все на своем пути, а понемногу.

Поэтому я не потеряла сознание, а замерла, зачарованно наблюдая за хрупким цветком, который расцветал все ярче, меняя состояние Сандера.

Или это был оптический обман, желание, которое я так отчаянно хотела принять за действительность? Я не знала. Но чем больше всматривалась в лицо мужа, тем отчетливее замечала изменения, которые происходили в нем. Даже ритм сердца изменился, с каждой секундой становился более четким и сильным.

«Ты будешь жить. Обязательно будешь жить! Я все сделаю для этого!»

Стоило мне так подумать, как внезапно услышала странный перезвон в голове. Словно сотни крохотных стеклянных колокольчиков заиграли на ветру, их звуки складывались в чарующую неповторимую песню. Мне хотелось оглянуться, найти источник шума, но пришлось сдержаться. Сначала надо было закончить с Сандером, а потом разбираться с непонятками. В конце концов, я так устала, что это могли быть слуховые галлюцинации.

Оказывается — такое счастье любить и говорить об этом. Пусть не вслух, а лишь через магию, но сейчас я признавалась Сандеру в своих чувствах. Рассказывала о том, как сильно люблю, как скучала каждую секунду вдали от него, как страшно ревновала ко всем, сходила с ума от мысли, что кто-то другой сгорает от его прикосновений.

Но любовь может быть не только счастьем, но и болью и ранит сильнее и больше любого ножа. Цветок из золотистого вдруг стал кроваво-красным и испугал меня до дрожи.

«Дура! Дура! Не надо так делать! Не надо было даже думать об этом!»

Он запульсировал, засверкал, расцветая и наливаясь прямо на глазах, потом вдруг разорвался на сотни крохотных осколков, которые моментально впитались в тело мужа, вспыхнув напоследок на смуглой коже.

Сандер вздрогнул, выгнулся, приподнимаясь, и практически сразу упал.

— Сайрон всемогущий, — выдохнула я, но руку с груди мужа не убрала.

Сердце билось ровно и четко — значит, волноваться, а тем более бояться, незачем.

А в ответ тихий стон и едва слышный шепот:

— Тьяна...

Оказывается, вот что мне нужно было для счастья — услышать свое имя из уст любимого мужчины.

— Я здесь, — ответила ему, не в силах сдержать грустную улыбку. — Я с тобой. Все будет хорошо. Обещаю.

Мужчина не очнулся, а я не смогла удержаться от небольшой шалости, решив взять своеобразную оплату за свой труд.

Коснулась подушечками пальцев своих губ, запечатлела на них поцелуй, затем дотронулась до его губ. Вот так вот. Больше мы себе позволить не могли.

— Я люблю тебя, — произнесла тихо.

Стеснения не чувствовала. Мне было все равно, пусть Фриона и Ирил стояли за спиной и все слышали. Какая разница? Своих чувств я стыдиться не собиралась. Любовь была настоящей, искренней и такой красивой, что молчание казалось кошунством.

— Все, — положив руки на колени, устало произнесла я, поворачиваясь к ним. — Я все сделала.

Как бы мне ни хотелось остаться с Сандером, но нужно понимать: истощенному организму требовался отдых. А мое бессознательное тело в ногах мужа не поможет.

— Спасибо, — стирая слезы, произнесла Фриона, шагнула ко мне, падая, схватила мои дрожащие ладони, прижалась к ним губами. — Спасибо тебе.

— Я не могла иначе. Вы же знаете.

— Знаю.

— Мне надо отдохнуть, — прошептала тихо, чувствуя, как от усталости стали слипаться глаза, и все тело вдруг онемело.

Хотела встать, а вместо этого начала заваливаться на бок.

— Осторожнее, — подхватив меня, мягко произнес Ирил. — Я отнесу тебя в свободную комнату. Тут их много.

— Спасибо, — произнесла в ответ, чувствуя необычное покалывание на лице. Словно я очень долго пролежала на солнце и обгорела.

Не помню дороги до комнаты, как уснула, тоже не помню.

Очнулась я уже днем.

Впервые за долгое время солнце ярко светило в окне, пели птицы, стало как-то легко и свободно, словно длительная осада наконец была снята.

Я села на кровати, быстро осмотрелась, пытаюсь понять, почему нахожусь в незнакомой комнате.

Всего пара мгновений, и события ночи ясно встали перед глазами.

— Доброе утро, — произнес Ирил, зависнув в воздухе и как-то странно меня разглядывая.

— Доброе, — прижимая покрывало к груди, ответила я, радуясь появлению сорджи. — Как Сандер?

— Пришел в себя пару часов назад и жаждет тебя видеть.

— С ним все в порядке?

— Да. Но небольшая слабость осталась, лекарь назначил постельный режим. Я снова взглянула в окно, где все дышало миром и покоем.

— Осада снята?

— Нет, кракены просто ушли в океан, подальше от границ острова.

— Почему?

— Завеса стала более мощной, не пускает их ближе.

— Мне казалось, что после ранения Сандера должно быть наоборот, — заметила я, переводя взгляд на сорджи.

— Так должно было быть, а вышло иначе.

— Значит, кристалл действительно почти выпил энергию Сандера и напитал завесу?

— Сложно сказать. Происходящее пока загадка, — ответил Ирил, продолжая разглядывать меня так, словно видел в первый раз в жизни.

Это нервировало.

— Почему вы так на меня смотрите? — спросила, не выдержав.

— Знаешь, теперь я могу понять его чувства.

— То есть?

А этот пернатый вместо того, чтобы ответить, взмахнул рукой, и у меня перед лицом оказалось совсем небольшое зеркальце, в котором...

— Сайрон всемогущий! — уже второй раз вспомнила я Красного бога.

Я даже икнула от неожиданности, коснувшись рукой незнакомого и в то же время знакомого лица.

— Будем еще раз знакомиться, прекрасная дриада?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Тьяна

Знакомиться пришлось не только с ним, но и с собственным отражением. Маленького зеркальца оказалось мало. Забыв о том, что на мне лишь тонкая сорочка и надо бы прикрыться, хотя бы для того, чтобы создать видимость приличия, я сползла с кровати и, пошатываясь, подошла к огромному ростовому зеркалу, которое висело на стене с правой стороны.

Отражение оставалось тем же самым. Красивая дриада с волосами цвета гречишного меда, живописными и аккуратными волнами (словно не было жуткой ночи, после которой на голове просто обязаны появиться колтуны) обрамляли хорошенькое личико со смуглой кожей, миндалевидными карими глазами, в глубине которых сияли зеленые искры, аккуратным, чуть вздернутым носиком и алыми, припухшими после сна губами.

Красива и незнакома.

Я не походила на мать, и точной копией отца меня назвать было сложно. Каким-то чудом умудрилась походить на обоих и сохранить собственную индивидуальность.

Словно глаз было мало, я подалась вперед, касаясь прохладной глади зеркала сначала подушечками пальцев, затем и всей ладонью.

Дриада по ту сторону зеркальной поверхности повторила все в точности. Я видела страх и растерянность в ее глазах, видела, как приоткрылись губы, словно она что-то хотела сказать и не могла.

Это была я. Настоящая я. Та, потерянная навеки. И это могло означать одно: проклятие снято.

Я рассмеялась. Сначала неслышно, но с каждой секундой смех становился все громче. Ноги подогнулись, и я сползла вниз, продолжая касаться зеркала, плача и смеясь одновременно. Не зная, чего во мне сейчас больше — радости или боли.

Еще надо было осознать новую информацию. Я не только любила — сильно, искренне и беззаветно. Еще я была любима. И это не притворство, не обман, не самовнушение, а правда. Я любила Сандера, а Сандер любил меня. И мы не могли быть вместе.

Вот она, ирония судьбы.

— Ты в порядке? — Ирил возник за моей спиной и накрыл плечи легким покрывалом с золотой вышивкой.

— Да. — Я благодарно кивнула, кутаясь в нежную ткань.

— Условия выполнены полностью?

Я не стала спрашивать, что именно сорджи имел сейчас в виду. И так понятно.

— Да.

— И что мне теперь с вами делать? — с тяжелым вздохом спросил Ирил, помогая мне подняться.

— Не знаю, — честно призналась ему и снова обернулась, рассматривая свое новое отражение.

— Мы бы были интересной парой, — вдруг произнес сорджи, заставив меня вздрогнуть.

Оба худощавые, стройные и какие-то неземные.

— Вы серьезно в это верите? — спросила я, выразительно приподняв бровь.

Коротко рассмеялся и кивнул:

— Ты права, мы слишком разные. Фриона приготовила для тебя одежду. Ты же не можешь ходить по дворцу в таком виде. Хотя, признаю, вид очень красивый.

Мужчина скользнул по мне внимательным взглядом, и я постаралась укутаться, спрятать обнаженные лодыжки — и залилась румянцем — то ли от смущения, то ли от гнева.

— Господин Ирил, не вы ли мне говорили, что не участвуете в интригах Каросса и в ухажеры ко мне набиваться не станете? Неужто смазливое личико изменило ваше решение?

— Нет. Скорее это личное, — спокойно отозвался он.

— И вы, зная о чувствах друга, все равно попытаетесь залезть ко мне в постель? — холодно и равнодушно спросила, подходя к кровати.

Там, на краешке, стопкой лежала чистая одежда.

— Ну уж нет, я хочу жить долго и счастливо и при этом быть здоровым. Так, просто в голову пришло.

— К сожалению, вынуждена вам напомнить, что не всегда все, что приходит в голову, должно отражаться на вашем языке.

Снова смех, на этот раз длинный и более искренний. Кажется, я забавляла сорджи, и чем дальше, тем больше.

— Хочешь побыть одна, привыкнуть к новому образу или пойдём к Сандеру? — поинтересовался мужчина.

Думала я недолго.

— К Сандеру.

— Хорошо. После завтрака или сейчас?

При мысли о завтраке меня снова замутило.

Кажется, обращение к живительной магии плохо сказалось на общем состоянии. Хорошо, что желудок пустой, а то сдержаться было бы крайне сложно.

— Нет, спасибо, есть я не хочу.

— Тебе не мешает восстановить силы.

— Позже, — стараясь не кривиться от новой волны отвращения, после которой меня замутило еще сильнее, отозвалась я.

— Сандер меня убьет, я не оказал должные почести его жене.

— Ничего. Я сама отказалась.

— У тебя десять минут на сборы, — произнес Ирил, прежде чем выйти и оставить меня одну. Только щелкнул замок, я опустила на кровать, взъерошила волосы и снова покосилась на зеркало.

А ведь красивая. Только вот что с этой красотой делать, какой толк от нее, если не можешь быть с любимым мужчиной?

«Сандер меня любит!»

Я упала на кровать с глупой улыбкой на губах, позволив себе несколько мгновений счастья. Можно было насладиться открытием и не думать о будущем.

«Меня любят! Любят! Настоящую! Ту, что была скрыта под уродливой маской проклятия!

Увидел, разглядел... нашел!»

Жаль, что все быстро кончается.

Кафтан, переданный свекровью, был красивого бирюзового цвета. Видимо, из старых запасов, когда Фриона еще не похоронила себя заживо в четырех стенах после смерти любимого мужа. Мне сложно ее судить. Случись такое с Сандером, сама не знаю, как поступила бы, смогла ли бы жить дальше?

Мы были примерно одного роста и одной комплекции, только грудь у меня неожиданно оказалась больше. Она с трудом влезла в одежду и теперь выпирала и грозила вылезти наружу. Пару минут я пыталась как-то разместить ее и, кажется, все-таки перестаралась, потому что грудь заболела и заныла, стала невероятно чувствительной.

Стук в дверь раздался внезапно и заставил меня вздрогнуть. Я тут же вытянулась, опустила руки по швам, нервно отозвалась:

— Войдите!

— Готова? — Сорджи просунул голову в небольшую щелочку и быстро меня оглядел. —

Отлично выглядишь.

— Мне бы причесаться, — неуверенно ответила я.

— Не стоит. Сандеру понравится.

— Правда?

— Уверен. А теперь пошли.

Идти к мужу было тревожно. Как он отреагирует на новый облик? Понравится ли ему? Никогда не думала, что красота может быть такой обременительной. Особенно когда каждый встречный так смотрит, что впору прятаться.

— Ты слишком нервничаешь, — заметил Ирил, шагая рядом со мной, когда я всерьез подумала вернуться в комнату и надеть на голову покрывало.

— Они так смотрят.

— Ты красивая. Дриады всегда привлекают внимание.

— Я не дриада, — раздраженно напомнила ему и с досадой прикусила губу, увидев очередного кароссиканца, который при моем появлении застыл с самым глупейшим видом.

И что? Так теперь будет всегда?

— Помню. Но твоя мать была дриадой, одной из самых красивых дриад. Твой отец тоже считался симпатичным мужчиной, логично предположить, что ты получила от них шикарную внешность.

— Я отвыкла от этого, — призналась ему.

— Привыкай. Проклятие больше не вернется. Вот мы и на месте, — останавливаясь у одной из дверей, произнес сорджи. — Я с тобой не пойду.

— Уже поняла, — ответила ему, внутренне радуясь, что посторонних при встрече не будет.

— Помни о кристалле и о кракенах. Сандер сейчас не может здраво мыслить, а после того как увидит эту роскошь, вообще потеряется, так что вся надежда на тебя.

— Буду иметь в виду, — ответила я и вошла в спальню.

Сандер ждал меня.

Сидел на кровати, прижимая руку к груди, свободной от бинтов и повязок (хорошо потрудились, даже шрама не осталось), и пристально смотрел на дверь.

Так что, стоило мне войти, я тут же попала в плен колдовских глаз цвета морской волны.

— Здравствуй, Сандер.

— Тьяна.

Дрогнул, нахмурился, подался вперед и сощурился, словно не верил своим глазам. При этом особо восхищенным мужчиной не выглядел, как и удивленным. На меня тут все особи мужского пола тарасились, сорджи флиртовать начал, а собственный муж, тот самый, мнение которого было сейчас так важно, выглядел немного удивленным, и не более.

Обидно.

— Да, — неловко улынулась в ответ, подходя ближе. — Это я.

Может, он так реагирует из-за стресса? Или я сильно бабахнула в него живительной магией и поэтому наступила заторможенность?

— Как ты? — делая еще один шаг, спросила у мужа, а тот задал встречный вопрос:

— Проклятие спало?

— Как видишь.

— Ты красивая.

Хоть что-то. Ему бы еще улыбнуться, сверкнуть глазами так, как он умеет, когда дух захватывает и ноги подгибаются, и все было бы просто замечательно. А то сидит и смотрит так, словно не знает, что со мной делать.

Нет, его понять можно. Я тоже не знаю, что с нами делать и как быть.

— Спасибо.

— Я уже видел тебя такой, — неожиданно признался Сандер, и я едва не споткнулась, сделав к нему последние два шага.

— Ч-что?.. Но этого не может быть. Как? Когда?

А с другой стороны, это объясняло его сегодняшнее состояние и некоторое равнодушие. Вот только это практически невозможно.

— Тогда, у озера.

— У озера? — пробормотала растерянно, чувствуя, как вспыхнули от смущения щеки. Что-то в последнее время я стала часто краснеть. — Ты видел меня тогда такой?

— Да, — кивнул Сандер. — Правда, не так четко, словно через дымку или сквозь туман.

— И поэтому ты меня поцеловал? — догадалась я. Стало немного обидно, хотя и понятно. Кто устоит перед красотой полуобнаженной дриады?

— Я поцеловал тебя, потому что хотел этого, — твердо и бескомпромиссно заявил муж.

Кажется, я задела чье-то самолюбие.

Сама виновата. Тут доказательства искренности чувств, как говорится, налицо, а я все копаюсь, придираюсь и пытаюсь найти подвох, боясь поверить в происходящее.

— Ты так и не сказал, как себя чувствуешь, — быстро произнесла в ответ, попытавшись сменить опасную тему, к обсуждению которой мы оба оказались не готовы.

— Твоими стараниями намного лучше.

— Я рада.

— Ты спасла меня.

— Мы с тобой вечно спасаем и защищаем друг друга, так что удивляться здесь нечему.

— Какими были условия снятия проклятия? — спросил Сандер, придвигаясь ближе и бережно накрывая ладонью мою руку, которая лежала на кровати, теребя бахрому покрывала.

Никаких разрядов по телу, томления и прочего, просто невероятное тепло, которое тут же согрело мое израненное сердце. А вот от пронзительного чисто мужского взгляда становилось все более неловко.

— Ты же сам знаешь ответ.

— Любовь.

— Взаимная и настоящая, — твердо ответила я, глядя мужу прямо в глаза и утопая в их омуте, теряясь и в то же время обретая себя: любящую и любимую.

— Ты ведь понимаешь, что это значит для нас?

— Что мы еще больше усложнили себе жизнь? — с горьким смешком спросила у него, разрывая зрительный контакт.

— Тьяна...

— Что вчера произошло? Почему кристалл так себя повел? И за счет чего увеличилась завеса? — Вопросы быстро срывались с губ и затихали в комнате, так и оставаясь без ответа.

— Ирил рассказал, — недовольно поморщился Сандер, взял мою ладонь в свои ладони, поднес к губам и согрел горячим дыханием озябшие пальцы (это несмотря на жуткую жару за окном!). — Ты замерзла?

— Скорее всего, последствия использования живительной магии.

— Ты не должна была так рисковать. Использование силы всегда опасно, а ты еще так неопытна.

— Поэтому ты запер меня в замке?

— Для твоей безопасности.

— Чтобы я сошла с ума от безделья?

Он странно глянул на меня:

— Я был уверен, что ты найдешь, чем занять себя эти пару дней. Наверное, стоило бы подумать, но не подумал. Так спешил обезопасить твою жизнь, что не подумал. В эти дни происходила зачистка имперцев. А позволить диверсантам добраться до тебя я не мог.

— Понимаю, тут еще и кракены. Почему они нападают, Сандер? Почему ведут себя как безумные? Ведь это нелогично, неправильно.

По его лицу видела, что отвечать на этот вопрос муж не хочет, но и врать не собирается.

— Они не по собственной воле делают это, — поглаживая мою ладонь, ответил Сандер.

— Разве ими может кто-то командовать? — не поверила я.

— А ты забыла сказки и легенды?

— Только не говори о пришествии Темного, наш мир этого точно не переживет, — фыркнула в ответ и тут же застыла, осененная неожиданной догадкой. — Наследник?

Те жуткие сказки-пророчества я тоже помнила: о приходе темного наследника, который обрушит мощь свергнутого бога на этот мир и утопит его в крови.

— Наследник. Полгода назад провели обряд призыва силы и, как видишь, он увенчался успехом.

Темный наследник, который может повелевать жуткими созданиями. А мне казалось, что хуже, чем было, быть не может.

— И что теперь?

— Его надо найти и уничтожить, пока не станет слишком поздно.

А вот это совсем плохо.

— И это должен сделать ты?

— С Ирилом.

Не знаю, каким чудом, но мне удалось сдержать рвущуюся с губ ругань.

— Нет.

Это было самое приличное, что я смогла из себя выдать.

— Сейчас завеса сильна как никогда. Не знаю, в чем причина, но для защиты Каросса этого хватит на пару недель.

— Это самоубийство. Вас всего двое против тысячи.

— На рожон мы не полезем, а все остальное, — мужчина усмехнулся, — мы уже однажды делали. Двое отчаянных глупцов, стремившихся к самому сердцу мира ящеров — священной горе.

Подалась к нему, коснулась свободной рукой сильного плеча, где темнела татуировка с изображением хищника, осторожно провела подушечками пальцев.

— Волк и Сокол?

— Волк и Сокол, — кивнул Сандер.

— Они будут ждать, зная, что вы не остановитесь.

— Возможно.

Я выпрямилась, сцепила пальцы в замок так сильно, что они побелели, и покачала головой:

— Это неправильно.

— Тьяна...

— Это неправильно! — еще громче повторила я. — Сандер, ты последний из рода Каарха, защитник Каросса. Ты должен жить, тебе еще надо наследника произвести на свет. Боги, я готова была простить ему амери, ребенка от другой, да все что угодно, лишь бы он был жив.

— Ты серьезно думаешь, что я смогу быть с другой?.. Теперь, когда мы...

Его лицо потемнело от гнева и боли.

— Нет никаких «мы», Сандер, — дрогнувшим голосом ответила я. — Чувства не в счет, по крайней мере сейчас, когда угроза ящеров и темного наследника так велика. Мы не можем рисковать.

— Тьяна! — прорычал мужчина, хватая меня за плечи и немного встряхивая. — Ты что такое говоришь? Что ты говоришь? Я люблю тебя! Понималась, люблю!

— Кристалл не позволит...

— В бездну кристалл и всех остальных, — выдохнул он, притягивая меня к себе и целуя.

Я на мгновение оторопела, обмякла, приняла агрессивную ласку. Сандер собственнически сминал мои губы, болезненно стискивал плечи, прижимал к себе. Правда, длилось это недолго.

Пара гулких ударов сердца, и я отозвалась. Сама потянулась к нему с тихим стоном, зарылась пальцами в волосы, отвечая на поцелуй. Не только брала, но и отдавала.

Это было какое-то сумасшествие.

Боль и горечь перемешались с тоской и страстью, образовав взрывоопасный коктейль из сильнейших эмоций и тающих надежд.

Еще немного, и все пойдет слишком далеко. Мы оба так долго ждали этого, что остановиться казалось безумием. Я царапала его плечи и спину короткими ноготками, подставляла шею для поцелуев. Кусала губы, пытаюсь сдерживать рвущиеся стоны.

И лишь когда в голове раздался жалобный звон, остановилась, вспомнив слова сорджи.

— Сандер, — выдохнула слабо, упираясь ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя, хотя руки хотели обнять и никогда не отпускать, — не... надо... ах!

Губы наклонились к груди, сквозь ткань кафтана нашли горошинку соска, прикусили ее, лаская и посылая по моему телу разряды наслаждения.

— Сандер.

Звон становился все громче, агрессивнее, он был предупреждающим.

Нельзя. Только не сейчас!

— Пусти. — Я почти плакала.

В дверь забарабанили и только каким-то чудом ее не выбили. Кажется, я видела какое-то свечение, наверное, магическая защита.

— Сандер! Не смей! — раздался громоподобный крик Ирила.

И тут случилось нечто странное и невероятное — меня ударило силой! Чужой силой. Это было не больно, а очень даже приятно и невероятно... вкусно.

Тихо охнув, я выгнулась, дрогнула и упала в обморок, обмякла в руках оторопевшего мужа.

Очнувшись я быстро, всего через каких-то двадцать-тридцать минут. Но этого хватило, чтобы Сандер поднял на уши весь замок и притащил ко мне лучшего лекаря.

— Добрый день, госпожа Тьяна, — радостно приветствовал меня невысокий старичок с лысой макушкой и шикарными седыми бакенбардами. — Вы, наверное, меня не помните?

— А должна? — буркнула я, забыв поздороваться.

Я сидела на кровати, на которой всего полчаса назад с самозабвением целовалась с любимым.

— Именно я осматривал вас после обряда несколько недель назад, — ответил тот непринужденно.

— Понятно, — ответила ему и подтянула к себе колени, настороженно глядя на старичка, который сел на краешек кровати и с улыбкой меня рассматривал. Значит, это он тогда подтвердил факт свершения обряда и мою неполноценность. — Вы знаете, мне уже лучше, осмотр не нужен.

Но тот даже не отреагировал, только предвкушающе потирал руки.

— Ваш муж очень переживает.

— Это просто усталость, — парировала я.

Не хочу, чтобы меня осматривали. Не хочу, чтобы трогали.

— А мне сказали, что в вас ударило чужой силой.

О да, ее вкус я до сих пор помнила. Теплоту и нежность, которые разлились по телу, тоже.

— Случайность.

— Конечно-конечно, — закивал старичок, сверкая лысой макушкой. — Но осмотреть вас я должен, таков порядок и приказ вашего мужа. Он как раз волнуется за дверью.

— Но...

— Расслабьтесь. Вы слишком напряжены, госпожа. Ложитесь на спинку, ручки лучше вытянуть вдоль тела. Раздеваться нет необходимости. Это не займет много времени, я просто должен убедиться, что чужеродная магия не навредила вам.

— Но я же очнулась, — заметила, выполняя его просьбу.

— Может быть, это отсрочка. Магия Синего опасна и непредсказуема, как сам океан. Сегодня добрый, с нежным бризом, а завтра уже злобный, обрушивающий свою мощь в виде шторма.

— Понятно, — кивнула я и глубоко вздохнула, призывая себя успокоиться и разглядывая потолок над головой.

Сначала все шло хорошо.

Лекарь меня не касался, лишь водил вдоль тела ладонями, от которых шло мягкое ненавязчивое тепло. Все должно было закончиться быстро, если бы он вдруг не застыл.

Снова поводит по телу и опять замер.

— Что-то не так? — Я перевела взгляд с потолка на старика.

Лекарь как-то странно и подозрительно изучал мой живот.

— Как вы себя чувствуете, госпожа? — вдруг спросил меня пожилой мужчина, подняв светлые, почти белесые глаза.

— Хорошо, — настороженно ответила я, пытаюсь понять, что произошло.

Неужели сила Сандера действительно так плохо на меня повлияла и образовала внутри своеобразную воронку, готовую в любой момент взорваться?

— Головокружение, слабость, сонливость, тошнота? — быстро перечислил старичок.

— Есть немного. Но это переутомление, усталость, общее тревожное состояние. А в чем дело? — спросила я и поморщилась, услышав в собственном голосе истерические нотки. Кажется, я ударились в панику. Но кто бы не ударился на моем месте?

— Ничего-ничего, — поспешил успокоить меня лекарь. — Вы, главное, не волнуйтесь. — И неожиданно добавил: — Хотите морепродуктов? Креветок? Мидий? Омара?

Вот пока он не сказал — не хотела. Меня даже слегка подташнивало. А тут внезапно рот наполнился слюной, которую пришлось срочно сглатывать, чтобы не захлебнуться, и так жутко захотелось омарчика, пусть даже самого маленького.

— Хочу, — призналась со вздохом.

А мужчина неожиданно улыбнулся, встал и быстро направился к двери.

— Вы куда? — опешила я, приподнялась и оперлась на локти. — Что происходит?

— Минуточку-минуточку, — произнес лекарь, нырнул за дверь и почти сразу появился вместе с Сандером и Ирилом.

Я быстро села, растерянно рассматривая мужчин.

Муж тут же бросился ко мне, присел рядом, взял за руку.

— Ты как? — В глубине глаз плескалась вина.

— Хорошо, — совершенно искренне и правдиво ответила ему, стараясь успокоить.

И ведь не солгала, мне действительно было хорошо. Словно его магия напитала меня и восполнила запасы энергии, которые я потратила, спасая мужа.

— И что это было, господин Жарнир? — спросил Ирил, застыв чуть в стороне. — Ее так ударило энергией Синего, что я думал, сожжет заживо, останется один пепел.

Я вздрогнула. Хороши перспективы, ничего не скажешь.

— Ирил, — предупреждающе произнес Сандер.

Тот ухмыльнулся и пожал плечами.

— Я сказал правду. Когда ты в меня ударил силой в десять раз меньше, я потом сутки встать не мог. А тут ничего, подозрительное везение.

— Разве такое возможно? — спросила удивленно.

— Что с ней? — тут же уточнил Сандер.

— С госпожой Тяной все хорошо, — со странной, предвкушающей улыбкой произнес лекарь. — Ваша сила не причинила ей вреда, наоборот, восполнила все энергозатраты, которые она произвела, спасая вашу жизнь.

Значит, собственные чувства и ощущения не обманули.

— Это невозможно, — покачал головой муж. — Сила подчиняется лишь Каарху, никак иначе.

Для остальных это смерть.

— Вот именно! — радостно воскликнул старичок, причем так громко, что я подпрыгнула на кровати. — Именно! Лишь Каарху!

— Кажется, я запутался, — вставил Ирил, нахмурившись. — Потому что совершенно ничего не понимаю.

— Ну что же тут непонятного. Магия Синего стремилась улучшить условия развития и существования своего потомка!

— Вы что, хотите сказать, что я потомок Каарха? — произнесла скептически. — Так это невозможно.

— Нет, не вы. — Театральная пауза. — А ребенок, которого вы носите под сердцем!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Тьяна

— Ребенок? — с нервным смешком переспросила я. — У меня? Это невозможно.

В возникшей тишине голос звучал необычайно громко и как-то незнакомо.

Сорджи глубоко вздохнул и тут же резко выдохнул вместе с совершенно неприличным ругательством, от которого я непременно покраснела бы, если бы не была так взвинчена. После чего опустил в ближайшее кресло, разглядывая меня так пристально, что кожу начало пощипывать.

Сандер молчал, но вид у него был такой, что уж лучше бы что-то сказал.

— Невозможно, — кивнул тем временем лекарь. — И я бы первый вам сказал об этом. Ведь именно я осматривал вас после обряда. Вы были высушены, выпиты.

— Ты уверен, Жарнир? — глухо спросил Сандер, и я вздрогнула.

— Вы бы тоже почувствовали, если бы проверили. Закройте глаза, коснитесь.

Муж повернулся и, не глядя мне в глаза, накрыл широкой, неожиданно горячей ладонью мой живот.

Я замерла, задержав дыхание, боясь даже шевельнуться. Отказываясь верить, потому что, если это ошибка... то будет больно. Так больно, как никогда.

Рука дрогнула, жар стал еще сильнее.

Тишина достигла апогея, еще немного — и взорвется, выплеснет наружу страх, сомнения и ожидания.

— Живительная магия, — хрипло пробормотал Сандер, поглаживая мой живот. — Я должен был догадаться. Она исцелила тебя.

Тяжело сглотнула, чувствуя, как на глаза выступили слезы.

— Сандер...

— Я слышу его сердце. Такое быстрое, — продолжил он тихо. — Невероятно. — И повернулся к сорджи, приказав: — Сообщи всем, что я нашел свою амери. Каросс получит наследника.

Тихий всхлип.

Мой всхлип и слезы, пробежавшие по щекам.

— Так, стоп! — неожиданно подал голос Ирил, легко вскочил и на мгновение завис в воздухе. — Жарнир, ты не мог бы нас оставить? Надо поговорить.

— Конечно, — тут же засуетился лекарь. — Госпожа Тьяна, вам стоит побольше отдыхать, поменьше нервничать, а также сократить расход живительной магии. Прогулки на свежем воздухе, витамины, фрукты, овощи и конечно же морепродукты. Ваш будущий сын — Каарх, они все любят морепродукты.

— Поняла, — ошарашенно ответила я, все еще не веря в то, что все это мне не снится.

Казалось, открою глаза, и все станет по-прежнему: душная комната с яркими стенами и пестрыми красками, пустая холодная постель и одиночество, разъедающее душу.

— Я прослежу, — кивнул Сандер.

Его ладонь все еще лежала на моем животе. Видимо, не только я пребывала в состоянии шока. Муж тоже боялся спугнуть это хрупкое счастье и продолжал вслушиваться в сердцебиение нашего ребенка... нашего сына.

— Вот и ладненько, — схватив саквояж, лекарь, сияя, вышел из спальни.

Лишь только дверь за ним закрылась, сорджи, который от нетерпения едва не подпрыгивал, быстро произнес:

— Я вас поздравляю, искренне рад. Наследник, особенно в такое время — это потрясающая новость. Но давайте не будем спешить. Не стоит забывать, кто такая Тьяна, надо помнить все обстоятельства вашего брака.

— Выбирай выражения, — ответил Сандер, притягивая меня к себе и обнимая.

Нам даже не надо было ничего говорить. Сейчас так хотелось просто помолчать, наслаждаясь новым состоянием и удивительным чувством единения.

А еще страшно хотелось остаться вдвоем, без всяких вредных летунов. Коснуться любимого лица, ощутить прикосновения нежных губ и насладиться счастьем.

— Она огненная, — упрямо продолжил Ирил. — По крайней мере, была ей до ритуала. Риск отката никуда не делся.

— Кристалл принял ее, напитал силой. А такого не было никогда до этого. Ни разу он не отзывался и не помогал амери выносить наследника. Какие тебе еще нужны доказательства?

— Вот именно, кристалл ведет себя непривычно, странно, — ответил Ирил и рассеянно потер затылок. — От вас сейчас так много зависит.

— Крайген ошибся. Тогда такое время было, требовалось спешить. Он просто не предусмотрел всего. Тьяна другая. Первая дриада с огненной кровью. Единственная за столько лет с живительной магией.

— Я знаю, что другая, — согласился сорджи. — Но это не объясняет, почему кристалл вчера чуть тебя не убил.

Я вздрогнула, и Сандер сильнее прижал меня к себе, целуя в макушку.

— Все хорошо, — шепнул мужчина еле слышно. — Со мной все хорошо.

— С тобой все хорошо лишь благодаря ей.

— Ирил прав, — вмешалась я. Просто в какой-то момент надоело, что обо мне говорят в третьем лице. — Происходит что-то странное. С магией, кристаллом, со всеми нами. Раньше такого не было. Раньше живительная магия часто появлялась у дриад, а сейчас проявилась у обычной смертной.

— Ты не обычная, — вмешался Сандер, но я покачала головой:

— Обычная. Пройти третий круг мне не дали. Я человек. Была им, по крайней мере. А человек не может обладать живительной магией. Валенсия рассказывала о том, что пламя Сайрона выбирало наследника и будущего императора, но повелители неоднократно шли против воли богов, — продолжила я.

— Валенсия? — переспросил сорджи заинтересованно. — Надо будет расспросить ее подробнее.

— Теперь пробуждение темного, — продолжила я. — Если действительно такое стало возможно и наследник обрел силу, это случилось впервые за сотни лет.

— Мир меняется, — произнес Сандер задумчиво, повторяя фразу, сказанную послем ящеров. — Снова.

— И почему именно сейчас? — поморщился Ирил.

— Потому что мы нарушили заветы богов, — неожиданно ответила я. — Все. Сандер — сын дриады, а у них не может быть сыновей. Сюда же можно отнести и Эстрею.

— А при чем тут Эстрея? — спокойно спросил супруг.

— Она знала, что я должна занять ее место. Именно я должна была сместить ее с трона и стать следующей жрицей. Еще одно нарушение воли Древа.

Ирил присвистнул:

— Вот же хитрая с-с-стерва.

— Именно поэтому она не пустила тебя на третий круг? — догадался Сандер.

— Да, нашла повод. Теперь ты. — Я ткнула пальцем в сторону летуна. — Вы, сорджи, плодовиты, считается, что дети отмеченного Воргуном наследуют его силу и мощь.

— И что? — нахмурился тот.

— Сколько тебе лет, Ирил?

— А какое это имеет значение?

— Тьяна намекает на то, что ты давно уже должен был исполнить завет Желтого — сесть на трон, жениться и произвести на свет от трех до пяти сыновей, обладающих силой ветреного бога, — ответил Сандер, — и тем самым усилить свои позиции в нашем мире.

— Это — три. Попраirie воли Сайрона и возведение на трон слабого наследника — это четыре. Мы сами загнали себя в ловушку. Сами позволили темному возродиться. На это и мог отреагировать кристалл.

— Он тоже стал меняться и подстраиваться, — вставил Сандер.

— А ведь в этом что-то есть, — задумчиво ответил летун. — Но бежать и жениться я пока не собираюсь.

— Тебя никто не заставляет, — рассмеялся муж и вдруг застыл.

Взгляд застекленел, зрачок исчез, глазное яблоко стало ярко-голубым.

— Что? — выдохнула я тревожно. — Что происходит?
— Успокойся, — вмешался Ирил, пока я не впала в истерику и не начала тормошить окаменевшего супруга. — Это транс. Никакой опасности.
— Корабль имперцев, — глухо произнес Сандер.
— Вышел из порта?
— Нет. Уже в пути, подходит к Кароссу.
Вот и новая беда. Мне осталось лишь молчать и слушать.
— Как подходит? Быть такого не может! Почему ты не почувствовал?
— Его скрыли. Божественная магия.
— А почему они сейчас показались?
— Просьба о помощи. Впереди кракены, им не пройти к острову.
— Ты собираешься им помогать?
— Собираюсь, — ответил Сандер, закрыл глаза, тряхнул головой и снова стал самим собой.
— Объяснить не хочешь? — не отставал сорджи.
— Это не просто корабль с воинами. На борту находится Око Сайрона. Именно его мощь скрыла их от меня.
— Невозможно, — вмешалась я. — Это артефакт императора, который передается наследнику как защита Красного.
— Он и попал к наследнику.
— Ремаль плывет сюда? — испуганно выдохнула я.
— Нет, — неожиданно улыбнулся Сандер. — Это не Ремаль.
— А кто? — нахмурился Ирил.
— Истинный наследник Империи и последний хранитель огненной крови.

Прошло уже почти двадцать часов с того момента, как Сандер и Ирил, оставив меня под усиленной охраной, отправились спасать наследника Империи. Двадцать часов тоски, ожидания и страха.

Я старалась не волноваться, не думать о плохом, мне же теперь нельзя нервничать, но страх не уходил, он холодной змеей сковал сердце, отравил сознание.

Ребенок.

Я то и дело касалась своего живота, пытаюсь осознать эту новость, поверить и принять. Мне страшно было закрыть глаза и лечь спать.

А вдруг проснусь — и все это окажется сном?

Еще пару дней назад казалось, что моя жизнь пуста, сера, ужасна и изменить это ничто не сможет. Испытания одно за другим валились на плечи. А теперь все так резко и неожиданно изменилось, что поверить было страшно и невыносимо трудно.

Прежде чем уйти с другом, Сандер подхватил меня на руки, закружил, стал целовать в нос, щеки, лоб, глаза, губы. Быстро, нежно и невесомо, вызывая слезы и смех.

— Люблю тебя, — шепнул мужчина и застыл, прижимаясь лбом к моему лбу, потом добавил тихо: — Вас люблю.

Я несмело улыбнулась, касаясь ладонью небритой щеки.

Как много хотелось сказать, сколько поведать, но времени не было.

У нас опять не было времени. Несправедливо!

— Возвращайся.

— Обязательно. Мне теперь есть ради кого сражаться и бороться. Ты только береги себя.

Обещай.

Кивнула, зачарованная серебряными бликами в глубине глаз.

Быстрый поцелуй, крепкие объятия и неожиданная пустота, за которой последовало напряженное ожидание.

А поздно вечером, почти ночью, когда я сидела в комнате и не могла уснуть, весь остров внезапно озарился яркими разноцветными фейерверками, зашумел громкими криками, радостными воплями, что едва не довело меня до нервного срыва.

Я тут же бросилась на балкон и застыла у перил, зачарованно смотря на праздник, который шел по всему Кароссу.

— Это в твою честь, — тихо произнес женский голос за моей спиной, заставивший меня вздрогнуть и резко обернуться.

— Вы?

— Прости, не хотела тебя пугать, — улыбнулась женщина, подошла ближе и стала рядом. — Красиво, правда?

— Красиво, — ответила я, переводя взгляд на темное небо, которое сейчас сияло разноцветными огнями фейерверков.

— Ты подарила всем надежду, когда думалось, что уже ждать нечего.

Что я могла на это ответить? Помолчала и просто кивнула.

Жаль, что здесь, за высокими верхушками деревьев, не видно океана. Мне казалось, что станет легче, если я буду видеть его и знать, что Сандер там и с ним все хорошо.

А еще я совершенно не представляла, как себя вести с этой женщиной. Вроде помогла мне с Эстрей, выручила, и поговорили мы тогда нормально. Но почему от нее веет такой холодностью и неприступностью? Не устраиваю в качестве невестки и матери внука? Так поздно уже, и от своего я отступить не намерена.

— Я не поздравила тебя. Прости. Мне сообщили лишь недавно, — произнесла вдруг свекровь, опираясь локтями о каменные перила и подставляя лицо свежему ветерку.

— Ничего страшного, я сама еще не верю.

— Хорошо, что ты не дриада. И в то же время не совсем человек. Ты сможешь сделать Сандера счастливым.

— Я постараюсь.

Фриона глянула на меня, осматривая и изучая, хотя в темноте это было сложно сделать. Свет из спальни освещал лишь половину лица, создавая на другой причудливые тени.

Я ведь уже забыла о своем новом лице.

— Красивая, — подытожила она после осмотра.

— Спасибо, — ответила я.

Женщина говорила искренне, но почему так холодно? Я не могла понять. То, что она отинула земные блага и стала жить затворницей, понятно, но куда делись чувства и эмоции? Она словно вымерзла внутри, покрылась тонкой ледяной коркой.

В голове проскользнуло что-то знакомое, какая-то мысль, важная и нужная, но я никак не могла ее поймать. Тем более что меня вновь отвлекли.

— Мне не стоило рисковать тобой, — продолжила Фриона. — Но я не могла иначе. Ты сама это скоро поймешь. Материнские чувства слишком сильные. А Сандер — это все, что у меня есть... все, что меня держит.

— Вам плохо? — вырвалось у меня, слишком уж безнадежным показался ее взгляд.

— Нет. Хорошо. Сейчас хорошо. — Она подошла ближе — бледная тень когда-то красивейшей женщины. Взяла меня за руки и осторожно сжала. — Береги его.

Это насторожило меня еще больше.

— С вами точно все в порядке? — спросила, сжимая в ответ ее ладони, не давая уйти, спрятаться, укрыться за маской отчужденности.

— Да, — улыбнулась женщина. — Тебе не стоит волноваться. Особенно сейчас.

Внизу вновь раздался смех и радостные крики, зазвучала музыка. Служащие замка тоже праздновали мою беременность.

— Они будут гулять до рассвета, — пояснила Фриона, заметив мой взгляд, брошенный вниз. — А тебе стоит отдохнуть, а не стоять здесь.

Я кивнула, но уходить не спешила.

— Они долго.

Свекровь сразу поняла, о ком я говорю.

— Не переживай. Все будет хорошо. Еще рано. Сандер вернется к тебе. Обязательно вернется, теперь у него есть цель.

— Мы даже толком поговорить не успели. Еще этот кристалл, — неожиданно выдохнула я, чувствуя невероятную потребность высказать свои тревоги и страхи хоть кому-то.

— Кристалл принял тебя.

— Хотя и не должен был. Все так запуталось.

— Не стоит заикливаться на том, что было, надо думать о том, что будет, — посоветовала Фриона. — Все изменилось, стало другим.

— Новые правила, — согласно кивнула я и добавила: — Проблема в том, что мы еще в них не разобрались. А вдруг что-то пойдет не так? Теперь еще легендарное Око Сайрона и наследник. Сандер сказал, что это не Ремаль, но тогда кто?

— Тот, кого приняла главная святыня Красного бога. Теперь понятно, куда делся священный огонь из храма. Не переживай, Сандер знает, что делать, и на необоснованный риск просто так не пойдет.

— В отличие от Ирила, — хмыкнув, заметила я.

Фриона кивнула, пряча взгляд. Кажется, какая-то эмоция или ее тень промелькнула на ее холодном лице.

— Он, как и все сорджи, непостоянный, независимый и ветреный. К сожалению, с возрастом это не проходит, даже усиливается. А тебе действительно надо отдохнуть, — вновь повторила свекровь, но уже более решительно.

Я вернулась в покои, легла в постель, укрылась легким покрывалом и обняла подушку, которая хранила аромат Сандера, но уснуть не могла долго, смотрела на тонкую фигурку женщины, которая продолжала стоять на балконе, устремив свой взгляд в бесконечность.

Что-то все сильнее не давало мне покоя, но я никак не могла понять что. Ответ пришел неожиданно.

Мне снился второй круг посвящения в дриады и мама.

— Не каждая встречает того, ради которого готова отказаться от вечной жизни. Любовь и влюбленность — разные вещи. А для рождения дочери хватит и второго.

— Но ты любишь папу? — допрашивала ее я.

— Люблю, — рассмеялась она, обнимая меня и прижимая к себе. — Больше жизни люблю.

— Но тогда почему они тоже не могут подождать? Надо лишь встретить своего единственного, такого, как папа.

— Понимаешь, в чем дело, милая, — ответила мама, поглаживая меня по кудряшкам. — Нам тянуть тоже нельзя. Дриада должна родить дочь до достижения определенного возраста, иначе сердце ее остынет и она заледенеет.

— Замерзнет? — ахнула я, прижимая ладошку ко рту. — Станет льдинкой?

— Почти. Обратится в камень. Видела красивые статуи у священного грота? Это заледеневшие дриады, отказавшиеся от любви. Учение Древа — это жизнь и любовь. Мы не можем без чувств и должны их испытывать, одаря любовью свое дитя.

— А как же жрица?

— Ее хранит сила, но и ее жизнь не вечна.

— Но ведь так страшно — замерзнуть и умереть.

— Каждая из нас выбирает свой путь, и те дриады выбрали свой. Нам остается лишь принять его...

Проснулась я с тяжелым сердцем и тревожно огляделась. Наступило утро, в спальне, кроме меня, никого не было.

Устроившись поудобнее на мягких подушках, я вновь и вновь прогоняла воскресшие в памяти воспоминания. Неужели с Фрионой происходит то же самое? Но ведь это неправильно, у нее же есть ребенок.

Кажется, я опять запуталась, или мир изменился куда больше, чем мы предполагали.

Проглотить завтрак себя буквально заставила. Тошноты не было, но чувство тревоги начисто лишало аппетита. Поэтому я долго ковырялась в тарелке, гоня по кругу жирных креветок в нежном соусе.

Никогда не думала, что буду завтракать, обедать и ужинать морепродуктами и при этом не морщиться от отвращения. Но, видимо, ребенку еда действительно нравилась.

— Новостей нет? — уже, наверное, в тысячный раз спросила Рейну, которая прибыла из Фриастора.

— Пока нет, госпожа, — сочувственно покачав головой, ответила девушка и тут же спросила:

— Хотите еще чего-нибудь?

Ее стремление накормить меня так, чтобы еда из ушей лезла, вызывало легкое неудовольствие. А мне терпеть еще месяцев восемь. При мысли, что дальше забота может стать еще более удушающей и раздражающей, стало еще грустнее.

— Нет, спасибо, ничего не нужно, — откладывая в сторону столовые приборы, ответила я и потянулась за холодным чаем в запотевшем стакане.

— Желаете полежать?

Поддавив тяжелый вздох, взглянула на служанку, мысленно в сотый раз напомнила себе о том, что она не виновата в моих печалях и срываться не стоит.

— Сейчас десять утра, — вежливо и спокойно ответила ей. — Я проснулась полтора часа назад и пока не хочу спать.

Сама мысль об этом казалась абсурдной, но, видимо, лишь для меня.

— А просто полежать, отдохнуть?

— Для этого сначала надо устать, — проворчала в ответ и замерла, услышав деликатный стук в дверь. — Войдите.

— Доброе утро, — в покои быстро вошла Фриона. — Как самочувствие?

— Хорошо. Есть новости?

— Корабль имперцев причалил к острову. Все живы и здоровы, так что не волнуйся. Сандер будет в замке через пару часов. Велел в западном крыле подготовить покои для гостей.

Западным крылом, насколько я успела узнать, считалась отдельная часть замка, которую от основной отделяли хозяйственные помещения.

— Он везет наследника сюда?

— Похоже на то.

Везет, зная, что я здесь? На такой риск супруг никогда бы не пошел, если бы не был уверен, что все под контролем. Но все равно было непонятно и немного страшно. Ведь теперь я отвечала не только за себя, но и за ребенка.

— Сандер знает, что делает, — будто прочитав мои мысли, произнесла свекровь.

Понятно, но все-таки это не рядовые имперцы, а наследник Сайрона.

В общем, я так накрутила себя, что совершенно растерялась, когда впервые увидела ее. Не наследник. Наследница.

Худенькая девочка с волнистыми темными волосами, заплетенными в толстую косу, которая лежала на тощем плечике. Простой костюм, состоящий из куртки, полотняной рубашки желтоватого цвета и слишком широких брюк, которые она подвязала обычной бечевкой, чтобы не упали; стоптанные башмаки непонятного цвета. Одежда чистая, но выглядела поношенной и была явно с чужого, совсем не благородного плеча.

Острый подбородок на изможденном личике и огромные, занимающие половину лица, карие глаза. Она выглядела гораздо моложе своих лет и казалась такой хрупкой и тоненькой, что еще немного — и ветром сдует.

Но, несмотря на усталость, девочка прямо, не боясь и не стесняясь, встретила мой взгляд. Как равная.

В любом случае я ожидала увидеть кого угодно, но уж точно не маленького, глубоко несчастного ребенка, за спиной которого стоял...

— Капитан Урли, — произнесла я, застыв в дверном проеме.

До этого я полчаса бродила по своей комнате туда-сюда и ждала, когда мне позволят выйти и встретиться с прибывшим мужем. А тут не только он, но и гости, да еще какие. Оставалось надеяться, что Сандер знал, что делал, впуская этого человека.

Муж, кстати, тут же подошел ко мне и встал рядом, бережно взял за руку:

— Как ты?

— Хорошо, — ответила, быстро осмотрев его: немного уставший, но целый и невредимый. А сейчас это было самым главным.

Потом вновь взглянула на того самого «красного волка» из элитного отряда, который доставил меня в столицу и рассказал, пусть и путано, об Аргусе, находящемся в императорских стойлах. За то время, что мы не виделись, мужчина изменился: исхудал, осунулся и уже не выглядел таким уверенным и всесильным.

— Госпожа Тьяна, — произнес Урли, почтительно склонил голову и положил ладони на плечи девочки, защищая и оберегая ее.

Она пододвинулась ближе и немного успокоилась, почувствовав себя под защитой преданного воина.

«Очень близки, — пронеслось в голове. — Она верит ему как никому. Полностью и безоговорочно. Интересно».

— Моя жена и амери — госпожа Тьяна, — представил меня девочке Сандер. — А это принцесса Ферроу — наследница Империи.

Ферроу? Младшая сестра Маргузы? Той самой племянницы императора, которая должна была стать женой Сандера, но была убита ящерами? Я ведь совсем забыла про нее.

— Добро пожаловать на Каросс, — произнесла, пытаясь вспомнить, сколько ей сейчас лет. Десять? Или одиннадцать?

— Благодарю. Я прошу защиты у великого Каарха. Защиты и помощи, — чистым и неожиданно звонким голосом произнесла Ферроу.

— И вы ее получите, — твердо ответил Сандер. — Вас проводят в ваши покои, где можно будет отдохнуть, поесть, искупаться и прийти в себя. Тревожить вас не станут. Если что-то нужно, передадите сообщение через слуг.

— Каарх, — тут же вмешался Урли.

— Ваши покои, Урли, смежные с принцессой. Я помню о нашей договоренности. Тот кивнул и, обняв девочку за плечи, вывел из зала.

— Она же совсем ребенок, — пробормотала я, глядя им вслед.

— Ферроу наследница. Прямая наследница трона. Мало того, ее избрал Сайрон и благословил император.

— С чего ты взял? — повернувшись к мужу, спросила я.

В зале мы остались совсем одни, даже Ирил отсутствовал. Но, если честно, мне было все равно, где этот пернатый сейчас летает.

— Он отправил ее прочь из столицы, поближе к побережью, чтобы могла сбежать.

— А как же кракены? Такой риск, они могли почувствовать ее кровь и прийти, — произнесла я, вспомнив ту страшную битву.

— В отличие от тебя, она с рождения знает правила и в воду не лезла, — усмехнувшись, ответил Сандер. — Дело в другом. Император незадолго до смерти прислал ей Око Сайрона и стал полностью беззащитным.

— То есть он знал о готовящемся покушении? — переспросила недоверчиво. — И все равно не выгнал Ремаль? Неужели же был настолько самоуверен и безрассуден? Разве такое возможно? Сандер подвел меня к небольшому диванчику, усадил, сам пристроился рядом, накрыл ладонью сложенные на коленях руки, осторожно сжимая, словно успокаивая.

— Императора убил не Ремаль. Я тебе больше скажу: принц тоже ушел за грань.

— Что значит «ушел за грань»? — совсем растерялась я. — А кто тогда стоит за переворотом? Кто женился на собственной сестре и правит сейчас Империей, ожидая скорой коронации?

— Ты знаешь, — задумчиво произнес Сандер, его рука тем временем поднялась выше, невесомо коснулась вышивки, которая украшала кафтан. — Мне все время не давала покоя одна мысль. Как ящеры позволили Ремалю расти и получать воспитание в Империи? Я ведь больше месяца жил среди них, прячась и скрывая истинное лицо. Совсем на них не похоже. Ремаль наследник, обладатель огненной крови. Было бы расточительством отдавать его императору, гораздо умнее воспитать мальчика самим, вырастить из него безжалостного убийцу. И темного разбудить было бы гораздо легче.

— Ты к чему ведешь? — тяжело сглотнув, спросила у него, внутренне готовясь к тому, что сейчас услышу.

— А то, что у Сойры тогда родились близнецы. Два совершенно одинаковых мальчика. Их разделили. Ремаль отдали в Империю, а второго...

— Воспитывали сами, — ахнула я. — Ты хочешь сказать...

— Что мы нашли темного наследника.

— Он убил отца и брата, женился на сестре и присвоил себе чужое имя?

— Именем брата он прикрывался давно, подготавливая заговор.

— И что теперь будет? — спросила, уже зная, что ответ мне не понравится.

— Его надо убить.

— Сандер... — беспомощно прошептала, схватила мужа за руки, умоляюще заглянула в глаза. Он обнял меня за плечи и твердо произнес:

— Я должен сделать это. Должен отправиться в Империю и убить самозванца.

— Нет!

— Завесы хватит на несколько недель. Вам ничего не угрожает, кракены не подойдут. Мы успеем добраться до него.

— Как?! — вскричала я, глотая подступающие слезы и с трудом сдерживаясь, чтобы не удариться в истерику. — Он император! Пусть еще не коронованный, но император. Там такая охрана. И его новые способности...

— Есть способы.

«Нет... нет! НЕТ!!!»

— Я не отпущу тебя! — глухо и зло выдохнула, схватила его за плечи, впилась ногтями в кожу. А он даже не вздрогнул, провел по волосам, стер слезинки со щек, очертил абрис лица, сжал на мгновение подбородок, после чего тихо произнес:

— Ты не можешь меня удержать. У меня есть долг и обязанности, против которых я не пойду. А ему, — Сандер накрыл ладонью мой живот, — ему нужен новый мир, безопасный и счастливый.

Пальцы разжались, руки безвольно опустились на колени. Мне нечего было сказать. Нечего противопоставить.

Силы разом закончились, от истерики меня удерживала лишь мысль о ребенке. Надо оставаться сильной, хотя бы ради него.

— А они? — глухо спросила я. — Что будет с имперцами?

— Принцесса поживет здесь, под твоей защитой. Еще я вызвал Валенсию, она поможет. Урли и остальные пойдут с нами.

— Думаешь, Урли согласится ее оставить?

— У него нет выбора. Я взял с него слово.

Кивнула, поджала губы. Так сложно и страшно было задать следующий вопрос и услышать ответ, но пришлось.

— Когда вы уходите?

— Через два дня.

Два дня. Всего каких-то два дня на счастье, чтобы просто побыть рядом, запомнить каждую черточку, каждое слово и поверить, что все будет хорошо.

— Не хочу тебя отпускать, — прошептала и зажмурилась, пытаюсь успокоиться и проглотить ком, который вновь подступил к горлу.

Осторожное, нежное прикосновение шершавых пальцев к щеке, и ладонь легла на затылок, притягивая к себе. Прикосновение губ... и я не выдержала.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Тьяна

В какой момент нежные, почти трепетные прикосновения сменились огнем желания, который искрил между нами почище любой магии?

В какой момент его поцелуи стали важнее кислорода? Я задыхалась без них. Без него!

Выплеснуть всю боль и страх, открыться, не стесняясь показать свои чувства. Чувствовать его руки на своем теле, отвечать на поцелуи и самой прикасаться, расстегивать непослушные пуговицы жилета.

Вздрогнуть, ощутив, как сминается ткань кафтана в руках мужа, когда он, подняв подол, поднимается выше по бедру, лаская бархатистую кожу. Задержать дыхание, чувствуя, как руки поднимаются выше и выше.

Легкий звон, заставивший на мгновение отстраниться.

— Не отпущу, — хрипло выдохнул Сандер, вновь припал к моим губам и собственнически сжал ягодицы.

— Но... — в перерывах между поцелуями попыталась сказать я. — Кристалл...

— Неужели не слышишь? — прикусывая мочку уха, спросил Сандер.

— Слышу, — простонала в ответ, зажмурившись.

— Ему нравится.

Нравится?

Это заставило открыть глаза и оглядеться.

— Сандер, — пытаясь слезть с коленей мужа (и когда успела забраться?) и поправить вырез платья, пробормотала я.

— Не отпущу, — вновь произнес мужчина.

— Мы же в зале. — Я еще больше смутилась.

— И что?

А в его глазах полыхал самый настоящий шторм, грозил захватить меня полностью и утопить в волнах желания.

— Войдут же.

— Убью!

— Сандер! — взмолилась я. В бездну кристалл, меня куда больше волновало, где мы сейчас находимся. — Только не здесь.

Это подействовало. Взгляд стал более осмысленным. Муж огляделся, пробормотал: «Да, не на диване», — и подхватил меня на руки.

— Ох! — только и успела выдохнуть, вцепилась супругу в плечи и спрятала лицо у него на груди.

До нашей спальни идти далеко, а видеть, какими взглядами нас провожают, зная, куда и зачем меня несут, было невыносимо.

Но я ошиблась. У мужа возникли совсем иные планы.

Сандер отнес меня в ближайшую свободную комнату, опустил на пол, закрыл дверь на замок и сразу обернулся ко мне:

— Мы одни.

— Чьи это покои? — пятась, спросила у него.

— Понятия не имею. Обычно эти комнаты используются слугами или воинами, — ответил он с улыбкой и медленно двинулся в мою сторону.

Так хищник загоняет свою жертву в угол.

— Слугами? — со смешком спросила и покачнувшись, налетев на кресло.

Да, обстановка здесь была намного проще, но кровать имела. Пусть и гораздо меньше той, которая стояла у нас наверху.

Но нам хватит.

Муж тут же оказался рядом, он поддерживал... обнимал... ловил...

— Тьяна...

Я замерла, зачарованно глядя ему в глаза и позволяя осторожно расстегивать пуговички на своем кафтане.

Повела плечами, сбрасывая ненужную ткань, оставшись в одной сорочке, позволила рассмотреть себя, совершенно не чувствуя смущения.

— Тьяна...

Сорочка упала следом, невесомым облачком осела у ног.

Он смотрел — внимательно, пристально. А мне хотелось ощутить на себе его прикосновения.

— Какая же ты красивая.

Хриплый шепот на грани слышимости, ладонь, бережно коснувшаяся отяжелевшей груди, большой палец, теребящий горошинку соска.

Тяжелый вздох и мои руки, взметнувшиеся по сильному телу мужа вверх.

Жилетку я почти расстегнула, осталось всего две пуговицы, с которыми было покончено очень быстро.

Он позволил раздеть себя. Крохотное мгновение власти, растаявшее как дым.

Как только жилетка упала на пол, Сандер притянул меня к себе, прикасаясь. Кожа к коже. Одно дыхание на двоих и безумный ритм сердец, бьющихся, как одно.

Мягкая перина за спиной, легкий скрип кровати и тяжесть тела.

Снова звон кристалла, но теперь и я улавливала нотки одобрения. Думать об этом не хотелось, сейчас я могла думать лишь о мужчине, который покрывал поцелуями мою грудь, живот, спускался все ниже, разводя ноги.

Зажмуриться, ни о чем не думая, с громким стоном выгнуться от первого же прикосновения грешных губ.

Чувственный водоворот, хриплые стоны, переходящие в крики.

Снова тяжесть сильного тела.

Лазурный взгляд, выжигающий клеймо на душе.

Хриплый стон в ответ на мое неожиданное напряжение:

— Не больно... Сейчас все иначе. Доверься мне...

Проникновение, невероятное, неповторимое ощущение наполненности и первый толчок, как шаг к высшему наслаждению.

...Гораздо позже, с трудом восстанавливая дыхание, мы лежали в постели, вслушиваясь в грозу, которая бушевала над островом.

— Так будет каждый раз? — вздрогнув, спросила у мужа, когда извилистая молния разрежала пополам небо.

— Даже лучше, — чмокнув в макушку, усмехнулся он.

Его рука прижимала меня к себе, другая теребила волосы.

— Я про грозу, — покраснев, ответила ему и легонько стукнула по плечу.

Сандер тоже глянул в окно:

— Не знаю. Мы с тобой первые такие.

— Какие?

— Особенности.

Но этого показалось мало.

— Почему кристалл так себя повел?

— Жадное создание, — фыркнул он.

— Кто? Я?

— Нет, — рассмеялся мужчина, чмокая меня в нос. — Кристалл. Завеса снова увеличилась.

— Увеличилась? — не поверила я, снова посмотрела в окно, но там были лишь темное небо и всполохи молний.

— Да, благодаря нам. Нашей любви.

— Значит, твой предок ошибся.

— Не совсем. Ты же не обычная огненная. Я читал его дневник. Жена Крайгена пыталась убить его во время первой ночи. Она его ненавидела. Но не за то, что он лишил ее возможности иметь детей и высосал огненную силу. А за то, что ее заставили выйти за него замуж, увезли от развлечений столицы в глухомань. Ее ненависть разъедала кристалл, уничтожала его. Ни о какой любви там речи не шло.

— А потом?

— Мы всего лишь четвертая пара, Тьяна. Жена моего деда оказалась не лучше. Ненависти, правда, не было, лишь презрение.

— А Валенсия?

Сандер вздохнул:

— Она любила отца, хотя никогда не признается в этом. Очень любила. И не могла простить, что он не ответил на ее чувства, предпочел маму. Валенсия ведь появилась вскоре после моего рождения. Но я видел, что с ней было, когда отец умер. Тогда-то в ее жизни и появился Ниардо, что-то вроде попытки забыться.

— Выходит...

— Ни у кого из них не было шанса узнать о других возможностях подпитки кристалла.

— Но ведь возможность иметь детей кристалл отнимал, — возразила я. — И дальше будет отнимать.

Сандер провел ладонью по моему животу:

— У него все будет по-другому.

— А если нет?

Я не хотела своему сыну такой участи. И будущим огненным девочкам тоже.

— Мир меняется. Мы этим воспользуемся, — целуя меня в макушку, произнес Сандер и вдруг отстранился. — Бездна! Забыл!

— Что?

— Одевайся быстрее! — вскакивая с кровати, произнес муж.

— Сюда должен явиться хозяин комнаты? — кутаясь в покрывало, спросила я.

— Нет. Но надо спешить.

Процесс одевания занял пять минут. Сандер так спешил, что даже не дал мне посмотреть на себя в зеркало.

— И так красивая. Пошли быстрее!

— Куда?

— Тебя кое-кто хочет видеть, — шепнул мне Сандер на ушко, когда мы вышли в коридор.

— Кто?

Сейчас я совершенно не желала кого-то принимать и тем более с кем-то разговаривать. Больше всего мне хотелось уединиться с мужем в наших (какое замечательное слово!) покоях.

— А ты посмотри сама, — хитро улыбнулся Сандер.

— Опять говоришь загадками? Не надоело тебе? — насмешливо пожурела, стараясь не смотреть по сторонам.

Никогда не думала, что у нас так много слуг. И чего они улыбаются? Подумаешь, гроза.

— Нет. Это сюрприз.

— Сюрприз?

Энтузиазма в моем голосе не прибавилось, как и желания встретиться с сюрпризом.

— Тебе понравится, — обдавая горячим дыханием чувствительное место за ушком, шепнул муж, а я едва не застонала, почувствовав реакцию тела на эту близость.

Мне его было мало. Так мало, что даже не представляла, как проживу в разлуке.

Всего пара минут, и мы оказались у неприметной двери на втором этаже.

— Мне сюда? — переспросила с сомнением.

— Сюда. В более богатые покои сюрприз переселиться отказался.

— Даже так, — недоуменно пробормотала в ответ, взялась за ручку и открыла дверь.

Едва слышно скрипнули петли, нарушая неожиданно тягучую и волнующую тишину. В груди в ожидании чего-то невероятного, как сумасшедшее, забилось сердце.

Она сидела ко мне спиной. Крохотная, сгорбленная фигурка, несмотря на жаркую погоду, укутанная в шерстяную шаль, некрасиво распушившуюся от времени и многочисленных стирок. Седую поникшую голову покрывал черный платок с мелкими белыми цветочками.

Но я сразу ее узнала. С первого взгляда.

А дальше реальность смазалась, исчезла, потерялась.

Очнулась я на коленях перед креслом, прижимая морщинистые, изуродованные артритом руки к своим щекам и беззвучно заливаясь слезами.

— Нянюшка...

Ирил

Гроза за окном набирала обороты: сверкали молнии, дул сильнейший ветер, клонил к земле могучие деревья, разметал по острову листву и тонкие ветки, а от раскатистого грома закладывало уши.

Дверь в спальню была открыта настежь, и капельки дождя, насквозь промолив занавески, блестящей глянцевой лужей собрались у самого порога, наполняя воздух прохладной свежестью.

Сорджи пил.

Развалившись в кресле и привычно закинув ноги на низкий столик, мужчина потягивал дорогое вино прямо из бутылки и, зажмурившись, вслушивался в пение кристалла.

Хорошо поет, радостно и так ярко, что не почувствовать его невозможно. Даже обычные смертные ощутят его магию и ринутся в спальню.

Кажется, демографическая проблема для Каросса решена одним махом. Как и защитная. Ирил нутром чувствовал, как медленно, но верно граница увеличивается и крепнет, отгоняя морских чудовищ все дальше вглубь океана.

Ему это даже на руку, не так страшно оставлять здесь женщин, отправляясь на материк. Как в старые добрые времена, когда они с Сандером были двумя самоуверенными мальчишками, забравшимися в самое сердце Тьмы.

Ну что ж, надо признать, он ошибся в своих предположениях относительно огненной наследницы. Сорджи готов был прилюдно извиниться перед Тьяной. Конечно, если ей это нужно. Девчонка-то с характером, хотя и старалась выглядеть кроткой овечкой. Легкий шум за спиной заставил мужчину поморщиться и, даже не удосужившись повернуться, недовольно произнести:

— Я же просил никого ко мне не присылать.

— И часто тебе присылают девушек в покои? — спокойно спросила Фриона, подходя ближе. По правилам надо было встать, приветствуя женщину, но сегодня не тот случай. Дриаду сюда никто не звал, и проявлять вежливость сорджи не собирался.

Вместо этого Ирил сделал новый глоток, исподлобья наблюдая за женщиной, которая сейчас выглядела совсем как девочка. Золотисто-рыжие волосы локонами падали на грудь и спину, обрамляя бледное совершенное личико с полными губами и большими глазами.

Из одежды на Фрионе была лишь тоненькая шелковая сорочка. Черная.

Опять черная.

Даже сейчас, придя в его спальню, она не сняла траура по возлюбленному.

Хотя, надо признать, ей шло. Черный шелк подчеркивал женственную грудь, прозрачное кружево оттеняло молочно-белую кожу, один взгляд на которую заставил тело отозваться глухим желанием.

Ничего нового. За эти годы он привык желать и страдать от неудовлетворения, пытаюсь спустить пар с очередной служанкой или жрицей любви. Вот только ни одна из них не была Фрионией, и ни одна из них не могла заставить забыть холодную дриаду.

— Зачем пришла? — спросил Ирил, зло осмотрев ту, которую столько лет любил и страстно желал.

— Ты слишком много пьешь, — спокойно отозвалась Фриона, бесшумно подошла ближе, изящно присела в соседнее кресло, закинув ногу на ногу, дала понять, что там, под сорочкой, ничего нет. Лишь соблазнительное тело.

Ирил снова сделал глоток, пытаясь промочить внезапно пересохшее горло.

— Ты не моя мать, чтобы читать нотации, Фриона.

— Ты друг нашей семьи, и я...

— Я не твой друг, — перебил ее мужчина с болью в голосе. — Я знаю, зачем ты здесь.

— Знаешь? — переспросила она, покачивая босой ножкой.

Ирил завороченно наблюдал за тем, как движется вверх и вниз стройная нога с изящной узкой лодыжкой и небольшой стопой.

Как ему хотелось подойти ближе и заявить свои права!

Развести бедра и ласкать Фриону до тех пор, пока она не закричит от удовольствия, сбросив маску равнодушной дриады, не станет просто женщиной — желанной, страстной, обжигающе прекрасной.

Его!

Но это лишь фантазии, которым нет места в жизни.

— Я же сказал, что не буду спрашивать с тебя долг. Так что уходи.

— Уверен?

— Уходи, Фриона.

— Ты столько лет добивался меня — и сейчас прогоняешь?

Ирил смотрел ей в глаза и не понимал, какого чувства в нем больше: любви или ненависти.

Что с ней стало? Раньше она не была такой. Ирил отлично помнил, как впервые увидел амери великого Роула и остолбенел от ее красоты. Яркая, улыбающаяся и такая счастливая. Ее глаза сияли, а смех задевал неведомые струны души. Сорджи влюбился с первого взгляда и отчаянно отказывался признаваться в своих чувствах, пока она сама однажды не пришла к нему. Через год после смерти любимого.

Что от нее осталось сейчас?

— Я умираю, — спокойно произнесла женщина, словно прочитала его мысли.

Ирил как раз сделал глоток и, чуть не поперхнувшись, расплескал дорогое вино.

Бутылка с глухим стуком упала на пол и перевернулась, содержимое разлилось, окрасив ковер в кровавый цвет.

— Что-о-о-о? — выдохнул он, вскакивая. — Что ты сказала?

Но его выпад не произвел на женщину никакого впечатления, она даже не дернулась, лишь произнесла сухо:

— Успокойся и сядь, пожалуйста.

— Что значит «успокойся»?! Это проклятие? Болезнь? Почему ты молчала?

Вопросы сыпались один за другим.

Ирил все-таки сел — на самый краешек кресла, сцепил руки замком и подался вперед, готовясь в любой момент вскочить.

Ох, как ему хотелось это сделать, а еще схватить ее за плечи и встряхнуть. Разбудить, достучаться!

— Не кричи, пожалуйста. Знаешь, что происходит с дриадами, которые разменяли первую сотню лет, но так и не нашли возлюбленного? Они остывают, холодеют и исчезают.

— Ничего не понимаю. Какое это имеет отношение к тебе? Ты же встретила Роула, родила сына.

— Сына, но не дочь, — печально отозвалась женщина. — Я нарушила закон Древа и несу соответствующее наказание. Моя душа остыла. Не сразу, но с каждым прожитым днем я все больше чувствую, как страшный холод сковывает меня изнутри.

— Ты сказала Сандеру? Надо...

— Нет, — перебила его Фриона. — Я уже потеряла одного мужчину и не позволю случиться этому вновь. Я бы давно ушла, если бы не Роул, именно его тепло согревало меня эти годы, но и оно подошло к концу.

— Ты сама не понимаешь, что говоришь.

— Сандер счастлив, — ответила дриада и взглянула в окно, где продолжала бушевать гроза. — Впервые за столько лет мой сын по-настоящему счастлив. Нашел свою амери, скоро станет отцом. А мой срок закончился еще сорок лет назад, я должна была уйти вслед за Роулом. Но боги наказали меня, оставив влачить жалкое существование в этом мире и помнить.

— И ты пришла сюда, думая, что я позволю тебе умереть?! — яростно и зло выкрикнул Ирил.

— Чтобы ты потом рассказал ему правду. Объяснил.

— Сумасшедшая! — сжав кулаки, выдохнул Ирил потрясенно.

— Возможно. Ты говорил, что любишь меня.

— Фриона. — Мужчина уже рычал, он вложил в этот рык всю боль, тоску и разочарование в той, которая никогда не ответит на его чувства.

— Я устала от этого холода, Ирил, — сказала Фриона, поднимая на него погасшие глаза, которые сейчас приобрели цвет пожухшей от мороза зелени. — Согрей меня этой ночью. Согрей в последний раз.

Потому что первый раз у них уже был когда-то давно. Та ночь, после которой сорджи окончательно потерял голову, а она сбежала, отгородилась и закрылась, моля его все забыть. И вот теперь снова.

— Мы уже это проходили, Фриона, я не буду твоей игрушкой, — покачав головой, ответил Ирил. Кто бы знал, как тяжело дались ему эти слова. — Но в любом случае я спасу тебя. Найду способ.

— Не хочу, — неожиданно выдала женщина. — И тебе не позволю это совершить. Однажды я уже пошла против воли Зеленого бога. Больше не решусь. Следующего послушания Древо не простит. Я не допущу, чтобы кто-то пострадал. Хватит и Роула.

— Ты сама не знаешь, что говоришь!

— Знаю, — ответила она, устало поднимаясь.

Подняла руки, спустила тонкие бретельки сорочки, позволяя той мягко скользнуть по телу к ногам.

Ирил угадал. Под сорочкой ничего не было. Лишь худощавое тело со впалым животом, округлыми бедрами и высокой, по-девичьи крепкой грудью с темными вершинками.

— Одевайся, — слотнув, отвернулся Ирил. — Одевайся и уходи!

— Прогоняешь меня? — спросила она, склонив голову набок.

Золотисто-рыжий локон-завиток коснулся груди, щекоча нежную кожу.

Она сама обошла столик, сама подняла мужчину из кресла, как безвольную игрушку, и принялась методично расстегивать пуговицы на рубашке, вытаскивая ее из штанов.

Сухие губы в мимолетной ласке коснулись яремной впадины, затем шеи с двухдневной щетиной, царапающей нежную кожу, потом добрались до уха.

— Так и будешь стоять столбом? — тихо произнесла Фриона. — Думаешь, что я не знаю, о чем ты вздыхаешь, когда смотришь на меня? Думаешь, я не видела огонь желания в твоих взглядах, которые ты бросал, считая, что я не чувствую? Какой же ты все-таки мальчишка... Я твоя на эту ночь, ветреный сорджи. Неужели не хочешь воспользоваться? Неужели прогонишь, решив потерять навсегда? Другого шанса не будет.

— Моя? — свистящим шепотом спросил мужчина, отстраняясь и ища взглядом ее глаза.

— На эту ночь, — подтвердила женщина.

— Моя, — выдохнул Ирил, забывая обо всем на свете, подаваясь вперед и жадно вдыхая аромат ее тела. — Моя! — шептал он, увлекая любимую на мягкий ворс ковра.

Это была ночь-откровение и ночь-познание.

Мужчина не мог отпустить дриаду даже на секунду, ласкал губами и руками каждый миллиметр ее тела. Делал то, о чем так давно мечтал в своих самых грешных фантазиях. Любил и рассказывал ей об этом срывающимся от страсти голосом, обещая, что не отпустит, спасет и защитит от всего мира, закроет собой от гнева богов.

А Фриона жила, впервые за столько холодных и беспросветных лет она жила, греясь в чужой любви и ощущая себя желанной.

Вот только сердце, покрытое тонким льдом, молчало.

Утром она бесшумно выбралась из крепких объятий любовника и исчезла в предрассветных лучах солнца, оставив после себя запах на подушке и сладкие воспоминания о том, что уже не повторится никогда.

Ушла и унесла с собой клятву молчать о произошедшем и о том, что она рассказала.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Тьяна

Сандер ушел десять дней назад.

Десять светлых дней и тяжелых ночей.

Страшнее всего были именно ночи. Потому что днем я еще могла найти себе занятие, отвлечься от тревожных мыслей. Но спускались сумерки, и я оставалась один на один со своими кошмарами и страхами.

Жена и амери.

Чудо для острова, который практически утратил надежду на счастливое будущее. Меня хотели видеть как можно чаще и как можно дольше. К замку Сандера потянулись люди. Достаточно было постоять десять минут на стене, приветливо помахать ручкой, и народ был счастлив.

Отношение изменилось. Мне хотели помочь. Фриона как-то рассказала о молебнах, которые проводились за мое здоровье в храмах Каросса.

Видя, как наша любовь положительно влияет на силу завесы и сдерживание кракенов, кароссики желали мне долгой жизни и крепкого здоровья, пусть и из корыстных побуждений. Но все равно приятно.

Конечно, не все складывалось так радужно и идеально, как казалось на первый взгляд.

Я точно знала, что перед отъездом Сандер встречался с советом и предупреждал их о том, что будет, если они восстанут против меня.

Здравомыслия хватило на три дня.

Сам Валенсия, заявившись в покои с утра пораньше, когда я завтракала и размышляла о планах на день, сдала мне бывшего любовника.

— Моя вина, не скрою. Разбаловала я его, дала власть, — произнесла она грустно. — Думала, поможет забыться. Старый дурак, поверил в свое могущество. Не убивай его, Тьяна.

Я чуть не поперхнулась и недоуменно взглянула на родственницу:

— Даже не собиралась.

— Людям своим скажи. Я знаю, что у Стенза есть приказ действовать на поражение в случае любой, даже минимальной опасности.

Звучало жутко.

— Я не знала.

— Поэтому и говорю тебе сейчас. Знаю, как любят мужчины держать женщин в неведении. Ниардо пока ищет сторонников, пытается наладить контакты, прощупать почву. Ничего серьезного. Но не дай этому перерасти в нечто существенное. Нанеси удар сейчас. Я вздрогнула.

— Удар? Как ты себе это представляешь? — спросила, быстро поднимаясь и подходя к окну. Стало тяжело дышать, не хватало воздуха.

— Я подумаю, что можно сделать, — тихо произнесла через полминуты.

Тем же утром у меня состоялся разговор со Стензом. Старый воин был не очень доволен неожиданным вмешательством, но согласился выполнить мою просьбу.

На следующий день Ниардо-старшего по обвинению в растрате казны заключили под стражу до окончания расследования.

Совет тут же лишил мужчину всех полномочий, а на его место избрали нового первого советника.

Обо мне и моем участии в этом деле не было сказано ни слова. Но это и не потребовалось.

Зарина явилась тем же вечером. Заплаканная, гневная, полная желчи и ненависти, она стремилась меня уничтожить и растоптать.

Фриона советовала не встречаться с ней, но я не послушалась и разрешила впустить девушку сама не знаю почему.

— Ты?! Отродье Темного бога! — крикнула та прямо с порога.

Придумали бы что-нибудь оригинальное, а то все твердят одно и то же.

— Здравствуй, Зарина, — спокойно отозвалась я, восседая на стуле амери.

Том самом, который она так мечтала занять.

— Ненавижу! Ты отняла у меня все! Завидуешь? Боишься, что Сандер вернется ко мне?!

— Для того чтобы вернуться, надо для начала уйти.

— Он любит меня! Полюбил бы! Обязательно полюбил бы! Если бы не ты!

— Ты же знаешь, что это не так.

— Ты лживая тварь! — Ее буквально трясло от гнева, и охранники подошли ближе, пытаясь защитить. — Я не верю, что это его ребенок! Ты не могла забеременеть. Все знают, что кристалл должен был иссушить тебя. Это темная магия! Зло! Ты пользуешься отсутствием Сандера и наводишь свои порядки! Но я докажу! Я всем докажу!

Она еще что-то кричала, когда ее силком уводили прочь.

После ее ухода я еще долго сидела — обеспокоенная и сломленная.

— Не стоило с ней встречаться, — вновь повторила свекровь. — И речи ее мне не нравятся.

— Она всего лишь ребенок.

— Это не оправдание, Тьяна. Если ей удастся поселить смуту в толпе...

— Толпа видит завесу и защиту от кракенов.

— Но темной магии они боятся. А твой случай уникален. Это может сыграть с тобой злую шутку.

— Ваш случай тоже был уникальным, — возразила я. — Первая дриада, выносившая и родившая сына.

— Поэтому я знаю, что говорю. Мне тоже пришлось столкнуться с недоверием и страхами. Но со мной был Роул, и кракены не стояли у наших границ.

— Сандер вернется.

— Конечно, вернется. И ты должна обеспечить ему надежный тыл. Должна сохранить себя и ребенка.

— Чего вы хотите? Чтобы я приказала убить эту несчастную девчонку в ближайшей подворотне? — выкрикнула раздраженно.

— Зачем так радикально? Можно на время отправить ее служить в храм.

— В храм? Эту девочку? — не поверила я и потеряла лоб. — На что вы меня толкаете?

— Ты сейчас должна думать о себе и сыне. У Ниардо есть деньги и связи. А еще колоссальное желание навредить тебе и ребенку. Ты сломала все их планы.

Как же сложно! Большая власть — большая ответственность, к которой я, как оказалось, не была готова.

— Хорошо. Только не навредите ей. О большем не прошу.

Я много времени проводила с нянюшкой, стараясь окружить ее заботой и теплом. Как же легко, хорошо и свободно мне было рядом с ней!

— Набегалась, голубушка. Нашла свое счастье, — повторяла она, улыбаясь.

Старушка сильно сдала за то время, что мы не виделись.

— Нашла, — с улыбкой отвечала я.

— Родители тобой гордились бы.

А еще я помнила о своих обязанностях хозяйки и старалась разнообразить досуг и уделять внимание опальной принцессе.

Ферроу почти не выходила из своих покоев и беседовать со мной не спешила, каждый раз стремилась побыстрее закончить разговор и на все дать односложные ответы.

Не знаю, что именно пережил этот ребенок, но понять я ее могла.

Мне было восемь лет, когда император отнял все, лишил будущего и родных. А у нее остались хотя бы титул и статус наследницы.

Ситуация изменилась через десять дней после отъезда Сандера и Ирила, когда к нам присоединилась Валенсия.

День выдался хороший, солнечный и яркий. Ничто не предвещало беды, наоборот, было легко и свободно.

Мы расположились в небольшой беседке, увитой плющом, за накрытым столом. Валенсия просто дышала оптимизмом и жизнерадостностью и стремилась поделиться ими со всеми. А еще ей удалось заинтересовать Ферроу.

— Мама тебе не рассказывала о том, где ты родилась? — спросила она, размешивая длинной ложечкой коктейль.

Загремели кубики льда.

— В летнем дворце. Мама рассказывала, что я единственная, кого император лично взял на руки, — ответила Ферроу, смущаясь.

— И поднес к огню?

Она покраснела, кивнула и подняла стакан, пряча взгляд.

— Это так важно? — осторожно спросила я.

— Конечно же важно! Я же тебе говорила об этом. Я тоже один раз видела посвящение.

Красивое было зрелище.

— Видели? — заинтересованно переспросила Ферроу, впервые за много дней проявив эмоции.

— Да, во время рождения ее отца, — ответила Валенсия и ткнула пальцем в мою сторону.

— Вы были в замке Корвиллов? — переспросила я, беря с подноса сочную черешню.

Валенсия громко рассмеялась и пригрозила мне пальцем:

— Ай-ай-ай, забыла? А я ведь тебе говорила, что Арнольд родился в столице, во дворце.

Я покачала головой:

— Неправда.

— Мне-то лучше знать. Я там присутствовала. Мало того, я помогала твоему отцу появиться на свет. Вместе со своим братом, твоим дедом.

— Хроники говорят другое, — поддержала меня девочка.

— Ты читала хроники? — повернулась к ней Валенсия.

— Читала, — смутившись, ответила Ферроу, а родственница победно улыбнулась.

— Интересно было, да? Я тоже читала. Тоже пыталась понять, что это значит. Чего меня лишили когда-то.

Кажется, эти двое разговаривали на непонятном мне языке и понимали друг друга с полуслова.

— Гортензия Ильяр вышла замуж за герцога Колдера, когда находилась на восьмом месяце, — продолжила девочка. — Сразу после этого они уехали из столицы, где через три недели на свет появился Арнольд Колдер.

Наверное, это была самая длинная речь Ферроу за все время, что девочка присутствовала здесь. А я заставила себя молчать, чтобы не спугнуть.

— Хроники пишутся людьми, моя дорогая. А мы этот обман готовили долго. Гортензия была моей фрейлиной, и именно я познакомила ее с братом. Император и любовница. — Она

вздохнула и мечтательно улыбнулась, погружаясь в счастливое прошлое. — Красивая была пара. Настоящая. К большому неудовольствию молодой императрицы. Стерва была, настоящая гадюка. Злопамятная, алчная и ревнивая, что не мешало ей менять любовников как перчатки. Валенсия поправила платье на груди и продолжила:

— Они встречались у меня в покоях. И Арнольд родился там же. Мы скрывались, я помогала. А живот рос. Незаконнорожденный сын, который должен был родиться раньше наследника. Нонсенс. Герцог Колдер был другом моего брата. Он согласился признать ребенка и увезти мать и дитя прочь из столицы. Императрица очень старалась их убить... очень. Яды, проклятия, наемники. Она готова была придушить Гортензию, да только встретиться им не давали.

— Как такое возможно? — прошептала я, нахмурившись.

— Император хотел, чтобы Арнольд был наследником. Несмотря ни на что. Я отговаривала, понимала, что ничем хорошим это не закончится. Но как я могла возразить повелителю? А Гортензия... она просто очень сильно его любила.

Женщина замолчала, собираясь с мыслями, а мы задержали дыхание, ожидая продолжения.

— Накануне свадьбы у Гортензии отошли воды. Твой отец родился в моих покоях. Император лично принимал роды и первым взял сына на руки. И Око Сайрона, висевшее у него на груди, загорелось ярким светом. Он подошел к камину и зажег движением руки лежащие в нем дрова. Пламя взметнулось, окружая отца и младенца огненным факелом. Гортензия от страха потеряла сознание, а я любовалась первородной магией, которая признавала и короновала наследника. Следующим утром мы нацепили Гортензии фальшивый живот и сыграли свадьбу, а служанка тайно вынесла младенца из дворца. Молодожены уехали из столицы, а через месяц устроили фальшивые роды. Все для того, чтобы усыпить бдительность императрицы. Она до самого конца верила, что Арнольд родился где-то далеко и не мог быть посвящен и благословлен Оком.

— Вы солгали? — переспросила я.

— Солгали. А потом я отправилась сюда. Так было больше шансов выжить и сохранить тайну. Императрица все-таки добралась до Гортензии и убила. До мальчика добраться не смогла. Его увез Колдер.

— Да. — Я кивнула. — Папа до пятнадцати лет жил и обучался в графстве Цирео.

— Хороший мальчик. — Валенсия тяжело вздохнула. — Так тяжело было видеть его смерть.

— Видеть? — Я подалась вперед.

— Вам не кажется, что это слишком тяжелый разговор? — спросила, подходя, Фриона. — Разрешите?

— Да, присаживайтесь, — улыбнулась я.

Свекровь села за стол, кивнула Валенсии, которая недовольно поджала губы, но все равно продолжила, словно провоцируя.

— Ты же чувствовала гибель Тангира? Была бы сильнее — увидела бы. Мы, наследники, глазами погибающего видим последние минуты его жизни. Переживаем их вместе с ним. Арнольд очень сильно любил твою мать и тебя. Последние его мысли были о тебе.

Я всхлипнула, стерла хлынувшие слезы:

— Правда?

— Воды? — тут же предложила Фриона.

— Нет.

Ведь чувствовала тогда, чувствовала и слышала. Но было так плохо... так плохо. Они оба, отец и мать... На моих глазах...

Я прикусила губу, чтобы не завывать от боли, которая так и не ушла за эти годы.

Только их любовь не дала мне тогда сойти с ума. Права Валенсия. Он думал обо мне и до последнего хотел отгородить от этого кошмара.

Мой папочка.

— Арнольд хотел для тебя лучшей жизни, — продолжила женщина. — Счастья и любви.

— Я счастлива.

— И это хорошо.

А дальше произошло сразу несколько событий.

Больно кольнуло сердце, заставило застыть в кресле, сжав подлокотники и тяжело дыша.

Сандер!

Одновременно с этим зазвенел, зарыдал кристалл, теряя силу и снимая завесу, которая медленно угасала, оставляя Каросс беззащитным.
На остров надвигались тучи и десятки морских чудовищ.
— Что происходит?! — вскрикнула Валенсия, вскочив с места.
— Не знаю, — с трудом прошептала я. — Темная магия... Она разрушила все... Наследник идет.
Завесы больше нет! Объявить эвакуацию! Срочно!
А сама пыталась лихорадочно достучаться до мужа, почувствовать его.
Жив! Несомненно, жив! Но здоров ли? Может быть, ранен?
А в это время тьма наступала со всех сторон.

Сандер

Это было священное место.
Великое.
Даже находясь в километре от спальни, Сандер чувствовал исходящую от нее силу и мощь, которая расцветала в лучах рассветного солнца.
Они притаились за небольшим валуном у толстой сосны, что росла на вершине обрыва, с которого открывался великолепный вид на монументальное здание.
— Любуешься? — спросил Ирил, приземляясь рядом на усыпанную иголками, пропахшую смолой землю.
Сандер кивнул. Он не отрывал взгляда от мавзолея всех огненных императоров, начиная с великого Райгарда — земного воплощения Красного бога, жившего тысячи лет назад.
— Что видел?
— Десяток белок, три косули, пару зайцев — шустрая живность, сразу в норы попрятались. Еще медведя у ручья в паре километров отсюда. Рыбку ловил лохматый.
— Более крупную дичь не встретил?
Лучи солнца сияли на остром шпиле, словно хотели зарядить своей силой и теплом. А может, так и было. Красный бог — символ солнца и света.
— Нет, — опираясь спиной о камень и закрывая глаза, ответил сорджи. — Тишь и благодать. Как в склепе.
— Место обязывает.
— Почему меня не отпускает чувство, что нас там ждут?
— Может, потому что так и есть? — отозвался Сандер, поворачиваясь к другу.
— И мы полезем в самое пекло?
— Это единственный реальный шанс обезвредить наследника перед коронацией.
— А если она солгала?
— Нет смысла.
Ирил приоткрыл один глаз, взглянул на друга, снова закрыл и тяжело вздохнул:
— Она напугана. А страх может сыграть скверную шутку со всеми нами.
— Она полна ненависти.
— И ты хотел меня этим успокоить? Ненависть плохой советчик и помощник. Наследник будет нас там ждать.
— Будет, — кивнул Сандер, соглашаясь.
— Не дурак и должен понимать. А если не понял сам, то Сойра с радостью все ему объяснит. —
Имя принцессы ящеров Ирил буквально выплюнул. Сел поудобнее, изучая травинку, которую вертел между пальцами. — Вопрос только, кто окажется хитрее и сильнее.
— У нас все равно есть преимущество, — твердо заявил Сандер.
— И какое же?
— Он молод и самоуверен. До этого момента все давалось ему легко и просто. Даже убийство отца и брата прошло без осечек. А молодость — глупость.
Сорджи фыркнул:

— Наш поход вдвоем против темного наследника сложно назвать благоразумным. Тебе так не кажется?

— Мы с тобой и не в таких передрягах бывали.

— Бывали, — кивнул сорджи. — Но не в таких. С темным воплощением мы еще не встречались.

— Он один, а нас двое.

— Если не считать двух десятков лучших ящеров, которые везде и всюду его сопровождают. Не нравится мне это, Сандер. Ох как не нравится. Почему он идет сюда именно сейчас? Зачем?

— Зачем — ты и так знаешь: уничтожить мощи императоров. Обрубить последние связи с Сайроном и закрепить Темного бога на территории. А почему сейчас? — Сандер оскалился. — Нас ловит.

— Плохо ловит, если нам удалось забраться так далеко вглубь Империи. Ту пару отрядов даже обидно считать «ловцами». Показуха.

— Сюрпризы ждут нас там. — Мужчина кивнул в сторону мавзолея.

— Знаешь, — протянул Ирил, — любовь странно на тебя повлияла. В нашей компании я должен был быть сумасшедшим и оптимистичным, а не наоборот.

— Мне просто есть ради кого жить и к кому возвращаться. Солнце почти взошло. Ты все помнишь?

— Забудешь такое.

— Успеют?

Сорджи криво усмехнулся:

— Куда денутся... Сандер?

— Что? — изучая склеп, отозвался мужчина.

— Когда вернемся, я собираюсь жениться на Фрионе.

Сандер медленно повернулся, тяжело взглянул на друга:

— Тебе нужно мое благословение?

Ирил фыркнул:

— Нет. Мы уже взрослые люди, друг мой. Я просто ставлю тебя перед фактом.

— А у нее ты спросил? Что она ответила?

Сорджи помрачнел.

— Свое согласие Фриона даст, — сжимая в кулаке несчастную травинку, уверенно заявил он.

— Тогда желаю удачи. — Сандер снова повернулся к склепу. — Все. Солнце взошло. Пора! На то, чтобы добраться до места, ушло не более десяти минут.

У толстых каменных колонн мужчины на мгновение застыли, почтительно склонив головы. Чужих богов надо уважать и почитать. Особенно когдаходишь в святая святых.

«Помоги нам, Сайрон. Помоги остановить ящеров и вернуть покой в этот мир».

Но огненный бог молчал. Так же, как и все эти годы, предпочитал со стороны наблюдать за играми людей.

Они осторожно вошли в главный зал с высоким куполообразным потолком, освещенный вечными факелами.

— Ты знаешь, это даже возмутительно, — останавливаясь у огромной мраморной статуи Сайрона, заявил Ирил. — Ничего. Либо он действительно не знает о нас...

— Что маловероятно.

— Либо ты оказался прав, и наследник крайне самоуверен.

— В любом случае сбрасывать его со счетов не стоит. Мы не знаем, на что он способен и как далеко зашел в темном искусстве.

Сигналки сработали ближе к полудню, заставив встрепетаться и в ожидании прихода гостя занять места в нишах за статуями у самого потолка.

Тишина постепенно заполнилась звуками шагов. Ящеры разводить церемоний в честь Красного не собирались и действовали весьма грубо.

Молодой император появился эффектно — въехал в зал верхом на огромном золотистом драконе. Облаченный в черные шелка, с обсидиановой короной на голове, мужчина довольно улыбался, разглядывая мавзолей. А вместе с ним в зале появилось десятка три полуобнаженных ящеров.

На душе сразу стало тревожно и тяжело. Силен.

— Я приветствую своих братьев и наследников великих богов! — громко провозгласил император, разводя руки в стороны.

Эхо разлетелось по залу, оглушая и заставляя слегка поморщиться.

Еще и магией балуется.

— Ветренный сорджи и водный Каарх. Что же вы не спешите поздороваться со своим братом по божественной крови? — В голосе звучала насмешка.

Ирил бросил многозначительный взгляд на друга и громко ответил:

— Жить хочется. Долго и желательно очень счастливо.

— Даю слово, что не буду вас убивать. Хочу поговорить. Пока. Я слышал столько историй о вас, столько легенд, что не терпится познакомиться со столь прославленными воинами. Ну же, не бойтесь, явите свои лики!

— И мы должны тебе верить? — отозвался Сандер.

Император повернул голову в его сторону, но никого не увидел и скривил губы в жутком оскале.

— Я все думал, когда же вы явитесь спасти этот мир. Кого выберете для своего гениального плана. — Его голос был издевательски насмешлив. — Не спорю, удивили. Мне казалось, что эта дура только и может, что рыдать и биться в истерике.

— Хорошо же ты о дорогой супруге, — ответил Сандер и снова через зал обменялся взглядами с другом.

«Я же говорил, что он слишком самоуверен!»

— Она знает, для чего нужна мне. Родит и отпускает. За грань, — ответил император и громко расхохотался. Его смех поддержали воины. — Ну же, великий Каарх, покажись, не бойся.

«Ирил?»

«Я наготове. Только не дури!»

«Спасибо, брат...»

Сандер быстро и ловко выпрыгнул из своей ниши и приземлился прямо у морды золотого дракона, который от неожиданности шарахнулся и мотнул головой, заставив наследника покачнуться, что настроения ему явно не прибавило.

— За что же ты так Аррата? — спросил Сандер, заглянув в знакомые глаза посла, скованного второй звериной ипостасью.

— Провинился и останется таким, пока я не скажу. Так вот ты какой, Сандер из рода Каарха. Потомок Синего бога. Последний из некогда великого рода.

— Мое имя ты знаешь. Не хочешь сообщить свое? — скрестив руки на груди, спросил Каарх.

— Ремаль. Повелитель Империи и наследник Темного бога.

— Ну какой же ты Ремаль? Тот давно ушел за грань. Твоими стараниями, между прочим.

Кстати, как сумел скрыть его смерть? Мы должны были почувствовать отдачу.

— Да там и скрывать было нечего. Слабоват оказался братишка. Ты знал, что император давно лишил его огненной силы?

— Лишил? Я думал, запечатал.

— Лишил. Не видел он братца императором. А нет силы — нет и отката. Этот дурак решил, что я поделюсь с ним властью. Он будет императором, а я его советником, правой рукой. Жалкий червяк.

— Так какое твое имя?

— А нету у меня имени, — усмехнулся молодой мужчина. — Ты же знаешь.

Сандер кивнул:

— Знаю. Отдал за силу вместе с двумя огненными жертвами.

— О нет, жертв было гораздо больше. Но эти две оказались вишенкой на торте, — усмехнулся наследник, закрыл глаза и глубоко вздохнул. — Сильный. Мощный. Неуправляемый, как сам океан. Да, в тебе сосредоточена вся сила твоего рода. Какой запас и потенциал! Говорят, ты нашел свою амери?

«Нет! Он не может этого знать! Не может!»

Каким-то чудом Сандеру удалось сохранить невозмутимость и спокойно поинтересоваться:

— Кто говорит?

— Ха-ха-ха! Страшно стало, да? Как же там твоя дорогая женушка? Я ведь тоже почувствовал ее рождение. Не дриада, но обладает драгоценной живительной магией. Как же я мог ее упустить? Все идиот Ремаль. Утверждал, что девчонка пуста. Выгорела после смерти

родителей, и император держал ее как игрушку. А тут такой сюрприз... Но ничего, еще не все потеряно. Она будет отличной императрицей.

— Ты ее не получишь! — мгновенно забыв о плане, выдал мужчина.

«Сандер!»

— Я видел портрет ее матери в кабинете. Старый дурак хранил его долгие годы. Она хороша, и если дочь обладает хотя бы половиной красоты...

— Ты ее не получишь!

«Сандер! Успокойся! Он тебя провоцирует! Не поддавайся!»

— Да? — наигранно удивился темный наследник. — Только вот в чем проблема. Она там, а ты тут.

Сердце сжалось от предчувствия беды. Он что-то упустил!

«Тьяна!»

И будто в подтверждение его слов завыл, зазвенел кристалл, разрушая завесу.

Одновременно с этим дрогнул пол под ногами, потрескались плитки, разверзлась земля, выпуская наружу монстров.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Тьяна

Невозможно описать те ужас и шок, которые охватили меня, когда я поняла, что завеса пала.

Это был конец. Для всех нас.

— Что? Но как? — потерянно зашептала Ферроу, хватаясь рукой за Око, которое болталось на ее тощей груди.

— Великий Сайрон, спаси нас, — с огромными от ужаса глазами прошептала Валенсия, упав в кресло. Силы разом оставили женщину, напомнив о ее истинном возрасте.

К нам спешила охрана. Еще немного, и они будут здесь.

А я внезапно поняла, что происходит и что надо делать. Повернулась, схватила Фриону за плечи и закричала:

— Доставь меня к кристаллу!

— Что?

— Немедленно доставь меня к кристаллу!

— Ты с ума сошла!

Охрана подходила все ближе. Еще немного, и не успею. Меня спрячут, закроют, и ничего не выйдет.

— Быстро! Я знаю, что делать! — буквально прорычала, сильнее впиваясь пальцами в ее плечи.

Не знаю, что подействовало — мой крик или уверенность в голосе, — но женщина кивнула, быстро достала какой-то шарик и...

...нашим охранникам остался лишь серый дым, растаявший в руках.

На этот раз перенос я выдержала гораздо легче и смогла устоять на ногах.

Перед нами открылось что-то вроде небольшого зала с высокими потолками и без окон.

Помещение освещали магические факелы.

— Ты все равно ничего не сможешь сделать. Надо бежать в убежище. Спасаться!

— Это не поможет, — ответила я, продолжая осмотр.

Чуть дальше виднелся черный зияющий проход, ведущий куда-то вниз.

— У нас нет выбора, Тьяна, — пытаюсь вновь схватить меня за руку, произнесла женщина. —

Кракены не смогут добраться до убежища. Мы продержимся до прихода Сандера.

— Ценой чужих жизней? Тех, кто сгинет, пытаюсь остановить чудовищ? Тех, кто не сможет добраться до безопасного места и погибнет?!

— Ты важнее. Ты и твой ребенок.

— Нет! — покачала головой, пятась в сторону прохода, туда, где, как я чувствовала, бился в ужасных судорогах кристалл.

— Тьяна! Не дури!

Свекровь попыталась дотянуться до меня, но не смогла, словно наткнулась на невидимую стену, от которой, едва не упав, отшатнулась.

— Что?

— Прости меня! — крикнула я, понимая, что это мой шанс, и бросилась бежать.

— Тьяна!

Первое тело я увидела у самого входа. Стражник с перерезанным горлом. Совсем мальчишка с устремленными в никуда светлыми глазами.

О второе едва не споткнулась чуть дальше, на низких ступеньках.

Значит, я оказалась права — кто-то специально сделал это. Пробрался сюда, убил стражников и сломал кристалл.

Мелькнула мысль, что с этим человеком мне не справиться, надо вернуться назад, туда, где билась о невидимую стену свекровь. Куда мне, хрупкой девушке, выстоять против того, кто убил столько стражников?

Я не хотела их считать. Тех воинов, которые погибли, пытаюсь спасти всех нас, но все равно считала, аккуратно переступая, прижимаясь к стене, глотая подступающие слезы, слушая последнюю песнь кристалла.

Восемнадцать.

Последние два полулежали, прислонившись к арке, опустив головы и продолжая сжимать мечи.

А дальше начался проход, в котором пульсировал и догорал кристалл.

И темная, сгорбленная, какая-то неправильная, будто сломленная, фигура на фоне угасающих импульсов.

Я даже шага ступить не успела, когда она молниеносно развернулась и уставилась на меня черными глазами. Совсем черными, без глазных яблок.

Жутко. Но не это меня испугало.

Я его узнала. Улыбающийся парнишка из нашего маленького отряда. Тот самый, который приносил мне вещи на корабле.

Но когда? Как?

— Что ты наделал? — прошептала я. — Зачем?

— Дриада, — проскулил тот, странно дергая подбородком. — Не трогать... но вкусная... яркая...

Я сглотнула и шагнула назад, догадавшись, что с ним стало. Подселенное темное создание сожрало душу молодого веселого парня.

— Вкусная, — снова протянуло создание, кажется, передумав меня не трогать.

Тело парня напряглось, подобралось, готовясь к прыжку, а я отчаянно думала, куда нырнуть, как спастись и в то же время попытаться подойти к кристаллу. К этой огромной глыбе светло-голубого цвета, сплошь изрезанной трещинами.

Но не успела и не могла успеть. Существо, ведомое тьмой, было сильнее.

Вот только кристалл неожиданно оказался куда более быстрым и молниеносным.

Когда я вскрикнула, падая и путаясь в полах кафтана, кристалл, отдав последние силы, выплеснул их в существо.

Это было страшно.

Нечеловеческий вой, переходящий в бульканье. Темное нечто, застывшее в ярком свете, как муха в янтаре, и осыпающееся в прах.

А потом тишина и темнота.

— Нет, — выдохнула я, ползком продвигаясь вперед, к потухшей глыбе. — Нет! Нет! Все не может закончиться так!

В какой-то момент встала, спотыкаясь и едва держась на ногах, ринулась вперед, обняла мертвый кристалл.

— Отзовись! Ты не можешь погаснуть! Не можешь оставить нас!

Под ногами блеснул нож с черным лезвием. Видимо, именно он разрушил кристалл. Ладони нащупали рваную острую рану.

— Отзовись! — прорыдала я, стирая злые слезы и снова обнимая кристаллическую поверхность. — Отзовись.

Но ничего.

— Я дриада! — Голос срывался и хрипел. — Хранительница живительной магии! Амери Каарха, мать его наследника! Огненная принцесса! Приказываю тебе! Отзовись!

Тишина.

Я схватилась за кулон, пытаясь призвать живительную магию. Но она помогала лишь живым, какое дело ей было до груды камней?

Не то! Все не то!

Кровь! Да, она должна помочь!

Я бросилась к входу, взяла кинжал одного из стражников, вернулась к кристаллу и полоснула по ладони острым лезвием. Болезненно ахнула и прижала раскрытую ладонь к камню.

— Ну же! Пей! Пей!

Вот только в моей крови не осталось огненной силы, и пить было нечего.

А кракены были совсем близко! Я чувствовала их, хотя не могла чувствовать. Или это была не я...

Ребенок.

То, что не получалось у меня, мог сделать он. Вот только готова ли я заплатить столь высокую цену, если с меня ее спросят?

«Большая сила и власть. Большая ответственность», — услышала я голос отца и зажмурилась.

— Прости меня... прости... — прошептала, касаясь рукой живота. — Твои родители просто сумасшедшие. Прости, но мы не можем иначе.

Другая рука сжала амулет, призывая всю силу, которая проходила через ребенка к кристаллу. «Прости...»

Сначала ничего не происходило, и я почти отчаялась, но неожиданно меня пронзила острая боль, я потеряла сознание и провалилась в неизвестность.

Сандер

Странные и жуткие существа с булькающей внутри и вытекающей из разломов лавой, созданные из валунов разного размера и формы, только начали выбираться из расселин, а Сандер уже взлетел вверх, ведомый чужой магией.

— Сопротивляться будешь? — издевательски рассмеялся наследник, наблюдая за его полетом. — Это даже интересно! Убить! Обоих! Принести мне их головы!

Последние его слова уже было сложно расслышать из-за глухих ударов, потрясших склеп.

— Ненавижу ситуации, когда я прав, — выдохнул Ирил, прижимаясь спиной к статуе и вздрагивая каждый раз, когда срабатывали расставленные ими во время ожидания ловушки. — Я ведь говорил, что добром эта затея не кончится.

— Ты же любишь трудности, — стряхивая прозрачный аркан со своего тела, ответил Сандер.

— Я столько не просил. Ты видел этих существ? Это новая вариация или что-то из старых запасов?

— Не знаю. Я темным искусством не увлекался.

— А надо бы. Сейчас ловушки закончатся. Готов?

— Да. — Сандер вдруг замер. — Ирил?..

— Что? — недовольно спросил сорджи, думая о чем-то своем.

— Кристалл замолчал.

Друг бросил на него неверящий взгляд и громко выругался:

— Может, что-то его глушит? Здесь столько всего намешано, что мог произойти сдвиг. Рано поддаваться панике. Готов?

— Готов. Но без твоей помощи мне не обойтись.

— Что бы ты делал без меня, — усмехнулся Ирил, явно давая понять, что потом не раз припомнит мужчине его слова.

— Не забудь вернуться, — произнес Сандер, пытаясь мысленно достучаться до Тьяны.

Молчание.

«Где же ты, моя милая? Что с тобой? Кто смог пробить защиту? И главное как?»

— У всех у нас есть якоря. На счет три? — отозвался сорджи.

— Три!

Гром, молнии — и с потолка на каменных монстров обрушилось несколько тонн ледяной воды. Лава моментально затвердела, разрушая их изнутри, а вода вдруг поползла назад, к центру зала, и сформировалась в высокую мужскую фигуру с длинными энергетическими кнутами в руках. Одновременно с этим налетел ветер, самый настоящий ураган, и десятки солнечных стрел обрушились на врагов.

— Высшие формы, — оскалился темный, любуясь со стороны происходящим. — Они лишь приближают вашу смерть!

Но они были опытнее.

Эти двое действовали слаженно и четко, без лишних движений и неловких сбоев. Где не успевал один, тут же оказывался другой, прикрывая спину друга.

Каменные монстры все не заканчивались и продолжали вылезать из разломов, сопровождая свое появление жутким гулом, запахом гари и дымом. Им не было конца.

Проблемы доставляли и обратившиеся ящеры. Огромные змеи с широкими перепончатыми крыльями, большими головами, украшенными острыми шипами, и пастьями с сотнями зубов. Неповоротливые на небольшом пространстве, они были вынуждены обращаться по очереди, пытаясь поймать сорджи, кружившего по залу.

Но разве возможно поймать ветер? Невидимку, бьющего со всей силы, ломая крылья и пронзая солнечными стрелами черные сердца. Исчезнет в одном месте и тут же появится в другом.

Никто из них не видел, как за спинами закрылись все двери. Отряд «красных волков» собственной кровью запечатывал древние замки, воскрешая слова страшной клятвы верности.

— Удачи, — прохрипел Урли, пошатываясь и отступая от замурованных дверей. — Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Сандеру стало очень тяжело.

Без водного источника — океана, который всегда поддерживал его, с замолчавшим кристаллом и страхом за жену. А монстров было много, их поток не заканчивался, да еще и драконы все время хотели укусить.

Гаденыш оказался прав, высшие формы сложно держать долго. Особенно когда подпитка закончилась, а своих сил почти не осталось.

«Ирил!» — мысленно прорычал он.

«Отзовались! Открываюсь! Держись!» — прошелестел тот.

Да, надо держаться. Надо. Не только ради себя. Ради любимой жены и будущего сына.

Расправившись с очередным монстром, мужчину ногой отшвырнул его в сторону и мысленно открылся, ожидая помощи друга.

Сила сорджи, ритуал, который его отец должен был провести, чтобы помочь им. Сейчас это было необходимо как никогда.

Вот только темный тоже все знал.

Ментальный удар заставил мужчину отлететь и со всего размаха врезаться в стену, по которой поползли огромные трещины.

«Сандер!» — взревел Ирил, стремительно спускаясь к нему.

Монстры замерли, в зале наступила гнетущая тишина, которую взорвал злобный хохот темного наследника.

— Как глупо и наивно. Я ждал, когда ты откроешься. Надо сказать, долго продержался.

Крепкий.

Сандер молчал, дрожа от боли, которая разрывала тело.

— Без своего кристалла ты бесполезен! Думал подпитаться магией Желтого? — продолжил молодой мужчина, спешил с дракона и стал приближаться, перепрыгивая через расщелины, из которых все выползали монстры, заполняя пространство. — Как предсказуемо!

Ирил материализовался, встал между ними, готовясь защищать друга до последнего вдоха.

Сила его рода, запечатанная чужой магией, билась в пространстве и не находила выхода. Они оба стали беззащитны перед лицом зла.

— Убить, — скомандовал наследник, хищно улыбнувшись. Он предвкушал редкое зрелище.

— До конца, — прокомментировал сорджи, вызывая солнечные стрелы.

Сил оставалось совсем немного, но сдаваться Ирил не собирался.

Еще немного, еще чуть-чуть.

Это будет красивый бой. Смертельный!

Сандер попытался пошевелиться, но не смог. Ему даже дышать было тяжело.

Самоуверенный дурак, который решил, что все предусмотрел!

Оставалось только наблюдать за отчаянной схваткой, где силы были не равны.

А в следующую секунду произошло нечто невероятное. Тело Сандера выгнулось, он болезненно захрипел — разрушая темный барьер, в него ворвалась родная и знакомая сила океана.

— Что-о-о?! — рыкнул темный, отступая назад и едва не падая на обломки.

А следом хлынула сила Желтого, смешавшись с неизвестно откуда взявшейся магией Красного бога, который внезапно решил помочь людям.

Огромный взрыв, разом уничтоживший каменных монстров, покалечил ящеров и повалил наследника на пол.

Сила пульсировала, наполняя потомков Синего и Желтого богов.

— Сандер! Не дай ему очнуться! — крикнул Ирил, заметив, как на полу зашевелился темный император.

Теперь шансов добраться до него было больше.

— Думаете, что все закончилось? — сплевывая кровь, красную, совсем человеческую, зло произнес молодой мужчина. — Решили, что, получив силу своих предков, сможете победить меня?

— А давай проверим, — отозвался сорджи, вновь меняя форму.

Это было пограничное состояние: не ветер, но и не привычное тело. Скорее человеческая форма, которая сплошь состояла из ветра и грозových вспышек.

— Ваши боги слабы! — самоуверенно продолжил наследник. — И вы такие же! Они смогли победить старшего брата вчетвером лишь после того, как обманом ослабили его. Но сейчас не тот случай! И к тому же вас всего двое!

— Ты был прав. — Ирил повернулся к Сандеру, который тоже принял новый облик и встал рядом, вызывая силовые плети. — Безумно самоуверен!

Мужчина кивнул, не отрывая взгляда от покачивающейся фигуры темного наследника, который легко срывал с себя одежду и разминал худощавое тело, явно стремясь обратиться. Вот только во что?

— Я все равно доберусь до нее! Не здесь, так за гранью, я найду ее и заберу!

— Что ты сделал с кристаллом?

— Уничтожил, но, кажется, опять кто-то что-то напутал. Хочешь сделать хорошо — делай сам. В любом случае... Она не выдержала!

«Тьяна! Тьяна! Где же ты?!!»

— Не слушай его, он просто тянет время.

Вокруг заворочались, застонали ящеры, стряхивая с себя осколки каменных монстров, пытаясь подняться на сломанных изуродованных крыльях.

— Тянешь время? — насмешливо продолжил Ирил.

— Нет. Это наш бой! Только наш! — крикнул лжеимператор, и ящеры почтительно склонили головы, отступая, признавая его власть.

А его тело болезненно выгнулось, расплываясь, меняя очертания, принимая совершенно новый облик.

Перед ними предстало страшное непонятное существо трехметрового роста с огромными крыльями темно-серого цвета, ужасным лицом, похожим на морду летучей мыши, накачанным телом и мощными ногами-лапами.

Сорджи внимательно следил за обращением и в конце тоскливо выдал:

— Ну почему? Почему в хрониках не написано, что он так может?!

Сандер не ответил, он пытался достучаться до жены.

С нечеловеческим рыком существо бросилось на них, и времени на разговоры и раздумья не осталось.

Это был тяжелый и изматывающий бой. Бой, во время которого ревела сама земля. Четыре стихии мира боролись против магии смерти, отдавая все, что было накоплено за долгие столетия.

Стихии словно сошли с ума. И только чудом храм не рухнул, погребая их под своими руинами.

Противники бросались друг на друга, пытались сбить с ног, достать до горла, вырвать сердце — но не выходило.

А потом вдруг все неожиданно кончилось.

Разом.

С огромными от ужаса глазами темный, схватившись за горло, которое обвила энергетическая плеть Каарха, пошатнулся; упал на колени, сраженный огненной стрелой — ее успел пустить в самое сердце сорджи; потом упал навзничь и испустил последний вздох.

Следом за ним тяжело опустились на пол два наследника.

Получилось.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Тьяна

Свет был таким ярким и ослепляющим, что я не могла его вынести даже с закрытыми глазами. Поморщилась, повертела отяжелевшей головой, пытаюсь спрятаться. Но куда там. Создавалось впечатление, что свет был везде и норовил окончательно лишит зрения.

Вдобавок ко всему голова гудела настолько сильно, что мысли путались, а тело вдруг стало ватным, непослушным, и любое движение давалось с трудом. Так что мне оставалось лежать и слушать.

— Удивительное безрассудство! — весьма громко прокомментировал совершенно незнакомый мужской голос, заставивший меня вновь поморщиться, на этот раз от боли в ушах.

Голос был низкий, бархатный и красивый. Если бы не его громкость, мне бы он даже понравился, так нежно обволакивал и дарил тепло.

— Она спасла Каросс, — мягко возразила какая-то женщина.

Тоже совершенно незнакомая.

— Ценой своей жизни и жизни наследника?! А ведь я дал ей все, о чем она так мечтала!

Я даже немного съезжилась от страха, таким громовым показался голос.

— Ты преувеличиваешь. Ребенку ничего не грозило.

— Но она-то об этом не знала!

— Я не пойму тебя, дорогой. Ты же хотел, чтобы девочка именно так и поступила, а теперь злишься.

«Боги, пожалуйста, пусть окажется, что я сплю и это все мне привиделось!» — мысленно взывала я.

— Даже не мечтай, — вдруг ответил мужчина. — Не привиделось.

«Ой! Я ведь ничего не говорила! У меня нет сил разговаривать!»

— А мне и не надо, — насмешливо парировал все тот же незнакомец, после чего обратился к спутнице: — Ты зачем ее защищаешь?

— А разве не должна? — отозвалась женщина. — Я ведь когда-то была такой же.

Небольшая пауза, после которой последовал ехидный вопрос:

— Такой же упрямой?

— Ну что ж, это закономерно. Сандер не был бы твоим потомком, если бы не выбрал ее в качестве своей амери.

Что?

Я все-таки заставила себя приподнять веки и посмотреть на говорящих, уже понимая, кого именно увижу.

Точно.

Надо мной возвышался красивый мужчина без возраста с невероятными, очень знакомыми глазами цвета океана. Вот только они немного отличались от привычных. В их глубине бились настоящая мощь первозданной стихии и древняя магия.

Их было двое: высокий широкоплечий светловолосый мужчина и хрупкая, тоненькая темноволосая молодая женщина.

А вокруг нас — белая, непроглядная, слепящая мгла.

— Ну вот, ей уже значительно лучше, — прокомментировала женщина, пока я, поднимаясь и садясь, лихорадочно пыталась понять, как себя вести и что делать.

Лично встречаться с одним из четырех богов мне еще не случилось.

— Почему я здесь?

«И главное где? Неужели это конец?»

— Не думай так громко, — тут же вставил Каарх насмешливо. — Это место можно назвать чистилищем.

Что-то мне стало совсем плохо от его заявления.

— Чистилище? — хриплым голосом переспросила я и тяжело сглотнула. — Я мертва?

— А разве ты не этого добивалась, когда пыталась спасти кристалл?

Невероятные глаза так пристально посмотрели на меня, что я невольно поежилась и тихо ответила:

— Единственное, чего я хотела, — это спасти кристалл и Каросс со всеми его жителями.

— Ценой своей жизни и жизни своего ребенка? — вставил мужчина.

— Я надеялась на лучшее, — едва слышно призналась и сжала губы, чтобы не расплакаться.

Если бы все пришлось повторить сначала, я бы поступила так же, но это не мешало мне желать выжить.

— Ты слишком жесток к ней, дорогой, — укоризненно покачала головой супруга Каросса.

— Жесток, но справедлив. А ты, девочка, должна учиться слушать и не перебивать. Чистилище

— это состояние, в которое входят ваши жрицы или священнослужители, пытаясь домолиться до нас. Своего рода транс.

— Но я не жрица.

— Но ты могла ей стать.

Дальше спорить не стала, решила благоразумно промолчать.

— Не переживай, — вмешалась его жена, заметив мое состояние. — С твоим мальчиком все хорошо.

— Мальчиком? — переспросила я, облизав вмиг пересохшие губы.

— А что тебя удивляет? У Каархов рождаются лишь мальчики. Настоящие воины, — ответил Синий. — Или ты ждала девочку?

— Нет. Я просто хочу, чтобы с ребенком все было хорошо.

— С ним все хорошо, можешь не переживать. Сильный мальчик. Первый, в котором течет кровь всех четырех богов. Уникальный ребенок и очень сильный. Его ждет великое будущее.

Я застыла, недоверчиво глядя на мужчину.

— Вы говорите так, словно с самого начала стремились к этому.

— Ты хочешь знать, вмешивался ли я в естественный ход вещей? Да. К вашему большому удовольствию. Кровь Желтого было не так сложно найти, они очень плодovitы. Но вот Красный и Зеленый... Мы наблюдаем за вами, Тьяна, и видим, как вы постепенно меняете мир. Уж если бог об этом говорит, мир действительно становится другим.

— Что с Сандером?

— Исполняет свой долг.

Звучало не очень утешительно.

— Ты спасла Каросс, отбросила кракенов в океан, но этого мало.

— Мало? — переспросила я. — Что еще я должна сделать?

«Чем еще рискнуть?»

— Спаси девочку.

— Какую? — только и успела спросить, когда меня неожиданно выбросило.

Единственное, что я успела услышать напоследок, было: «Если ты хочешь дочку, ты должна ее дожидаться!»

Как оказалось, меня выкинуло не совсем назад, потому что темной пещеры и кристалла не наблюдалось.

Были пляж с мокрым песком, в который я упиралась руками, ровная гладь океана впереди и неутрахающий гул в голове.

Что происходит? Где я?

Огляделась, жмурясь от яркого солнца, что стояло в самом зените.

Точно Каросс. Побережье океана.

Того самого, к которому мне подходить не стоит.

Приподнялась и на четвереньках поползла к берегу, мысленно погоняя себя и молясь, чтобы все прошло хорошо.

Мысли были так заняты всем случившимся, что я не сразу заметила ее — худенькую девочку, которая, пошатываясь, двигалась к кромке воды, а на груди ее сиял огнем кулон.

Она? Здесь?

— Ферроу?! — закричала я, но с губ сорвался лишь жалкий хрип, раздирающий горло. —

Ферроу! Стой!

Она была слишком далеко, а я, почувствовав кракенов, внезапно осознала весь ужас происходящего.

Честно говоря, возродив кристалл, я искренне считала, что все хорошо, опасность миновала и завеса восстановлена.

Но оказалось, что это не совсем так.

Завеса появилась ненадолго. Отбросив монстров, кристалл вновь затих, направив свою энергию и силу на помощь Сандеру. Защита осталась, но совсем хрупкая, тоненькая, и провоцировать чудовищ не стоило.

— Ферроу! — снова крикнула я, осторожно поднялась и, пошатываясь, сделала первый неуверенный шаг.

Потом еще один и еще.

Ничего сложного. Не упала, споткнулась, правда, пару раз, но это не страшно.

Как Ферроу оказалась здесь? Да еще так быстро? А сколько времени я была без сознания?

— Госпожа Тьяна? — донесся удивленный возглас откуда-то сбоку. — Стойте!

Обернулась на мгновение, чтобы увидеть изумленного Стенза в компании парочки мордоротов, и, ускорив шаг, перешла на неровный бег.

— Тьяна! Не смейте! — продолжал надрываться мужчина, а охрана бросилась ко мне.

Но я каким-то чудом оказалась быстрее.

Осознание происходящего пришло не сразу.

Они решили принести девочку в жертву. Чтобы кракены получили свою огненную принцессу и успокоились.

Пара шагов, и мои руки обняли девочку за худенькие плечи.

— Не тронь, — еле слышно прошептала она.

А алые капельки крови падали на мокрый песок.

Эти сволочи порезали ей руки, чтобы приманить чудовищ.

— Быстрее! Быстрее! Нам надо уходить, — произнесла я, подталкивая Ферроу подальше от воды, и не сразу поняла, что охранники к нам так и не подбежали, ринулись назад, несмотря на угрозы и проклятия Стенза.

— Поздно, — побелев, ответила та, и огромные глаза расширились от ужаса.

В прошлый раз все произошло иначе — темные облака, жуткий ветер, надвигающийся шторм со всполохами изломанных молний и ощущение надвигающейся беды.

Сейчас всего этого не было. Безоблачное небо, яркое солнце, лазурная гладь океана и белые барашки волн, на фоне которых темная туша движущегося на нас кракена со множеством извивающихся щупалец выглядела особенно жутко.

— Боги, спасите нас! — прошептала я, пятясь назад.

— Спасайся, пока не поздно! — крикнула девочка. — Мне-то все равно не уйти.

Да, крохотный шанс спастись все-таки был, но я так не могла.

Боги... Боги не просто так отправили меня сюда. Сомневаюсь, что Синий, каким бы извращенным ни был его ум, решил таким образом избавиться от меня и долгожданного наследника. Это крайне глупо.

Значит, есть шанс. Шанс спастись нам обоим. Надо только найти выход. Прямо сейчас.

Проблема в том, что я совершенно не знала, что делать.

А кракен приближался. Завеса порвалась, похоже, сейчас появятся и другие.

Я чувствовала это всеми фибрами души и готова была впасть в панику, но неожиданно капелька крови сползла по руке девочки и упала прямо на камень амулета, который моментально засветился мягким красным светом.

— Что такое? — пробормотала Ферроу, опуская взгляд, а я неожиданно поняла, что делать. Все же здесь, под рукой: Око Сайрона — мощнейшая реликвия красных потомков, наследница огненной крови и я — обладательница живительной магии предков.

— Доверься мне, — твердо произнесла в ответ, прижимая ее окровавленные ладони к камню. — Доверься.

— Ты сошла с ума.

— Возможно. Зови ее. Зови огненную магию. Быстрее.

Короткий непонимающий взгляд, но спорить девочка не стала, она мне поверила. Я вновь повернулась к океану, тяжело сглотнула, когда увидела, что кракен совсем близко. Одурев от красной крови, от ее манящего вкуса и аромата, он бился в истерике, колотил толстыми щупальцами по воде, поднимая облака брызг.

— Бросай ее в меня! — крикнула я, не оборачиваясь.

Еще мгновение, и брызги попадут на меня. Значит, остается совсем немного. Совсем чуть-чуть.

— Что?

— Силу! В меня! Быстро!

— Но ты сгоришь!

— Время!!! — Я уже кричала, срывая голос и понимая, что счет пошел на секунды. Живительная магия была здесь, я чувствовала ее на своем теле, она мягко обволакивала каждый миллиметр, лаская кожу, даря защиту, готовясь прийти на помощь.

Один раз я уже послужила проводником, и все обошлось (беседы с Синим в чистилище не считаются), значит, надо сделать это еще раз. Другого выхода я не видела.

Красная магия ударила сильно.

Да, в Ферроу был потенциал, и сила была. Яркая, завораживающая, обжигающая. Девочка родилась сильной, а теперь, после контакта магии с Оком, стала еще сильнее. Огонь опалил меня и едва не сбил с ног, только чудом мне удалось устоять. Живительная сила зашипела, забурлила, пытаясь сдержатъ напор.

«Боги, помогите!» — только и успела подумать, увидев, как темные щупальца, возникшие из морской пучины, тянутся ко мне, хотят схватить и утащить в бездну океана.

Зажмурилась, чтобы не видеть этого, позволила магии перемешаться, забиться в моих руках и выплеснуться прямо в кракена.

Это было больно.

Охнув, я с трудом заставила себя застыть и не закрыться, хотя очень хотелось. Хотелось спрятаться от боли, от пламени, которое лизало мою кожу, от жара огня, при каждом новом вздохе обжигающего легкие.

Но я не могла.

Сейчас многое было поставлено на кон.

Сзади жалобно вскрикнула Ферроу, но она тоже держалась. Не понимала, боялась, но помогала мне, осушая себя чуть ли не до конца.

«Ну же, ну же!»

Наверное, надо было открыть глаза, посмотреть, ведь если я еще жива и стою на песке, все идет хорошо.

Ведь так?

Но было так больно, что даже поднять веки казалось настоящим испытанием.

Снова крик Ферроу, захлебнувшийся в слезах.

Мне так много хотелось ей сказать, приободрить, но я не могла. Сама едва держалась, чтобы не закричать.

— Не... могу... не могу! — последний раз вскрикнула девочка, и поток магии вдруг резко иссяк.

А вместе с ним закончились и силы.

Ноги подогнулись, я упала.

Так и лежала, прижимаясь щекой к мокрому шершавому песку.

Зато получилось открыть глаза для того, чтобы увидеть новое чудо.

Кракена не было, не было щупалец, моря крови и прочих ужасов, которые стоило ожидать. Из спокойной глади воды один за другим медленно взлетали яркие огоньки и стремились улететь высоко-высоко в небо.

Освобожденные души.

Как же это было красиво.

У меня невольно защипало глаза от едва сдерживаемых слез. А ведь совсем недавно казалось, что жидкости во мне не осталось, все сгорело в огне.

Но это было не так.

Жива.

Живы!

Я заставила себя повернуться на другой бок, нашла взглядом бледное, обескровленное личико Ферроу.

Она сидела на коленях, неотрывно смотрела на океан, а по щекам текли слезы, которые девочка стирала дрожащими окровавленными руками.

— Ферроу.

Она меня будто не слышала.

Приподняться, подползти, обнять так крепко, как можно, насколько хватит сил.

Девочка дрогнула, сжалась и вдруг громко разрыдалась, крепко обнимая и пряча лицо у меня на груди.

— Все хорошо... все хорошо... мы живы. Мы живы. А ты умница. Какая же ты умница, — шептала я осипшим от слез голосом и гладила ее по спутанным волосам.

К нам медленно приближался Стенз, но, увидев мой взгляд, застыл и усмехнулся:

— Вы не понимаете.

От звука его голоса Ферроу задрожала, еще теснее прижалась ко мне.

— Вы предали ее, меня, Сандера.

Пожилый кароссиканец покачал головой:

— Ошибаетесь. Я спасал вас и наследника.

— У вас плохо вышло, господин Стенз. Вы хотели убить ребенка.

— Война требует жертв, — спокойно отозвался тот.

— Но не таких, — твердо ответила я, понимая, что это бессмысленный спор. Каждый из нас останется при своем мнении. — Я лишаю вас всех полномочий.

— Не имеете права, эти полномочия мне предоставил совет.

— Правда? Возможно, и так. Но я имею право посадить вас в темницу до возвращения мужа. На это моих полномочий хватит, не так ли?

— А он вернется?

Я улыбнулась, чувствуя далекий отклик Сандера и его усталое ликование, свободу и легкость, которые могло подарить одно — гибель темного наследника и восстановление пошатнувшегося порядка.

— Да, — ответила твердо. — Он вернется. Совсем скоро. Это победа, господин Стенз. Они справились.

— Вы справились.

Я сдержала свое слово и после возвращения в замок приказала задержать Стенза. Тот не сопротивлялся, смиренно принял мою волю.

Казалось бы, вот оно, счастье. Только нас ждало новое потрясение — исчезновение Фрионы.

Свекровь исчезла с Каросса, не оставив следа или хоть какого-то намека на то, что случилось и где ее надо искать. Пропала и словно растворилась на долгие годы, пока сами боги не свели нас снова.

Сандер вернулся через две недели.

В эти дни я отлично чувствовала мужа, знала, что все хорошо, но тревога не отступала.

Жизнь шла своим чередом.

Кристалл исправно работал. Я пару раз навещала его в пещере, под тихие шепотки охраны подходила и касалась гладкой поверхности камня, приветствуя его. И он отвечал. Словно живое создание, менял свой цвет на более светлый и радостно мигал, доводя застывших в проеме кароссиканцев до сердечных приступов.

Кракенов больше не было.

Я не чувствовала их вблизи границ восстановившейся полноценной завесы. Да, знаю, это совсем не значит, что в будущем Темный бог не создаст новых чудовищ и не натравит их на нас в слепой безумной жажде отомстить.

Но сейчас он был слаб и опустошен из-за разрушения своих планов, поэтому у нас имелось время прийти в себя и набраться сил.

И еще я верила, что мир действительно стал другим. Мне хотелось в это верить.

Каросс праздновал победу.

Каждый вечер — песни, танцы, карнавалы и фейерверки. Жители приветствовали новых героев, слагали новые легенды и сказки, которые потом непременно станут рассказывать своим детям, внукам и последующим поколениям.

Еще я наконец смогла встретиться с советом. В полном его составе. Его члены, как могли, пытались уговорить меня выпустить Стенза из темницы, аргументируя это тем, что острову нужна защита. Но я осталась непреклонной. Есть вещи, которые не стоит прощать.

Еще от совета поступило неожиданное предложение увековечить нас с Сандером и поставить наши гигантские статуи на самой высокой горе Каросса. Чтобы все видели великих защитников.

— Для потомков.

Я в ответ равнодушно повела плечами. Никогда не страдала самолюбием.

— Этот вопрос вы обсудите с моим мужем.

Ниардо-старший продолжал сидеть под арестом, ожидая заседания высшего суда. Против него находились все новые и новые улики, так что выкрутиться старый интриган уже не мог.

Его сын, красавец Виттор, сделал предложение дочери зажиточного торговца и уехал куда-то вглубь острова, навсегда порвав с прошлым и решив начать новую жизнь.

Зарину по моему приказу выпустили из храма. Больше с бывшей соперницей я не встречалась, но следила, чтобы ее жизнь устроилась как можно лучше. Девушка не виновата в непомерных амбициях своего отца, который с рождения внушал ей, что она станет амери Сандера.

Ферроу около недели лежала в горячке. Страх, ужас и наркотики, которыми ее накачали, чтобы добиться послушания, сыграли с ребенком злую шутку. Нервный срыв перешел в затяжную болезнь, из которой она с трудом выбиралась.

У ее постели все время дежурила Валенсия. Наша родственница сильно сдала за эти недели и из роскошной, привлекательной женщины превратилась в старуху с потухшими, полными печали и горя глазами.

— Следов Фрионы не обнаружили? — устало спросила она, когда я поздно вечером зашла навестить огненную наследницу.

— Нет. Никаких. Она будто испарилась.

Женщина кивнула.

— Я так долго ненавидела ее, желала смерти, а сейчас не испытываю ничего. Совсем. Как ты думаешь, что с ней стало?

— Не знаю, — вздохнула я, хотя на самом деле догадывалась. — Мне хочется верить, что Сандер и Ирил ее отыщут, когда вернуться. И все будет хорошо. Хватит с нас потерь.

Нянюшка почти восстановилась и часто гуляла в саду. По моей просьбе садовник выделил ей небольшой клочок земли, на котором она решила заняться садоводством.

— Чтобы не скучать в праздности, — заявила няня. — Не могу сидеть без дела.

У меня было действительно много дел, но я всегда находила время, чтобы забрать Аргуса из стойла, оседлать его и, подставляя лицо ветру, полетать над островом под радостные приветственные крики островитян.

Мы с грифоном оба выжили и исцелились, начали жизнь сначала и справились со всеми испытаниями.

В день возвращения Сандера я не находила себе места. Металась по спальне и не могла заняться просмотром депеш, которые принесли с утра.

— Может, успокаивающего отвара, госпожа? — предложила служанка, увидев мою тревогу.

— Нет-нет, все хорошо, — отозвалась я, вставая с кресла и подходя к окну.

Густой лес без намека на океан.

Как же долго тянется время.

— Сообщи начальнику стражи, что я хочу полетать, — произнесла, не оборачиваясь.

— Куда желаете?

— В центральный порт.

Неловкое молчание.

— Вы уверены, госпожа?

— Да. Если надо, пусть назначит в сопровождение побольше стражников. Мне надо в порт. Прямо сейчас.

— Как прикажете.

Сборы заняли чуть больше часа, в течение которого я извелась от нетерпения.

Потом была длительная дорога. Впервые за долгое время полет не доставлял мне удовольствия.

И Аргус, чувствуя это, тревожно клекотал.

Вот и кишачий спешащими по своим делам жителями порт. А впереди ровная гладь океана с немногочисленными рыболовными суденышками.

— С вами все в порядке, госпожа? — поинтересовался начальник охраны, который лично вызвался сопровождать меня в это путешествие.

— Да, — рассеянно отозвалась я, продолжая всматриваться в горизонт и ища крохотную точку приближающегося судна.

Нет, это не могло быть ошибкой. Чувства не могли так жестоко обмануть меня.

Я знала, что Сандер рядом, что скоро он будет здесь. Точно знала.

Я должна была первая поприветствовать его.

— Мы чего-то ждем? — осторожно спросил мужчина после десяти минут молчаливого ожидания.

— Да, — ответила я, до боли сжимая поводья. — Не спешите.

Корабль увидела не сразу. Сначала просто почувствовала. Сердце кольнуло, от волнения задрожало все внутри.

Дернулась, лихорадочно осматривая горизонт, подбираясь и напрягаясь всем телом, а потом пришпорила Аргуса.

— Госпожа Тьяна? Стойте!!!

Но кто бы его послушал?

Я спешила туда, куда меня звало сердце.

Быстрее! Быстрее!

Вот и корабль, он увеличивался на глазах, и фигура на капитанском мостике повернулась в мою сторону.

Не помню, как оказалась внизу. Я просто слетела со спины Аргуса, чтобы тут же попасть в крепкие объятия мужа, который прижал меня к себе, зарылся в мои волосы лицом и тихо выдохнул:

— Тьяна...

— Ты здесь, — вцепившись в его плечи, прошептала я.

— Здесь. И больше никогда не оставлю тебя одну.

А мне большего и не надо.

ЭПИЛОГ

Тринадцать лет спустя

— Ну ма-а-а-ам, — протянул сын, когда, подавшись вперед, я быстро поправила воротник рубашки, убирая несуществующую складку.

— Не мамкай, — произнесла в ответ, чуть выпрямилась и снова наклонилась — на этот раз, чтобы убрать непокорную темную челку, которая так и норовила попасть в глаза.

Все никак не могу привыкнуть к тому, что мой мальчик так вырос.

Хейгар тут же тряхнул головой, и челка вернулась на место. Сине-зеленые глаза уставились на меня с нескрываемым ехидством. Истинный сын своего отца.

«Боги, дайте мне силы. Ему всего двенадцать. Что же будет дальше?»

Вздыхнув, поправила золотой браслет на руке и огляделась.

В зале было очень душно, даже легкое платье-кафтан насыщенного цвета морской волны с серебряной вышивкой не могло спасти от жары. А до конца очереди еще групп пять.

— Почему опять я? — продолжал тихо возмущаться сын. — Почему именно я должен здесь присутствовать?

— Потому что ты самый старший, — спокойно отозвалась я, наблюдая, как делегация из царства Користо дружными рядами проходит в раскрытые двери, чтобы поприветствовать императорскую чету и новорожденную принцессу.

— И потому что наследник, — добавил Сандер, подходя ближе, становясь рядом и привычно обнимая меня за талию.

Сразу стало легче и спокойнее.

— Ты задержался, — заметила я.

— Решал кое-какие проблемы.

— Проблемы?

Нет, сейчас нам проблем не надо.

В последнее время я что-то стала совсем нервной.

— Не переживай, — улыбнулся Сандер, целуя меня в висок. — Дети спят, няnek вокруг них много. Дворец не подожгут.

— Конечно, не подожгут, огненной магией обладает лишь Хейгар, — кисло отозвалась я. — А он-то как раз с нами.

— И не затопят, — добавил супруг.

— В прошлый раз ты то же самое говорил.

— Везет, они спят, а я тут отдуваюсь, — проворчал Хейгар и поправил тугой воротник, пытаясь хоть немного ослабить узел галстука.

Ну конечно же, Каархи не любят, когда их хоть что-то сковывает и ограничивает. Даже если это всего лишь предметы туалета.

Но что поделять, таковы правила. Являясь одной из провинций Империи, мы должны их соблюдать.

— Ты бы все равно спать не стал. Так что не ной, — произнесла я.

В очереди перед нами оставалась всего одна группа из располагавшейся на севере провинции Сайгал, лучшего и главного поставщика ценного меха в Империи.

Раскрыв веер, я принялась быстро им обмахиваться.

— Волнуешься? — тут же спросил Сандер.

— Здесь душно, — отозвалась я и вновь повернулась к скучающему Хейгару. — Ты все помнишь?

— Помню, еще прошлого раза. Всего два года прошло с представления наследника. Я же не глупый.

Кажется, у кого-то начинается переходный возраст. И если Хейгар, самый спокойный и уравновешенный из моих детей, так себя ведет, страшно представить, что будет с остальными.

На вторую годовщину победы над темным наследником я сообщила мужу о том, что снова беременна. Сандер конечно же страшно обрадовался. Два молодых потомка Синего должны были возродить угасающий род. Значит, боги благословили наш союз.

Сандер ждал сына, а я надеялась на дочь. В итоге на свет появился Райгер — очаровательный малыш со светлым пушком на голове и небесно-синими глазами, которые навсегда меня покорили.

В мою третью беременность через четыре года муж просто не поверил. Целую минуту сидел с огромными глазами и приоткрытым от удивления ртом, а потом выдал:

— У Каархов не может быть больше двух сыновей! Это невозможно!

В ответ на это я положила его руку на свой живот, предлагая прислушаться и убедиться в обратном.

Наш третий сын Арнгольд родился точно в срок, огласив предрассветные сумерки громким и требовательным криком.

Сандер принял малыша у повитухи и, полюбовавшись на крохотное чудо, заявил:

— Это просто невероятно и невозможно.

— Только не для нас, — устало возразила я, отдыхая на подушках и с трудом борясь с сонливостью.

— Я знаю, чего ты хочешь добиться.

— И чего же?

— У Каархов не бывает дочерей.

— То же самое ты говорил про него. — Я указала взглядом на спящего младенца.

Следующей беременности мне пришлось ждать долгих пять лет. Я даже смирилась с мыслью о том, что Синий бог подшутил надо мной и дочка мне не видать, но внезапно поняла, что снова жду ребенка.

К информированию супруга я подошла с осторожностью. Долго готовилась, подбирала слова, но поняла, что лучше всего сказать напрямик.

— Дорогой, — решительно произнесла я, когда мы отправились всей нашей многочисленной семьей на пикник и расположились на клетчатом пледе в тени высокого дерева.

— Мм? — отозвался Сандер, наблюдая, как мальчишки носятся с палками вокруг, играя в доблестных воинов.

— У меня для тебя новость.

— Какая? — все так же игнорируя меня, спросил он.

Драка мальчишек стала еще ожесточенней. Мне пришлось себя успокоить и не вмешиваться.

Мальчишки все равно останутся мальчишками.

— Хорошая.

Посмотрел, мягко улыбнувшись:

— Я люблю хорошие новости. Ты снова пересмотрела проект наших статуй? И все-таки смогла уговорить совет отказаться от их возведения?

Мы пытались сделать это целых десять лет, но так и не смогли.

— Нет. Строительство начнется на следующей неделе.

— Жаль.

— Я беременна.

Вздрыгнул и нахмурился, пронзил меня немного ошалелым взглядом.

— Тьяна...

— Да, знаю, что ты мне скажешь — это невозможно, — поспешно продолжила я, замирая от тепла и нежности, которые горели в глубине его невероятных глаз. — Но посмотри на Ари. Ты же сам десять лет назад говорил, что мир меняется. Мы его меняем.

— Тьяна...

— Это девочка. Должна быть девочка.

Муж пододвинулся ко мне и быстро прижал к себе, целуя в губы, заставляя замолчать.

— Фу-у-у-у, — протянули мальчишки, приземляясь рядом с нами. Арнгольд забрался ко мне на колени, а Хейгар и Райгер схватили наливные яблоки, которыми тут же захрустели. — Целуются.

— Ты мое чудо, — выдохнул муж, прижимаясь лбом к моему лбу.

Эта беременность проходила тяжелее прочих — усталость, постоянная сонливость, тошнота, отеки и огромный живот, внушающий всем ужас.

Роды начались на полтора месяца раньше намеченного срока, навели переполох в замке и едва не свели мужа с ума.

На этот раз он решил быть рядом со мной с начала и до конца.

— В последний раз, Тьяна! — заявил Сандер, видя, как меня скручивает во время очередной особо болезненной схватки.

Я сильнее сцепила зубы, молясь богам, чтобы с ребенком все было хорошо и преждевременные роды никак на нем не отразились.

Ребенок шел слишком быстро.

Всего через пару часов крик новорожденного огласил спальню, заставив меня облегченно выдохнуть и откинуться на мокрые от пота подушки.

— Мальчик, — ликующе произнесла повитуха, принимая очередного наследника и кутая его в белоснежную ткань, чтобы передать нянечкам.

— Все-таки мальчик, — многозначительно заметил муж и заботливо стер с моего лица капельки пота. — Как ты?

— Хорошо, — ответила я, несмотря на то что тело ломило и долгожданное облегчение не приходило. — Дайте мне сына.

— Сейчас, сейчас, — засуетилась нянечка.

Она уже собиралась передать мне малыша, когда боль вернулась.

Еще сильнее, чем в прошлый раз.

Я вскрикнула от неожиданности, вцепилась в руку мужа.

— Тьяна? Что?!

— Не знаю, — только и успела произнести, как мне снова стало очень больно.

— Что, в конце концов, происходит? — рявкнул муж, обращаясь к повитухе, которая уже была на месте.

Ее глаза расширились от удивления, и она тут же ободряюще протянула:

— Тужьтесь, госпожа, тужьтесь!

Я и так тужилась, не могла сдержаться и рычала от боли.

— А-а-а!

В ответ раздался жалобный писк второго младенца.

— Близнецы? — изумленно выдохнул Сандер.

— Двойняшки. У вас девочка, господин, — произнесла пожилая женщина так, словно сама не верила в то, что говорила.

— Девочка? Ты все-таки добила своего.

— О чем задумалась? — спросил Сандер, вырывая меня из воспоминаний.

— Думаю, как там дети.

— Спят. Не переживай, все хорошо. Наша очередь.

Мы подошли к дверям и застыли, ожидая объявления.

— Повелитель острова Каросс Сандер из рода Каарха с супругой Тьяной, герцогиней Колдер и старшим сыном Хейгаром из рода Каарха! — громко провозгласил глашатай и трижды стукнул толстой тростью по полу.

Титул, земли, дома и имущество Колдеров Ферроу вернула мне в первый же год своего правления. Несмотря на отчаянные протесты Наблюдательного совета, который был создан сразу после признания ее кронпринцессой и просуществовал вплоть до совершеннолетия и коронации.

А также последовали полное помилование и официальные извинения, что оказалось дороже всех драгоценностей и почестей на свете.

Мои родители теперь могли покоиться с миром.

По нашему решению титул перейдет Райгеру после его совершеннолетия, а дальше он сам решит, что с ним делать.

Мы шли вперед. Туда, где стоял небольшой постамент — на нем, на огромном золотом, обитом красным бархатом троне, восседала темноволосая императрица.

Сложно представить, что эта уверенная в себе сильная молодая женщина когда-то рыдала на моем плече. Она выросла и сдержала свое слово: стала одной из мудрейших повелительниц за последнюю сотню лет.

Рядом с ней с правой стороны, совсем рядом с золоченой люлькой, в которой спала новорожденная принцесса, неизменно стоял Урли, готовый защитить и спасти от любой опасности ту, которую любил больше жизни.

С левой стороны виднелся трон поменьше, на нем развалился тучный пожилой мужчина. Он дремал и громко причмокивал, вызывая легкое раздражение и отвращение.

Лорд Ольез, муж императрицы. Союз, на который она пошла, чтобы укрепить трон.

Но все присутствующие отлично знали, что Ольез — фикция, отцом огненных наследников является совсем другой человек, тот самый, который ни на шаг не отходил от королевы вот уже долгие тринадцать лет.

— Сандер, Тьяна, — радостно произнесла молодая женщина, поднимаясь, быстро спускаясь к нам и громко шурша многослойными юбками своего великолепного платья цвета слоновой кости. Урли остался на месте, лишь кивнул Сандеру, давая понять, что доверяет. — И конечно же молодой наследник. Я так рада, что вы здесь!

— Мы не могли пропустить столь великое событие, как представление принцессы Авалайн, — почтительно склонив голову, ответил Сандер.

— Вас тоже есть с чем поздравить, — улыбнувшись, произнесла императрица и взяла меня за руки. — Рождение Фарелла и Фрей — настоящее чудо. Я непременно навещу вас завтра. Мне не терпится познакомиться с первой дочерью Каарха.

— Для нас это великая честь.

Представление продолжилось.

Мы отошли в сторону, и нас тут же навестил ветреный сорджи.

— Никакого соблюдения этикета, — сообщил Ирил, подходя и привычно щелкая Хейгара по носу. — Вы каждым своим появлением создаете уйму новых сплетен.

— Чтобы императорский двор не скучал, — отозвалась я. — Рада тебя видеть, а где Виити?

— Она осталась дома.

— Ты опять что-то натворил? — спросил Сандер.

— Нет. — Улыбка у сорджи была такой радостной и искренней, что я невольно засмотрелась. Давно я его таким не видела.

После исчезновения Фрионы прошло двенадцать лет. Десять из них мужчина продолжал искать ее по всему миру, отказываясь верить, что она погибла. Это могло бы продолжаться бесконечно, если бы отец не заставил его жениться на Виити.

Это был сложный союз, и я уже перестала верить, что он может стать счастливым, уж слишком непохожей оказалась молодая жена на мою пропавшую свекровь.

Но, может, это и к лучшему. Ирил постепенно стал меняться. Из глаз ушли глухая тоска и боль. Он начал улыбаться и постепенно сделался по-настоящему счастливым.

Может, права была Фриона: ей стоило исчезнуть из жизни сорджи, позволив ему жить и радоваться.

— Она просто не очень хорошо себя чувствует в последнее время.

— Заболела? — сразу встревожилась я.

Хейгар, который вполуха прислушивался к нашему разговору, тревожно замер.

— Нет. Это еще не объявлено официально, но я хочу, чтобы вы первые узнали. Виита беременна. Я скоро впервые стану отцом.

— Поздравляю! — воскликнули мы одновременно. — Это чудесная новость!

А сама видела, как отчаянно старается сохранить спокойствие Сандер. Ему тяжело было скрывать от друга правду. Поэтому они немного отдалились друг от друга за эти два года.

Но я понимала, что так лучше.

— Юная жрица Священного леса Илинн, — провозгласил тем временем глашатай, привлекая всеобщее внимание.

Это было ее первое официальное представление ко двору. До этого присутствующие получили лишь скудную информацию о том, что в Священном лесу родилась новая жрица, которая сместила Эстрею. Вот и все.

Появилась девочка двенадцати лет с бездонными зелеными глазами и золотистыми волосами, которые волнистыми локонами падали на грудь и плечи. Высокая, немного неуклюжая и нескладная, как и ее отец, но в то же время очень красивая и возвышенная. В ней явно чувствовались божественная кровь и благословение.

— Это и есть Илинн? — повернувшись, спросил Ирил, внимательно разглядывая девочку, которая приходилась ему дочерью.

А Сандер лихорадочно осматривал приближенных сестры, надеясь найти среди них Фриону. Но мы оба понимали, что из леса ей выходить нельзя.

О судьбе Фрионы мы узнали два года назад, когда в тайне ото всех нас призвали в Священный лес. О том, что Эстрею изгнали и лишили всех почестей, мы слышали давно, но подробности дриады скрывали. И тут такое неожиданное приглашение.

Нас проводили в небольшой домик на вершине дерева и попросили подождать. Но мы точно не были готовы увидеть Фриону.

Свекровь вошла вместе с высокой нескладной девочкой с золотым венцом на голове.

— Мама? — недоверчиво прошептал Сандер, тут же оказался рядом и крепко обнял мать, которую уже не надеялся увидеть.

— Сандер, — сквозь слезы улыбнулась она. — Здравствуй, мой мальчик. Здравствуй, мой дорогой. Тяна, рада тебя видеть.

Первые пять минут мы обнимались, вытирали слезы и не верили, что наконец-то нашли друг друга.

— Ты все это время была здесь? — присаживаясь за столик и продолжая сжимать руку Фрионы, произнес Сандер. — Все эти годы?

— Да.

— Но почему ты ушла? Почему ничего не сказала? Почему молчала?

— Мы же с ног сбились, пытаюсь вас найти! — вставила я.
— Я не могла, — ответила она немного грустно и повернулась к девочке, которая продолжала стоять в дверях, наблюдая за нами. — Знакомьтесь, это Илинн, новая жрица Древа...
— Очень приятно, — произнесла я, с удивлением замечая в ней знакомые черты.
— ...И моя дочь... твоя сестра, Сандер.
Наступила тишина.
— Но как такое возможно? — тихо спросил мой муж, не сводя внимательного взгляда с бледного личика сестры.
— Я умирала, Сандер. Медленно замерзала и готова была принять свою участь. Бог Древ призвал меня к себе. Я думала, чтобы лишиться остатков жизненной силы, а он сказал, что прощает и дарит мне то, чего я так хотела, — дочь.
— Ирил? — глухо спросил Сандер.
Фриона кивнула.
— Да. Всего одна ночь.
— И ты скрывала.
— Он не должен знать. Сандер, Тьяна, вы должны пообещать, что ничего ему не расскажете.
— Мама, как ты можешь?
— Мы все равно не сможем быть вместе. Мне нельзя покидать лес, а он только начал жить заново. Я слышала о его браке. Ради счастья Ирила мы все должны молчать.
— Но это не значит, что так будет всегда. — Илинн впервые подала голос. — Когда придет время, я сама сообщу ему об этом. Но не сейчас.

С тех пор прошло два года. Мы держали свою клятву, хотя это было тяжело.
— Красивая девочка, — вынес вердикт Ирил. — Если она антипод Эстреи, то я уверен, что мы подружимся.
— Я в этом не сомневаюсь, — пробормотал Сандер в ответ.
Прошло тринадцать лет после тех жутких событий, когда наш мир стоял на грани краха, и отголоски их все еще чувствовались вокруг.
Оказалось, что разрушить гораздо легче, чем воссоздать заново.
Но мы старались.
Все мы зализывали раны, пытались сделать этот мир для наших детей чище и светлее. Стычки с ящерами на границе все еще продолжались, но их было так мало, что они лишь подчеркивали тишину и радость возрождающегося мира.
Работы предстояло много, но мы не собирались останавливаться на достигнутом. Каждый день, месяц, год мы шаг за шагом приближались к своей цели.
Я обняла Хейгара за плечи, думая о том, какая судьба его ожидает, и сердце в который раз сжалось. Первый представитель нового вида — мальчик, в котором течет кровь всех четырех богов.
— Все будет хорошо, мам, — неожиданно ответил сын, и я поверила.
Да, все будет хорошо.
Потому что мы рядом.
Потому что мы вместе.
И цель у нас только одна — быть счастливыми!

Примечания